

РАЗЫСКАНИЯ

75

КЕМЕРОВСКОМУ
КРАЕВЕДЧЕСКОМУ
МУЗЕЮ
ЛЕТ

Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области
ГУК «Кемеровский областной краеведческий музей»

РАЗЫСКАНИЯ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск шестой

Издаётся с октября 1990 года

Кемерово
ФГУИПП «Кузбасс»
2004

Составитель засл. работник культуры РФ Л. Ф. Кузнецова

Редколлегия: д-р ист. наук проф. Л. И. Гвоздкова, Н. П. Гусева,
Г. П. Калишева, засл. работник культуры РФ Л. П. Кравцова,
канд. ист. наук И. Ю. Усков (отв. редактор)

Разыскания: Историко-краеведческий альманах / сост.
Р 17 Л. Ф. Кузнецова. — Кемерово, 2004. — Вып. 6. — 224 с. — Тираж
1000 экз. — ISBN 5-85905-284-7

В альманахе опубликованы новые материалы по истории заселения и церковного строительства земли Кузнецкой, о развитии фотографии и народного образования в Томской губернии. Представлены обзоры выставок, музейных коллекций и личных фондов известных людей: Героя Советского Союза Р. И. Васильева, П. С. Шпиня, М. В. Трунова, генерала П. Н. Путилова, поэта Усмана Насырова и т. д.

Авторы – ученые, музейные сотрудники, краеведы Кемерова, Новокузнецка, Анжеро-Судженска, Березовского.

ББК 63.3 (2Р.53)

На обложке: фрагменты экспозиции «Культура и образование земли Кузнецкой XIX—начала XX вв.» Кемеровского областного краеведческого музея

Л. П. Кравцова,
засл. работник культуры РФ, директор КОКМ

«Времена не выбирают»

2004 год. Июль. Впереди юбилей музея — 75 лет. Нынче идет волна больших и малых, серьезных и надуманных юбилеев. Кто-то отмечает год, кто-то 5, кто-то 10 лет. А нам 75, и настроение не очень юбилейное. Громких рапортов, шумного юбилейного веселья как-то не хочется. Сегодня Россия накануне новых реформ, касается она всех отраслей. Музеев обязательно. Вся последняя информация свидетельствует: лучше уже не будет. Отнимают собственные средства. Их надо расписывать предварительно. А потом заказывать. Это уже было — в советские времена. Но тогда были приличные государственные средства на музейные нужды. Те же деньги, что мы зарабатывали, отдавали в кассу управления культуры. И как-то по ним не страдали. Хотя смета по спецсредствам у нас и была. В 1990-е было очень плохо с государственными деньгами, да и сейчас не лучше. Но тогда все зависело от твоего умения зарабатывать деньги и вести коллектив по тяжелой дороге жизни. Однако зарабатывали, участвовали, осуществляли. Свобода дела, творческих идей, исполнения была полной. Останавливали только материальные возможности.

Чего бояться? Что хотят обуздить и забетонировать?

Эти названия: ГУК, МУП, ФАКК, МДОУ и пр. Ну, пусть эти сокращенные термины нужны для статотчета, для бюджетного кодекса. Но эта аббревиатура перетекает на печать, в юридические документы, и уже так и пишем официальные письма: «ГУК (государственное учреждение культуры) «Кемеровский областной краеведческий музей» просит, обращается, сообщает и т.д.» Мы уже много лет областной краеведческий музей, а чтобы с другими не перепутать,— «Кемеровский».

С нового, 2005 года опять грядут изменения. На основании мониторинга кого-то объединят, кого-то разъединят. Кто-то, безусловно, исчезнет. Кого-то сильно сократят. Я не хочу возврата к старым временам, но новые времена — по направляемым инструкциям и по исполнениям в нашей дорогой Москве — глупейшие. Всё суета сует. Чиновники оправдывают свое существование. Суть всей возни: оставить тех, кто пользуется спросом. Но у каждого чиновника свое понимание «спроса».

В последнее десятилетие перемены и реформы без конца. И, слава богу, за этот перманентный период реформ наш музей не растерял свой коллектив. Наоборот, стали развивать новые научные и прикладные темы, стали по-другому работать. Коллектив напитался знаниями по разной тематике.

Конечно, кому-то слово «краеведческий» представляется атавизмом,rudиментом прошлого. Но, находясь у себя в кабинете (а у меня всегда открыты двери), я чувствую востребованность музея, бесконечный спрос на знания моих сотрудников: милиции и прокуратуре нужны справки о цене предмета, кому-то нужно знать всё о нашем фонтане, кому-то о площади или скульптуре, кто-то хочет заглянуть в далекое прошлое, а кому-то надо в определенном интерьере показать свое учреждение.

Нашим сотрудникам из отдела истории иногда некогда делать запланированную работу, уносят ее с собой: к ним никогда не застает тропа посетителей: историки-профессионалы, краеведы, коллекционеры, коллеги идут и едут. Причем, от 12 лет до 80. Иногда их друзья становятся друзьями музея — навсегда. Так было с И. А. Балибаловым. Сегодня с нами дружат его дочери Диана и Людмила. Семья Шевелевых дружит с нами уже огурцами, вареньями, семейными праздниками. Да практически так каждый отдел. Сотрудники отдела народных промыслов и ремесел дружат с мастерами. Наш отдел военной истории с любовью, радостью или печалью отмечает своими музейными средствами многие события Великой Отечественной войны с ветеранами, участниками тех военных лет. Все школы-интернаты, учреждения, создающие свой музей,— коллеги нашего отдела современности. Про кого ни вспомнишь из сотрудников, сразу видишь целый ряд друзей музея. В коридорах толпится молодежь, студенты, школьники. Кто

отвечает на викторину, кто проходит практику. Но это уже привычная картина. И возражения она не вызывает. Только я, когда вижу и слышу, на какие вопросы отвечают мои коллеги, хочу требовать деньги. Где они еще найдут ответы, получат справку так скоро и без особого труда: пришел, спросил, получил? Даже чиновники всех уровней власти то и дело шерстят наши фонды: каждое событие, прошедшее или будущее, требует иллюстративного обоснования.

Клад у нас в руках, сокровища мы храним. На всем можно зарабатывать — останавливает статус «музей» и «краеведческий». Всегда были демократическим учреждением, всегда служили бескорыстно, не хочется впадать в другую крайность. Но и нам наше бескорыстие обходится боком: многие газеты, журналы, рекламные издания хотят получать наши экспонаты, документы, консультации бесплатно. Мы, говорят, таким образом вас рекламируем. Спорный вопрос. Много противоречий, вопросов, проблем у директора.

А вообще-то я рада, что мы краеведческий музей. Это дает нам возможность проводить такое разнообразие выставок: от патриотических («85 лет со дня рождения 1-го секретаря обкома КПСС А. Ф. Ештокина», 2003 г., «Операция «Багратион», «60 лет со дня освобождения Белоруссии», 2004 год) до флористических («Сенполия на твоем окне» (комнатный цветок «фиалка»), «Садовые лилии: разнообразие цвета и света», 2003, 2004 гг.). У каждой выставки своя аудитория. Каждая пользуется спросом общества. У нас есть отдел природы: бабочки, жуки, цветы, рептилии,— показать их наше святое дело. Каждый отдел нашего музея четко улавливает потребность общества и отвечает своими музейными формами. Результат такой быстрой оперативности рост посещаемости. Боюсь сглазить, но к нам ходят. Есть публика, которая идет в музей как в культурное учреждение, а есть та, которая приходит только на наши выставки.

Пока плохо то, что мы не можем общаться часто с коллегами, ездить в командировки, видеть другие музеи воочию. До сих пор все средства мы направляли на нужды музея: ремонт техники, бензин, текущий ремонт помещений и пр. На командировке своих средств мы направляли очень мало. И интернет не дает такой наглядности, как собственные глаза: обзор у каждого свой. Да и на первой линии новостей и показов там, как всегда, большие музеи. Или наиболее пробивные и хваткие. Вообще все последние годы среди музеев шла идет конкуренция за деньги, за имидж, за внимание руководства, за посетителей. Борьбу за посетителей мы выигрываем. За деньги, которые можем заработать сами и честно, тоже. Для остального — широкое поле деятельности.

Если меня не подводит опыт, то впереди все музеи ждет конкуренция за проекты: заказчиками будут выступать и наш департамент, и другие департаменты от лица государства. Либо другие фирмы, частные орга-

низации. В соответствии со своим статусом, целями и задачами музеи будут наполнять выигранные проекты своими средствами. У нашего музея такой опыт есть. Были заказы на оформление выставки (наш департамент), проведение Балиболовских чтений (городская администрация). Последняя такая акция была посвящена операции «Багратион» (июль 2004 г.). Департамент общественных отношений выделил нам энную сумму. Мы сделали ремонт зала, художники оформили выставку. Мы провели открытие выставки с ветеранами-участниками освобождения Белоруссии. Ощущение от этого проекта самое светлое. И еще раз доказывает: были бы деньги. Они дают возможность осуществить даже нечто сверхъестественное. А вообще у нас своя ниша. Систематическая каждодневная работа без внешней показухи — вот сущность нашей настоящей работы. Она приносит и радость, и воодушевление, когда видишь отсвет на лицах наших гостей — посетителей: радость, счастье, умиление, изумление, восторг, иногда слезы благодарности — одним словом, просветленность, понимаешь, вот она, настоящая цена твоей работы. А какое сегодня время, значение, конечно, имеет. Оно налагает окраску на всё. Но... времена не выбирают.

Л. Ю. Китова,
канд. ист. наук, доцент кафедры археологии КемГУ

К истории Кемеровского краеведческого музея

Автору статьи уже приходилось писать о создании краеведческого музея в городе Кемерово¹. Однако недавно нами были обнаружены архивные материалы, дополняющие старую информацию.

История Кемерова как города связана в первую очередь с развитием промышленности. Создание учреждений культуры всегда предельно отставало от строительства шахт и заводов. В городском бюджете не хватало средств на эти цели. В 1920—1930-е гг. более насущными задачами являлись обеспечение населения жильем (в Кемерове был острый жилищный кризис), благоустройство города, работа автотранспорта. Управление Кемеровского района не было отделено от города, и на заседаниях президиума горсовета рассматривались вопросы сева и уборки урожая, прирост поголовья скота и др. Местные власти обращали внимание на музей только после проверок вышестоящих организаций.

Открытый во Дворце труда 6 октября 1929 г. краеведческий музей, по сути, влакое существование. Через месяц, 8 ноября 1929 г., случился пожар и уничтожил часть экспозиции и документы к экспонатам. Помещение музея было небольшим, общей площадью 120 кв. м., и поделено на две экспозиционные и одну рабочую комнаты. Освещение имелось недостаточное, одностороннее с северо-востока. Потолок после пожара был отремонтирован плохо и протекал в период дождей. Дворец труда находился в ведении городского совета профессиональных союзов (ГСПС), и музею приходилось оплачивать ГСПС из своей сметы 4320 рублей в год за аренду помещения. Штат музея состоял из трёх человек: директора с окладом в 200 рублей, научного сотрудника с окладом 120 рублей и технического работника с окладом в 65 рублей². Людей, знающих музейное дело, имеющих опыт работы в музеях, среди них не было. После ликвидации в Щегловске 8 октября 1931 г. краеведческого общества музей потерял своих друзей и помощников. Таким образом, материальных средств, знаний и сил (музейных работников) для достойной организации работы музея не имелось.

Экспозиция музея не была строго выстроена. Проверка краевого отдела народного образования (эти отделы отвечали за музеи) в 1934 г. показала, что промышленный отдел был представлен полезными ископаемыми и продукцией предприятий города Кемерово и Кемеровского района: кемеровский уголь, барзасские сапропелиты, продукция коксохимического завода и некоторых других. Имелась зоологическая экспозиция, препровожденная костями ископаемых

животных, чучелами птиц и насекомыми. Были выставлены в одном из залов некоторые экспонаты отделов революции, антирелигиозного и охраны труда. В фондах музея хранились этнографические (шорские и телеутские) и нумизматические (старые сибирские монеты) коллекции, собственная библиотека из 3835 книг по вопросам техники, геологии, зоологии, ботаники, минералогии, этнографии, антропологии и др. Кроме этого в музее разместили материалы бывшего дома санитарного просвещения: мумифицированный труп человека, муляжи рук, ног, органов человеческого тела, пораженных болезнями или отравляющими веществами. В общем, музей насчитывал 3083 экспоната, и проверяющие оценили его как кунсткамерный³. Конечно, экспозиция музея производила удручающее впечатление. Сотрудников музея обвинили в отсутствии связей с промышленными предприятиями, в том, что не организуется передвижных выставок, что вокруг музея не объединяется общественность.

Кемеровский городской совет с 15 мая 1934 г. ввел плату за посещение музея: школьники — 10 копеек, ударники труда — 20 копеек, остальные — 40 копеек. От платы освобождались красноармейцы, красные партизаны, милиционеры, научные работники и все организованные экскурсии⁴. Это нововведение отрицательно сказалось на работе музея. Его посещаемость резко сократилась. Если в 1933 г. она составляла 32 269 человек, то на 10 декабря 1934 г. в музее побывало 18 156 человек. Такие показатели не добавляли очков музею. Результаты проверки музея Западно-Сибирским краевым отделом народного образования дошли до музейного отдела наркомата просвещения (НКП).

28 января 1935 г. музейный отдел НКП принял постановление, в котором Кемеровскому музею был определен профиль политехнического. К 1 мая 1935 г. сотрудникам музея необходимо было провести реэкспозицию по следующим разделам: 1) «Полезные ископаемые с доисторическими материалами», 2) «Угли», 3) «Местная промышленность», 4) «Сельское хозяйство», 5) «Социалистическое строительство». Деятельность музея регулировалась типовым положением о районных политехнических музеях. Дирекция музея должна была информировать каждую декаду Государственный политехнический музей (ГПМ) при НКП в Москве о ходе оперативных работ по реорганизации. «Сверху» вообще пришло много рекомендаций, которые в связи с создавшейся в городе и музее ситуацией, трудно было выполнить к намеченному сроку. Руководство ГПМ рекомендовало: 1) поставить перед горкомом ВКП (б) и ГорОНО вопрос о предоставлении Кемеровскому политехническому музею специального увеличенного по площади помещения, 2) сотрудникам музея в соответствии с задачами музея установить более тесную связь с промышленными предприятиями района через организацию передвижных выставок, 3) организовать общественность вокруг музея,

создавая кружки юных поисковиков, юных техников и изобретателей, юных друзей музея и др., 4) предложить ГорОНО пересмотреть входную плату в музей в сторону её уменьшения, 5) дирекции создать при музее химическую и физическую лаборатории для обслуживания 32 школ города, решив проблему через ГорОНО, 6) обратиться с ходатайством в ВЦСПС об освобождении музея от арендной платы⁵.

Постановление обсуждалось в Кемеровском горкоме ВКП (б), городская администрация смогла обратить внимание на музей только летом 1935 г., но подготовилась так, чтобы проанализировать ситуацию в городе по всем учреждениям культуры. Впервые 25 июля 1935 г. вопросы культуры специально и широко обсуждались на заседании президиума Кемеровского горсовета. Здесь рассматривалась проблема строительства большого Кемерова как крупнейшего не только промышленного, но и культурного центра Кузбасса. Дискутировали о работе театра, клубов, библиотек, радио, печати. Конечно, разбиралась тема музея. Горсовет, безусловно, учел основные рекомендации музейного отдела НКП и ГМП и определил для музея политехнический профиль с отделами: 1) «Флора и фауна района», 2) «Производительные силы», 3) «Сельское хозяйство и его реконструкция», 4) «Историко-революционный отдел», 5) «Советское строительство» (просвещение, здравоохранение, благоустройство и т.д.). Обращалось особое внимание дирекции музея на отображение истории города (от села Щеглово до крупного индустриального центра) и Кемеровского района, где обязательным считалось воссоздание истории Красной гвардии, партизанского движения и пр. В отделе «Производительные силы» предлагалось разработать геологическую карту района, показав его богатства, технологические процессы и производство химических продуктов на предприятиях с указанием области их применения. Горсовет даже постановил включить в контрольные цифры бюджета 1936 г. строительство специального помещения для музея. (Однако особого здания наш краеведческий музей не имеет до сих пор). Об освобождении музея от арендной платы или уменьшении входной платы в музей на заседании президиума речь не шла⁶. Необходимы были новые специалисты, которые бы справились с поставленными задачами. Выбор пал на репрессированного этнографа, антрополога, научного сотрудника этнографического отдела Русского музея Раису Павловну Митусову (в девичестве Кутепову)⁷. Двадцать пятого июля (по другим данным 1 августа) 1935 г. она была назначена директором кемеровского музея. Впервые профессионал такого высокого уровня возглавила музей. Она после собственной трехлетней ссылки приехала к мужу, Зарембскому Аркадию Игнатьевичу, отбывшему 3 года концлагерей и определенному в Кемерово на поселение. А. И. Зарембский также был этнографом и в течение 20 лет исполнял обязанности ученого секретаря Русского музея.

Митусова Р. П.

Перед Р. П. Митусовой стояли сложные задачи. Необходимо было срочно провести инвентаризацию музеиных экспонатов, т. к. пожар 1929 г. в музее уничтожил большую часть документации, разработать новый план экспозиции, пополнить фонды недостающими экспонатами и, самое главное, создать эту экспозицию. Всю научно-исследовательскую работу в музее вела Р. П. Митусова. В 1935 г. ею был организован геологический поход школьников для пополнения коллекций музея, проведена инвентаризация музеиных экспонатов, вместе с сотрудником С. Ф. Ивановым за три месяца к 7 ноября 1935 г. подготовлена новая экспозиция по социалистическому строительству⁸.

15 декабря 1935 г. президиум Кемеровского горсовета постановил ежегодно (весной и осенью) проводить городские, с участием всего района, художественные выставки. Приобретение и хранение лучших изобразительных произведений, отображающих историю развития города, промышленности, героев труда, лучших хозяйственных партийных и советских руководителей, вменялось в обязанность городскому музею. Для этого специально планировалось выделять финансовые ассигнования. Было создано оргбюро для организации и проведения весенней и осенней выставок 1936 г., в которое вошла и Р. П. Митусова. Таким образом, местное руководство своими действиями само в некоторой степени разрушало политехнический профиль музея.

В начале 1936 г. Р. П. Митусова занималась описанием коллекций как собственными силами, так и с привлечением специалистов по химии и геологии, выезжала в Новосибирск с целью работы в архивах и библиотеках и сортирования материалов по истории Верхнетомского острога и революционному прошлому Кузбасса. Она привлекла школьников в музей и создала клуб его друзей. Летом 1936 г. по рекомендации краевого отдела народного образования Р. П. Митусова организовала краеведческий поход по местам боев в 1918 г. красногвардейского отряда под руководством Петра Сухова, согласно плану работ музея — очередной геологический поход и сборы гербариев для создания профилей флоры края. Вместе со школьниками были сняты копии петроглифов у деревни Писаной. Была подготовлена выставка краеведческого похода имени X съезда комсомола⁹.

В декабре 1936 г. была организована новая проверка музея. Возглавлял её заведующий городской сберкассой тов. Гамберг. Результаты проверки обсуждались 25 декабря 1936 г. на заседании президиума Кемеровского городского совета, где была дана низкая оценка деятельности музея.

В качестве основных замечаний приводились следующие доводы: отсутствует историко-революционный отдел, не показаны производственные процессы городских предприятий, не отражена перспектива большого Кемерово, слабо представлен сельскохозяйственный отдел, отсутствует руководство со стороны ГорОНО, не установлена прочная связь с краевым музеем. Р. П. Митусова была освобождена от обязанностей директора и переведена в научные сотрудники музея¹⁰. Директором музея назначен бывший секретарь парткома автотранспортного предприятия «Кемеровокомбинатстрой» Ф. В. Виноградов.

4 июня 1937 г. Р. П. Митусова была арестована. Она проходила по делу, сфабрикованному органами НКВД, против её брата С. П. Кутепова, которого обвинили в создании и руководстве контрреволюционной организацией «Русский Общевоинский союз» (РОВС) на территории СССР по прямому заданию бывшего генерала А. П. Кутепова. Р. П. Митусову-Кутепову изобличили в активном членстве в РОВС и обоих — в проведении шпионско-диверсионной и террористической деятельности, в подготовке контрреволюционных, повстанческих кадров для вооруженной борьбы с советской властью и восстановления капиталистического строя в СССР¹¹. Р. П. Митусовой предъявили обвинение по статьям 58-10, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР и избрали меру пресечения — содержание под стражей при ДПЗ УНКВД по Западно-Сибирскому краю¹².

7 декабря 1937 г. Раиса Павловна Митусова приговорена «тройкой» НКВД Новосибирской области по статье 58—2-6—11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу. Постановление приведено в исполнение 9 декабря 1937 г. в Новосибирске. Двенадцатого марта 1957 г. она была реабилитирована посмертно «за отсутствием состава преступления»¹³.

Примечания

1. Китова Л. Ю. Из истории создания Кемеровского краеведческого музея (1920—1930-е годы)// Рзыскания. Историко-краеведческий альманах. Кемерово, 1999. Вып. 5 С. 11—22.
2. ГАКО, ф. П. — 15, оп. 7, д. 126, л. 16.
3. ГАКО, ф. П. — 15, оп. 7, д. 126, л. 16.
4. ГАКО, ф. Р. — 18, оп. 1, д. 475, л. 29.
5. ГАКО, ф. П. — 15, оп. 7, д. 126, л. 16.
6. ГАКО, ф. Р. — 18, оп. 1, д. 565, л. 9—11.
7. Китова Л. Ю. Неизвестные страницы биографии Р. П. Митусовой и её семьи// Балиболовские чтения. Материалы научно-практической конференции, посвященные 85-летию города Кемерово. Кемерово, 2003. Вып. 3. С. 68—71.
8. ГАКО, ф. Р-1088, оп. 1, д. 5, л. 55—58.
9. ГАКО, ф. Р-1088, оп. 1, д. 5; ГАНО, ф. Р-61, оп. 1, д. 1465.
10. ГАКО, ф. Р. — 18, оп. 1, д. 697, л. 295.
11. Архив Управления ФСБ Кемеровской области, д. 124, л. 193.
12. Архив Управления ФСБ Кемеровской области, д. 124, л. 6.
13. Архив НИЦ СПб. «Мемориал».

Музей в жизни нашей семьи

В одной из своих статей отец писал, как он работает над книгой о Кемерово: «Работа историографа весьма кропотлива и трудоемка. Собрать материал нелегко, еще труднее его, как говорится, переварить, осмыслить, убедиться в достоверности. В погоне за одной деталью события приходится неделями перебирать архивные папки, ворошить кипы старых газетных подшивок и журналов, доставать и перечитывать десятки редких книг по различным отраслям знаний, разыскивать и беседовать с непосредственными участниками того или иного события. И уж потом садишься за письменный стол. Я преисполнен благодарности всем работникам... краеведческого музея, принимающим горячее участие в моем поиске материалов...»

Дома отец часто рассказывал о делах музея, его экспедициях, новых экспонатах. Мы с сестрой Людмилой до сих пор вспоминаем его рассказы о поездках на Каым вместе с О. Н. Баронской, которая тогда заведовала отделом природы музея. Эти поездки дали ему материалы и для альманаха о природе «Земля Кузнецкая», редактором которого он был, и для очерков об открытом геологами Каымской экспедиции «кипящем камне» цеолите.

Прошло много лет, и сейчас, приезжая в Кемерово, я первым делом иду в музей. Он стал для меня родным, а началось всё так. Однажды, в конце 1970-х годов, когда я — доцент Ленинградской лесотехнической академии — часть своего отпуска, как обычно, проводила у родителей в родном городе, он предложил: «Пойдем, я покажу тебе наш музей и познакомлю с людьми, которые мне помогают в работе. Они не только корифеи в своем деле, но и чуткие и отзывчивые люди, к ним тянешься душой».

И вот мы пришли в музей, отец показал мне экспозицию, которую хорошо знал. Затем мы прошли в отделы, но там было малолюдно, так как шла вторая половина августа — время экспедиций и отпусков. Задержались в фотолаборатории, где работал наш хороший знакомый П. П. Костюков. Когда он в 1949 г. приехал в Кемерово, то почти год жил у нас в папиной комнате с балконом (отец с ноября 1949 г. по ноябрь 1950 г. учился в Высшей партийной школе в Москве). Петр Павлович много лет работал фотокорреспондентом, а выйдя на пенсию, перешел в музей, благо, что жил по соседству. Он показывал нам фотоснимки, что делал для музея, они с отцом обсуждали, что можно из них подобрать для нового издания книги «Кемерово». Я рассказывала о Ленинграде.

Оказалось, что П. П. Костюков воевал там, будучи моряком краснознаменного Балтийского флота.

Последние годы своей жизни отец работал над путеводителем по городу. В этом ему помогала старший научный сотрудник музея Кузнецова Л. Ф. Она бывала у нас дома, родители очень ее уважали и ценили как специалиста и порядочного человека. Она очень тактично работала с моей мамой — Ситниковой А. П., когда формировалась фонд отца. Мама была очень довольна, когда архив отца был передан из областной научной библиотеки в музей. Л. Ф. Кузнецова стала для нашей семьи близким человеком. Поражает ее умение выслушать, дать совет, помочь делом. Она не только подсказала, как сохранить старые фотографии и письма отца с фронта, но и сама их сканировала. Что же касается организации Балиболовских чтений, то без нее их трудно представить.

Осенью 1996 г. в отделе военной истории музея было отмечено 85-летие отца. Сотрудники музея подготовили выставку об отце, на этом мероприятии были мама — Ситникова А. П., папин друг Егоров Н. Т. — тогда еще живые. Там было высказано предложение проводить Балиболовские чтения. Оно было поддержано руководством города, и первые Балиболовские чтения состоялись в июне 1998 г. Они были посвящены 80-летию городского статуса Кемерова. Организаторами их стали: Администрация города Кемерово, департамент культуры администрации Кемеровской области, Кемеровский областной краеведческий музей, Государственный архив Кемеровской области, Кемеровский государственный университет. Проводились они в отделе военной истории краеведческого музея, где была подготовлена специальная экспозиция. С рассказом об отце выступила моя сестра Людмила Ивановна Евпак. Был издан сборник материалов, в котором были представлены 28 публикаций. Я написала статью «Мой отец — Иван Балиболов», которая была напечатана в газете «Кузбасс» 11 июня 1998 г.

Над этой статьей мы с мамой начали работать еще в 1997 г. Она предназначалась для историко-краеведческого альманаха «Разыскания», составителем которого являлась Л. Ф. Кузнецова. Она же подсказала нам, на что следует обратить внимание, какие факты из его биографии интересуют историков. Статья «Люди земли Кузнецкой» (О моем отце — Балиболове Иване Алексеевиче) была опубликована в 1999 г.

Семья Балиболовых. 1960-е.

в пятом выпуске альманаха, а сокращенный вариант был помещен в «Кузбассе».

Выступая на первых Балиболовских чтениях, старший научный сотрудник музея Л. Ф. Кузнецова совершенно верно отметила: «Журналист, писатель, драматург И. А. Балиболов был влюблена в свой край и его людей, гордился, что живет здесь... Героями его очерков были труженики, превратившие дикий, глухой край, какой была земля Кузнецкая в XIX веке, в крупный индустриальный центр... Книга «Кемерово» поражает обилием фактического материала, огромным количеством фамилий. Создается впечатление, что все годы работы журналиста Балиболова подчинены одной цели — шаг за шагом воссоздать не только этапы становления города, но и увековечить память о людях того времени» (см. Л. Ф. Кузнецова. Иван Алексеевич Балиболов — летописец города Кемерово. Балиболовские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию городского статуса Кемерово. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. — С. 3, 7).

Она также высказала надежду, что «Балиболовские чтения станут традицией и с каждым годом будет увеличиваться число их участников, тех, кто продолжит дело летописца нашего города Балиболова Ивана Алексеевича» (см. там же С. 7).

Это высказывание было подкреплено делом. В ноябре 2001 г. состоялись Вторые Балиболовские чтения, посвященные 300-летию упоминания первого населенного пункта города Кемерово — заимки Щегловой, 280-летию открытия Кузнецкого угольного бассейна, 80-летию создания АИК-Кузбасс, 90-летию со дня рождения И. А. Балиболова.

В этих чтениях я принимала участие и видела ту огромную организационную и научно-исследовательскую работу, которую проводили сотрудники музея и прежде всего Л. Ф. Кузнецова. В музее была открыта выставка «От заимки до города», которая включала в себя раздел «И. А. Балиболов — летописец города Кемерово». На стенде были представлены материалы о его жизни и деятельности, документы 1930—70-х годов, фотографии, все пять изданий книги «Кемерово», письма скульптора Баранова, в которых он рассказывает о работе над памятником Михаиле Волкову.

Перед началом чтений состоялось повторное открытие мемориальной доски на доме по Притомской набережной, 11, где с 1938 по 1991 гг. жил И. А. Балиболов. Дело в том, что первая мемориальная доска, установленная еще в 1992 г., исчезла. В деле ее восстановления нам помогали советом и делом сотрудники краеведческого музея. Сама же конференция проводилась в помещении отдела военной истории музея.

Организаторами их стали Кемеровский областной краеведческий музей и департамент культуры администрации Кемеровской области. Доклады и сообщения, представленные на конференции, отличались

высоким научным уровнем. Было много интересных предложений по проблематике чтений, об объединении усилий краеведческого музея, архивов города, областной библиотеки, научных работников в деле исследования истории города, а ветеран Великой Отечественной войны Л. Н. Монастыренко предложила переиздать книгу Балибалова И. А. о Кемерово и написать о нем. По итогам обсуждения были приняты рекомендации, в том числе о том, чтобы проводить чтения раз в два года, создать оргкомитет.

В 2003 году состоялись Третья Балибаловские чтения, посвященные 85-летию города Кемерово. Организаторами были: администрация города, Кемеровский областной краеведческий музей, архивное управление Кемеровской области и кафедра истории России Кемеровского государственного университета. Открывала их И. Ф. Федорова, к. экон. н., заместитель Главы города. Перед открытием состоялось возложение цветов у мемориальной доски И. А. Балибалова.

В работе научно-практической конференции приняло участие более 200 человек, среди них ученые вузов Кузбасса, сотрудники музеев, библиотек, архивов, учащиеся школ, краеведы, представители администрации. На пленарном заседании и секциях: «Кемерово — история возникновения и развития с XVIII до середины XX в.» и «Кемерово — областной центр. 1943—2003 гг.» было заслушано 36 докладов и сообщений. Участники конференции отметили поступательное развитие исторического краеведения, заинтересованную работу ученых, сотрудников музеев, архивов, библиотек, школ, студентов и школьников по изучению исторического наследия кемеровчан. Было отмечено, что активизировалась краеведческая работа музеев архивов и библиотек, они все вместе начинают сотрудничать в области обеспечения информационных запросов по истории города.

Конференция приняла рекомендации, в числе которых следующие:

— рассмотреть возможность учреждения специальных Балибаловских премий за наибольший вклад в изучение истории города учеными, студентами, школьниками, краеведами;

— ходатайствовать перед Кемеровским городским советом народных депутатов и Администрацией

Балибаловские чтения. 2003 г.

г. Кемерово о присвоении И. А. Балибалову звания «Почетный гражданин города Кемерово»;

— подготовить к изданию в 2006 г. книгу памяти И. А. Балибалова (к 95-летию со дня рождения), путеводитель «Улицы родного города», а также другие рекомендации.

Можно сказать, что Балибаловские чтения получили признание и вышли на новый качественный уровень. Бессспорно, что в этом большая заслуга сотрудников музея, руководимых директором Л. П. Кравцовой.

Музей подарил нам и незабываемые встречи с интереснейшими людьми. Одна из них произошла в музее-заповеднике «Томская писаница», где экскурсоводом был сам академик А. И. Мартынов. Им создан уникальный музей, и питерские историки завидуют, что я была в нем. После экскурсии по заповеднику «мы приземлились за столом». И как великолепно звучали там стихи в исполнении авторов — Г. Е. Юрова и Л. Н. Винчиной (старший научный сотрудник музея). Потом мы поехали в город, кругом было чудное сибирское разнотравье. И вдруг Г. П. Калишева (зав. отделом истории) потребовала остановиться, чтобы нарвать пижмы. Оказывается, она используется вместо нафталина для сохранения вещей, на нафталин теперь не выделяют денег, приходится применять народные средства. Мы быстро нарвали охапки желтоголовой пижмы. Я же была потрясена такой заботой о сохранности музейных коллекций.

О том же, как сохраняются в музее ордена и медали, нам с сестрой подробно рассказала и показала Л. П. Смокотина (главный хранитель фондов), когда мы с сестрой передавали в музей военные награды отца.

В наш музей мы уже приходим не только с детьми, но и с внуками. Надеемся, что сотрудничество нашей семьи с музеем будет продолжаться, и наши потомки тоже будут считать музей своим, родным.

Поздравляя Кемеровский краеведческий музей с юбилеем — 75-летием, наша семья выражает огромную благодарность всему коллективу за его самоотверженный труд в деле сохранения памяти дорогого для нас человека — Балибалова И. А.

КОЛЛЕКЦИИ РАССКАЗЫВАЮТ

E. V. Лежнёва,

научный сотрудник КОКМ

Русские монеты XVI—первой половины XVII веков в фондах Кемеровского областного краеведческого музея

В нумизматической коллекции музея средневековый период представлен монетами царствования Ивана IV, Бориса Годунова и Михаила Фёдоровича. История монетного обращения в России XVI—XVII веков интересна тем, что в этот период проводились денежные реформы. В целях единобразия и упорядочения денежного обращения в 1534 году была проведена реформа Елены Глинской, матери Ивана IV, продиктованная политическими (объединение раздробленных русских княжеств вокруг Москвы) и финансовыми причинами (хождение разнообразных по весу, «порченых» монет). Была начата чеканка новой общегосударственной монеты, вдвое более тяжёлой, чем денга-московка, — серебряной новгородки, или копейки, в течение долгого времени остававшейся самой крупной русской монетой. Сама московская денга по весу стала легче: из гриненки серебра новые монеты чеканили на 3 рубля в отличие от прежних 2,6 рубля¹.

Новая монета отличалась изображением на лицевой стороне всадника с копьём, в то время как на денге московской изображался всадник с саблей. На обратной стороне монеты была легенда, часто её фрагмент: «Царь и великий князь всея Руси» (буквами славянского алфавита). Таким образом появилось название «копейка» для общегосударственной русской монеты. Монета, однако, трудно приживалась в обращении и до начала XVIII века счёт вели на денгу, называя копейку двумя денгами².

Русские монеты XVI—XVII в. имели три типа изображения, обозначающие номинал: всадник с копьём — копейка, всадник с саблей — денга, птичка — полушка.

В нашем собрании представлена 21 серебряная монета XVI—первой половины XVII веков номиналом копейка и деньга. Отсутствуют монеты достоинством полушка. Проба 960. Серебро долгое время оставалось единственным металлом в Русском государстве.

Сырьё завозилось из-за границы. Основной монетой была серебряная копейка³. Выпуск её был прекращён в начале 1718 года.

Для монетного производства была характерна техника чеканки из проволоки. Отсюда название «проводочные монеты».

Период правления царя Ивана IV (1547—1584 гг.) отображают 4 монеты номиналом денга и копейка. Место чеканки обозначено только на двух первых монетах (Московский монетный двор). Монеты отличаются по весу: первые имеют вес 0,33 г, вторые — 0,69 и 0,70 г, т. е. вдвое больше⁴.

Монеты чеканились на трёх дворах: в Москве, Новгороде, Пскове, а после 1627 года — только в Москве⁵.

Царствование Бориса Годунова (1598—1605 гг.) представлено тремя монетами номиналом копейка. Выпуск мелких номиналов в данный период не производился. На монетах всадник изображён в плаще и латах, в отличие от монет Ивана IV. Вес монет 0,70, 0,64 и 0,65 г. Московский монетный двор обозначен на двух монетах.

Монеты периода правления царя Михаила Фёдоровича (1613—1645 гг.), родоначальника династии Романовых, в количестве 14 единиц имеют номинал копейка. Место чеканки — монетный двор в Москве — определяется на восьми монетах. Вес монет составляет: 0,47 г — 2 ед., 0,46 г — 2 ед., остальные — 0,42 г, что свидетельствует о его значительном уменьшении.

В 1613 году была введена четырёхрублёвая монетная стопа вместо прежней трёхрублёвой⁶. Данные монеты были выпущены до начала проведения реформы царём Алексеем Михайловичем, начавшейся в 1654 году и оказавшейся незавершённой.

Монеты XVI—первой половины XVII веков экспонируются в музее (тема «Присоединение земли Кузнецкой к Русскому государству. XVII век»).

К сожалению, указанные в каталоге монеты поступили в музей в 1957 и 1971 годах без акта приема и проследить их легенду не представляется возможным.

Примечания

1. Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962. С. 100.
2. Нумизматический словарь. Автор-составитель В. В. Зварич. Львов, 1975. С. 42.
3. Максимов М. М. Очерк о серебре. М., 1981. С. 140.
4. Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М., 1973. С. 87.
5. Спасский И. Г. Русские ефимки. Исследование и каталог. Новосибирск. С. 8.
6. Сборник статей по материальной культуре XVII—XIX в.: Труды Государственного Исторического музея. Вып. XVIII. М., 1947. С. 16.

Энциклопедии и словари в фонде «Редкая книга» Кемеровского областного краеведческого музея

Термин энциклопедия в переводе с греческого языка означает «обучение сумме знаний, известных древнему миру». Энциклопедия — это научное или научно-популярное справочное издание, содержащее наиболее существенную информацию по всем (универсальные энциклопедии) или отдельным (отраслевые энциклопедии) отраслям знаний или практической деятельности. По структуре различают алфавитные энциклопедии, в которых материал располагается в алфавите терминов и систематические. По объему энциклопедии делятся на: большие (несколько десятков томов), малые (10—12 томов), краткие (4—6 томов) и 1—3-х томные энциклопедические словари.

В фонде «Редкая книга» музея хранится более 120 томов энциклопедий и словарей, изданных в период с конца XVIII до начала XX вв. Поскольку книга как музейный предмет интересна историей создания, издания и бытования, то в статье приведены некоторые сведения об издателях и владельцах.

Самым ранним изданием в фонде является «*Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон...*», изданный в Москве, в Университетской типографии, у Н. Новикова, в 1788—89 гг.¹ Из шести частей словаря в музее хранятся пять: I, II, III, IV, VI. Словарь имеет обширный подзаголовок: «*Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, идрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, Наместничества, Области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясашные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы, и слободы; Соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежние и новые иностранные поселения; обитателей как природных Российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великой новоустроенным; с объяснением и тех мест, которые в прежние войны и прошедшую турецкую; а некоторые прежде того и от Персии храбростью Российскою или обладаемы были, или и ныне находятся еще во владении; также и тех, которые в преславное настоящее Царствование с Белоруссиею и с Полуостровом Крымом к России присоединены; из достопамятных и достоверных древних*

и новых источников Собранный». К IV части словаря прилагается «Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов для читателей, упражняющихся в торговле внутри своего государства». Словарь закуплен музеем в 1967 г. у кемеровского коллекционера Л. Н. Вишневского за 70 рублей.

В той же университетской типографии, но уже у Любия, Гария и Попова издан «Словарь географический Российского государства», собранный писателем Афанасием Щекатовым². В музее хранятся части третья и четвертая (отделение I), изданные в 1804—05 гг. Словарь имеет еще более обширный, чем у предыдущего, подзаголовок: «Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком Географически, Топографически, Идрографически, Физически, Исторически, Политически, Хронологически, Генеалогически и Геральдически все Губернии, города и их уезды; крепости, форпосты, редуты, слободы, Сибирские остроги, ясашные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы, прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные уроцища и годовые ярмарки; Епархии, Соборы, находящиеся в классах Штатные и заштатные монастыри и пустыни; железные и медные заводы, рудники, рудокопные прииски, также винокуренные и другие заводы, разные фабрики и соленые варницы, моря, реки, рыболовные учуги, соленые, горькие и пресные озера, целебные, минеральные воды, кислые и горячие источники; острова, мысы, проливы, губы, заливы, большие болота, земляные провалы; огнедыдущие и простые высокие горы и пещеры; равно вновь приобретенные от Турции, Польши и Грузии Области и земли; также и недавно открытые Российскойми мореходцами, подвластные Российскому Скипетру, острова, в Тихом море и Восточном Океане лежащие и с самою Америкою Сопредельные; некоторых кочующих при границах Российских, различных, степных и горских народов, в Российском подданстве действительно состоящих, другим соседственным Державам подвластных, и собственно своими Князьями и начальниками управляемых; а сверх того и пограничные чужестранные места; составленный из достоверных и новейших источников, с подробными сведениями о местоположении каждой Губернии, каждого города и уезда, о их климате, естественных произведениях, богатстве и торговле; обо всех достопамятных Исторических происшествиях, в них когда-либо случившихся; о великих людях, тут некогда живших, и обо всех находящихся там предметах, особливое внимание заслуживающих. С приложением известий об Академиях и Университетах, Школах и Училищах; о великолепных сданиях, монументах, достопримечательных развалинах и о населяющих Россию нынешних ее обитателях как природных Россиянах, так и других народах, в оной поселившихся; о числе их, религии, богослужебных и других

обрядах, обычаях, образе жизни, одежде, также об их способностях, упражнениях, промыслах, рукоделиях и проч. Собранный Афанасием Щекатовым». На форзаце словаря — наклейка и гербовая печать библиотеки Полоцкого кадетского корпуса. До передачи в фонды словарь хранился в музейной библиотеке.

«Энциклопедический Лексикон» издавался в Санкт-Петербурге Адольфом Александровичем Плюшаром (1806—1865) под редакцией Н. И. Гречи и О. И. Сенковского, с 1835 по 1841 годы³. Издательство Плюшаров было основано в 1806 г. отцом Адольфа Александровича — Александром Ивановичем Плюшаром (1777—1827). В 30-х гг. XIX в. типография и словолитня Плюшаров считались лучшими в Петербурге. К сотрудничеству по изданию Лексикона были привлечены крупнейшие литераторы, ученые, военные, священнослужители. Лексикон должен был состоять из 40 томов, однако из-за очень подробного изложения материала издание растянулось, что привело к сокращению, а затем к прекращению подписки. Всего вышло 17 томов Лексикона, охвативших слова на буквы «А-Д». Все они хранятся в музее. С XIV тома в названии словаря появилось дополнение «Энциклопедический Лексикон, посвященный его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу». Излишнюю подробность и научность статей Лексикона издатели объясняли потребностями русских читателей и отсутствием необходимой научной литературы. Книги переданы в фонд «Редкая книга» из библиотеки музея. До этого находились у разных владельцев, о чем свидетельствуют разные переплеты: из кожи, ткани, бумаги (как известно, в XIX в. книги и журналы выпускались в простых бумажных обложках и каждый владелец затем переплетал их по своему вкусу). На форзацах и титульных листах Лексикона можно найти экслибрисы, штампы и печати частных библиотек и библиотек учреждений и организаций.

В 1881 г. в Санкт-Петербурге издан «Новейший полный справочный словарь 75000-х иностранных общеупотребительных в русском языке слов. Содержащий в себе слова, заимствованные из европейских и других языков, вошедшие в отечественную литературу и употребляемые в технике, коммерции, промышленности, медицине и других отраслях знаний»⁴. Составлен по новейшим русским и иностранным лексикографическим источникам филологом А. Залеским. Словарь состоит из двух частей, переплетенных в один том. Закуплен музеем в 1986 г. у жителя г. Кемерово В. Н. Шуверова за 7 рублей.

«Подробный словарь русских граверов XVI—XIX в.» составил Дмитрий Александрович Ровинский (1824—1895) — юрист, искусствовед, исследователь русской и западноевропейской гравюры и лубка, Почетный член Императорской Академии наук и Академии художеств⁵. Словарь, как указано на титульном листе, посмертное издание, вышел в Санкт-Петербурге

в 1895 г. Отпечатан в типографии Императорской Академии наук. Словарь представляет собой переработанное и дополненное издание предыдущей книги Д. А. Ровинского «Русские граверы и их произведения с 1564 до 1764 г.», изданной в 1870 г. В начале словаря помещена обширная глава «Исторический обзор гравирования», далее идут семь приложений, монограммы граверов и непосредственно словарь. Книга куплена музеем в 1995 г. у кемеровского коллекционера О. Г. Чулкова.

Десятитомная «Общедоступная техническая энциклопедия. Полное описание всех промыслов и ремесел, а также международного общения и мирового хозяйства» переведена с девятого немецкого издания «Buch der erfindungen gewerbe und industrien» под редакцией Н. Песоцкого⁶. Является бесплатным приложением к «Журналу новейших открытий и изобретений» 1896 г. Хранящийся в музее том I напечатан в Санкт-Петербурге, в типографии П. Е. Лобанова. В программе издания задача энциклопедии обозначена так: сделать понятным современное состояние всех отраслей промышленности для возможно широкого круга читателей. Энциклопедия иллюстрирована фотографиями и рисунками. По структуре относится к систематическим энциклопедиям. В первом томе помещены статьи, рассказывающие об архитектуре разных стран и времен, об архитектурных стилях, о строительных материалах (дерево, камень, железо), об устройстве различных частей здания (крыша, полы, лестницы, окна, двери), водоснабжении, санитарном устройстве городов, пожарном деле. Отдельные разделы посвящены освещению, отоплению и вентиляции зданий. Книга передана в фонды из библиотеки музея.

В 2001 г. в музей поступила книга «Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник составленный по новейшим ботаническим и медицинским сочинениям врач. Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской»⁷. Том II содержит описания растений на буквы «Ж-Н». Издан в 1899 г., в Санкт-Петербурге, в графическом заведении Альвина Андреевича Каспари (1836—1913), русского издателя и книготорговца, эмигранта из Германии. Данный словарь, по мнению издателя, должен был служить настольным руководством как для специалистов-медиков — аптекарей, врачей, фельдшеров, так и для самого широкого круга читателей, указывая им способы использования растений в домашней медицине. В словаре приведены научные и местные названия растений, их описания и способы использования. В конце тома помещено 129 черно-белых иллюстраций и 42 рисунка в красках. К сожалению, в издании, хранящемся в музее, часть иллюстраций утрачена.

И в наши дни сотрудники отдела фондов пользуются «Большой энциклопедией» под редакцией публициста и экономиста Сергея Николаевича Южакова (1849—1910)⁸. Этот, как написано в подзаголовке, «Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания»

в 22 томах издан книгоиздательским товариществом «Просвещение» в Санкт-Петербурге в 1900—1905 гг. Издательское товарищество «Просвещение» было основано в 1896 г. в Санкт-Петербурге Натаном Сергеевичем Цетлиным при финансовой поддержке «Библиографического института Мейера» в Лейпциге. Работало до 1922 г., выпустив многие капитальные научно-популярные издания в переводах с немецкого языка. Под громким названием «Библиографический институт Мейера» скрывалось издательство, основанное в 1826 г. Карлом Иозефом Мейером (1796—1856) в немецком городе Гота. В 1840—1855 гг. Мейер издал «Энциклопедический словарь» в 52 томах, тираж которого доходил до 70 тысяч экземпляров. Сын Карла — Герман Юлиус Мейер перенес издательство в Лейпциг и продолжил издание словаря. В 1884 г. фирму возглавили четыре сына Германа Юлиуса, которые и основали товарищество «Просвещение». «Большая энциклопедия» выдержала четыре издания и пользовалась большой популярностью у читателей. В 22 томах дано около 10 тысяч иллюстраций в тексте и на тысяче отдельных приложений: хромолитографиях, картах, планах и черных картинах. В музее хранятся 19 томов энциклопедии (отсутствуют тома 18, 21, 22). Энциклопедия передана в фонды из библиотеки музея. На форзацах томов стоят штампы Кузнецкого окружного краеведческого общества.

В 1967 г. житель г. Кемерово М. А. Кислов передал в дар музею двухтомник «Справочная книга социалиста», изданный в 1905 г. в Санкт-Петербурге книгоиздательством «Голос»⁹. Это переводное издание немецкой книги «Handbuch des socialismus» Гуго и Штегмана. На 971-й странице этого алфавитного словаря даны: исторический обзор социальных систем и развития социализма, биографии деятелей социалистического движения стран мира. К сожалению, наш экземпляр книги не имеет переплета и поэтому плохо сохранился.

В 1906 г. в Санкт-Петербурге издан «Краткий систематический словарь всемирной литературы» под редакцией В. В. Битнера¹⁰. В музее хранится первая часть словаря. Вильгельм Вильгельмович Битнер (1865—1921) — редактор-издатель научно-популярного журнала «Вестник знания», в качестве приложения к журналу выпускал различные справочные издания. Словарь представляет собой иллюстрированный сборник статей, расположенных в систематическом порядке. В первой части помещены статьи, характеризующие литературных героев, имеющих, по мнению издателя, общечеловеческое значение: Фауста, Дон-Жуана, Прометея, Сатану, Гамлета и др.; статьи, рассказывающие о мировом эпосе, античной трагедии, литературе Средних веков и эпохи Возрождения и т.д. Многочисленные пометы карандашом в тексте словаря, штампы Мариинской центральной библиотеки, библиотеки Мариинского союза кооперативов, подписи читателей на форзаце

говорят о популярности данного словаря среди читателей г. Мариинска первой четверти XX в. Словарь хранился в библиотеке музея, в 1992 г. передан в фонд «Редкая книга».

В 1908—1913 гг. в Санкт-Петербурге издана «Еврейская энциклопедия». Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем» под общей редакцией доктора Л. Каценельсона¹¹. Все 16 томов энциклопедии хранятся в музее. Издание было осуществлено Обществом для научных еврейских изданий и издательством Брокгауза и Ефрана. Задача энциклопедии состояла в том, чтобы дать полное представление об еврействе, его исторических судьбах, многовековом культурном творчестве и о современном состоянии во всех странах. В энциклопедии представлены история, религия, философия, право, быт, фольклор, литература еврейского народа. В основу издания была положена 12-томная «Jewish Encyclopedia», изданная в Нью-Йорке в 1901—1906 гг. Статьи снабжены иллюстрациями в виде хромолитографий, гелиогравюр, фотоиллюстраций, рисунков; на отдельных в克莱йках помещены карты и ноты. «Еврейская энциклопедия» была издана в двух вариантах: на обыкновенной бумаге в прочном переплете за 60 рублей и на веленевой (высокосортной прочной белой) бумаге в кожаном переплете — за 100 рублей. Энциклопедия хранилась в библиотеке музея, в 1991 г. передана в фонд «Редкая книга».

Товарищество И. Д. Сытина в 1910-х гг. выпускало свыше 25 % всей книжной продукции Российской империи. Среди них были и энциклопедии. В музее хранятся «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний» и «Детская энциклопедия». «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний» в 14 томах издавалась в 1910—1912 гг.¹² Подготовлена харьковским обществом распространения в народе грамотности по инициативе профессора В. Я. Данилевского. В фондах хранятся 7 томов: I, II, IX, XI, XIV. Энциклопедия представляет собой пособие по самообразованию для читателей, прошедших курс низшей школы, снабжена рисунками, картами, таблицами. Состоит из систематически сгруппированных отдельных кратких очерков научного и прикладного знания, объединенных одним общим мировоззрением и общими образовательными задачами. За 6 лет работы учеными общества и специально приглашенными преподавателями высших учебных заведений Харькова, Петербурга, Москвы, Томска, Одессы были разработаны 14 отделов энциклопедии: физико-математический, природоведение, технический, сельское хозяйство, медицина, антрополого-географический, языкознание и история литературы, исторический, философский, народное образование в России, общественно-юридические науки, экономический, прикладная экономика. Каждый отдел выпускался в виде самостоятельного тома. Судя по многочисленным штампам, энциклопедия находилась в библиотеке Мариинского союза

кооперативов, Мариинского торгово-промышленного товарищества кооперативов, затем в Мариинской центральной библиотеке. Позже передана в библиотеку музея.

В 1914 г. была издана «Детская энциклопедия» в 10 томах¹³. В ее основу положено английское издание с тем же названием. В первом томе дано обращение к русским читателям редактора английской энциклопедии Артура Ми. Десять отделов энциклопедии не просто переведены на русский язык, а переработаны и дополнены российскими учеными под редакцией профессоров Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, И. П. Козловского, Н. А. Морозова, С. И. Метальникова, М. В. Новорусского. Отделы «Детской энциклопедии»: «Вселенная», «Из истории земли», «О веществе», «О жизни», «Живая природа», «Страны и народы», «Великие люди», «Что окружает нас», «Почему так бывает», «Чем и как себя занять». Энциклопедия представляет собой сборник статей, богато иллюстрированный фотографиями, цветными и черно-белыми рисунками. Задача издания: общее развитие детей и знакомство их с окружающим миром. Однако издатели преследовали не только познавательные цели, но и потребности ребенка в играх. Поэтому на страницах энциклопедии можно найти описания различных игр и развлечений, интересных занятий: как делать простейшие физические опыты, как самому сделать игрушку. О владельцах энциклопедии могут рассказать: дарственная надпись на форзаце верхней крышки 10-го тома: «Дорогому внуку на память от дедушки и бабушки. 6/III 30 г.» — и надписи 1966 г., сделанные в букинистическом магазине, о новой цене книги — 4 рубля 50 копеек. Энциклопедия хранилась в библиотеке музея, затем поступила в фонд «Редкая книга».

Одним из популярных в России начала XX в. словарей, был словарь, издававшийся товариществом «братьев А. и И. Гранат и К°». Это частное издательство было основано в Москве в 1892 г. группой научных работников во главе с братьями Александром Наумовичем (1861—1933) и Игнатием Наумовичем (1863—1941) Гранат. Первые шесть изданий словаря братьев Гранат вышли в восьми—девяти томах с 1891 по 1903 гг. Седьмое, полностью переработанное издание в 58 томах выходило 38 лет — с 1910 по 1948 гг. Редакторами выступили профессора Ю. С. Гамбаров, В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, К. А. Тимирязев. Позже было издано несколько стереотипных перепечаток 7-го издания. В 1917 г. на базе издательства было учреждено акционерное общество «Русский библиографический институт братьев А. и И. Гранат и К°». В 1939 г. издательство прекратило существование, слившись в Государственный институт «Советская энциклопедия». В музее хранятся два тома седьмого издания словаря братьев Гранат. Том 18 (Дарвин-Дорохов) отпечатан в Санкт-Петербурге, в типографии товарищества «Общественная польза» в 1912—1913 гг.¹⁴.

Закуплен музеем в 1992 г. у кемеровчанки Л. С. Аникиной за 400 рублей. Том 1 (А-Актуарий) повторного 11-го издания напечатан в Москве в 1922 г.¹⁵

В 1914 г. в Москве издателем Алексеем Дмитриевичем Ступиным (1846—1915) выпущен «Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней. Настольная справочная книга для всех и каждого при чтении книг, журналов и газет»¹⁶. Двадцать первое издание. Составитель Н. Дубровский. Словарь закуплен музеем в 1993 г. за 3 000 рублей у жительницы г. Кемерово В. М. Мясниковой. На страницах словаря имеются многочисленные пометы красным карандашом, а форзацы использовались владельцем в качестве записной книжки.

Универсальной русской энциклопедией называют словарь Брокгауза и Ефона, выходивший в 1890—1907 гг. Издательство Брокгауза и Ефона было основано в 1889 г. в Санкт-Петербурге русским издателем, типографом и книгопродавцем Ильей Абрамовичем Ефоном (1847—1917) и немецкой фирмой Фридриха Брокгауза. Книгоиздательская и книготорговая фирма Брокгаузов была основана в 1805 г. Фридрихом Арнольдом Брокгаузом (1772—1823). В 1808 г. он приобрел на ярмарке в Лейпциге право на издание «Энциклопедического словаря с преимущественным вниманием к современности». Словарь был переиздан Брокгаузом 6 раз с увеличением тиража с 2 до 32 тысяч экземпляров. В дальнейшем он превратился в одну из известных современных энциклопедий «Большой Брокгауз». Дело отца продолжили сыновья Фридрих и Генрих. Основной целью основания издательства Брокгауза и Ефона был выпуск на русском языке перевода немецкого словаря «Большой Брокгауз». Однако в ходе подготовки первых томов возникла идея создания оригинального русского справочного издания. Был собран авторский коллектив свыше 700 человек. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефона издавался в двух вариантах — дорогом (41 том) и дешевом (82 полутома с рассрочкой платежа). Тираж этого самого знаменитого дореволюционного русского словаря достигал 75 тысяч экземпляров. В музее хранится том 15—15 А (Керосин-Конкордия), изданный в 1895 г.¹⁷

Из других изданий Брокгауза и Ефона в музее хранятся 29 томов «Нового энциклопедического словаря» под общей редакцией почетного академика К. К. Арсеньева¹⁸. «Новый словарь» издавался в 1911—1916 гг. Этот обновленный и более компактный словарь в 48 томах должен был стать общедоступным настольным справочным изданием по всем отраслям знаний. Однако на 29-м томе (Ньюфаундленд-Отто) издание было прекращено.

В первой половине 1910-х гг. издательство Брокгауза и Ефона было преобразовано в акционерное общество. После революции ок-

тября 1917 г. временно закрыто, продолжало выпускать книги с 1919 по 1930 гг.

Некоторые энциклопедии — «Детская энциклопедия», «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний» — уже представлены в экспозиции «История Кузбасса с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г.», другим еще предстоит встреча с посетителями музея.

Примечания

1. КОКМ. ОФ 2629/1—4.
2. КОКМ. ОФ 10143/3.4.
3. КОКМ. ОФ 10858/240—261, 375, 377.
4. КОКМ. ОФ 7989.
5. КОКМ. ОФ 12965.
6. КОКМ. ОФ 10858/431.
7. КОКМ. ОФ 15920.
8. КОКМ. ОФ 10143/253—271.
9. КОКМ. ОФ 2705.
10. КОКМ. ОФ 10858/372.
11. КОКМ. ОФ 10143/210—225.
12. КОКМ. ОФ 10143/241—245, 377, 10858/407.
13. КОКМ. ОФ 10143/200—208, 378.
14. КОКМ. ОФ 11072.
15. КОКМ. ОФ 10858/425.
16. КОКМ. ОФ 11655/10.
17. КОКМ. ОФ 10143/312.
18. КОКМ. ОФ 10143/283—311.

Архив А. И. Федоровой в фондах Новокузнецкого краеведческого музея

Старожилы Новокузнецка помнят те времена, когда театральные афиши извещали, что в спектакле заняты артисты Р. И. Риккер, А. В. Анатольев, А. И. Федорова. Любители драматического искусства заранее запасались билетами. У театра их всегда встречали вопросом: «Есть лишний билетик?» В театре был аншлаг...

В фондах краеведческого музея значительное место занимают мемориальные фонды известных деятелей культуры. Пожалуй, самый внушительный, а поэтому и интересный фонд актрисы Новокузнецкого драматического театра Анны Ивановны Федоровой, переданный в конце 1980-х годов ее родственницей, Владленой Дмитриевной Мартыненко, с которой музей сотрудничает и до настоящего времени. На строгом музейном языке — более 130 единиц хранения: документы, вещи, афиши, фотографии, награды, поздравительные адреса, вырезки из газет, а также личные вещи: веер, театральная сумочка, шарф, нагрудное украшение XIX века, купленное на Кавказе во время гастролей,— каждая вещица неизменно свидетельствует о принадлежности ее хозяйки к актерской профессии. Старые документы и фотографии могут поведать и рассказать многое о судьбе этой замечательной актрисы.

Среди всего разнообразия предметов в данной статье рассмотрим лишь немногие, самые интересные и уникальные. Например, такой документ как «Выпись из метрической книги»¹. Сведения 105-летней давности о том, что 16 ноября 1899 года в деревне Анохино Федотковской волости Юхновского уезда Смоленской губернии у Ивана Тимофеевича и Дарьи Константиновны Федоровых родилась дочь Анна. Кроме нее в семье было еще трое детей: старшая дочь Антонина и два младших сына Георгий и Петр. Родители Ани были зажиточными для своего времени людьми. Отец шил мужскую одежду, руководил портняжной мастерской.

Еще один уникальный документ из архива — паспортная книжка (со словами «бессрочная»), выданная «приставом 4-го участка Спасской части Петроградской столичной полиции 1916 года февраля месяца 11 числа»². В ней указаны все данные об Анне Ивановне, место прописки в Петрограде в 1917 и 1920 годах. На странице 12 имеется текст «Устава о паспортах».

Труден был путь Анны Ивановны в актрисы. В 1916 году она приехала в Петроград. В 1920 году ей удалось поступить вольнослушателем музыкально-сценической школы специальной мастерской пения

профессора Н. А. Фриде подотдела искусств Лужского отнароба, о чем свидетельствует уникальный документ «Памятная и поверочная книжка № 14» от 23 октября 1920 года на 1920 учебный год³. Такая книжка выдавалась каждому ученику. В этом документе написаны четкие правила для их владельцев: «...вольнослушателями называются лица, посещающие лишь одну из мастерских согласно расписанию и обязаны быть в мастерских за 10 минут до назначенного часа. В случае неявки извещают письменно Регистратора школы...» Все инструменты, ноты, учебные пособия, костюмы для выступлений выдавались во временное пользование под расписку. Возвращать их следовало в полной сохранности. Правила для учащихся были вывешены на черной доске. За непосещение трех уроков подряд, а также за нарушение правил для учащихся имена виновных записывались на этой доске, а их обладателей лишали прав и льгот, наконец, удаляли из школы.

О том, как складывалась жизнь А. И. Федоровой в 1920-х годах, мы можем судить по личной расчетной книжке участника ленинградского коллектива работников искусств⁴, состоящего при объединении предприятий и коллективов из безработных Ленинградского комитета Биржи труда, выданной 29 мая 1925 года, и личной книжке безработного № 1615 от 19 мая 1928 года⁵. Также имеется в архиве членский билет № 25424 профессионального Союза работников искусств СССР (отдел Всерабис)⁶. Время вступления во Всерабис — 1923 год.

Как актриса Анна Ивановна дебютировала в Украинском театре в Ленинграде в Государственном доме политпросвещения им. Г. И. Петровского. В ее семейном альбоме сохранились фотографии, запечатлевшие фрагменты из спектаклей. На театральных афишах 1925—1927 годов имя начинающей актрисы значится в роли Наташки в спектакле «Наташка Полтавка». Труппа в составе шестнадцати человек представляла популярную оперетту — музыкальная мозаика в одном действии. На афише надпись: «Пользуется огромным успехом...»⁷. Мюзикл включал в себя хор, пение, украинский гопак и запорожский казачок. В программе было исполнение песен вечеринок и колядок, обрядовые гадания девушек. В фонде имеется интересный иллюстрированный еженедельник «Рабочий театр» № 1208. Издание ЦДИ Союза работников искусств и управления Государственных академических театров под редакцией А. И. Маширова. В нем информация о репертуаре театров, в частности Украинского: спектакли с участием начинающей актрисы А. И. Федоровой — фантастическая феерия «Вий», спектакль «Маруся Богуславка», драма «Хмара» в пяти действиях с хором, пением и танцами. В 1920-годы были часто вечера памяти Парижской коммуны, Т. Шевченко, о чем свидетельствуют также пожелтевшие страницы афиш того времени. Были популярны торжественные встречи Нового года — вечера игр и веселья.

С 1931 по 1934 год Анна Ивановна работает в Этнографическом театре Ленсовета Всесоюзного общества изобретателей. Этот театр просуществовал недолго, в 1934 году был ликвидирован. Еще один интересный документ, рассказывающий о ленинградском периоде жизни и творчества актрисы,— Трудовой список, в котором зафиксированы данные о прохождении службы⁹. Запись под № 15 от 1934 года свидетельствует о приеме в штат Ленинградского драматического театра. В 1935 году — первая запись о поощрении за ударную работу и социалистическое отношение к делу. А. И. Федоровой объявлена благодарность за то, что она заменила заболевших товарищей.

В театральном сезоне 1936/1937 гг. Анна Ивановна работала в Томске и г. Ленинске-Кузнецком. В Томском театре она сыграла Маргариту в пьесе «Дама с камелиями» А. Дюма, летчицу А. Медведеву в спектакле «Слава» В. Гусева, о чем свидетельствуют афиши этого периода.

Гастроли дают возможность Анне Ивановне побывать в городе Сталинске, и свою дальнейшую творческую жизнь она связывает с этим сибирским городом. Сталинск стал ее судьбой.

В те годы в Сталинске не только интеллигенция проявляла интерес к театру, но и рабочие. В начале ноября 1933 года и актеров, и любителей театра ждал подарок. В фондах нашего музея есть воспоминания архитектора Григория Петровича Шкрядо о строительстве театра металлургов: «Когда первые участники подходили к театру, там еще не закончили работу отделочники, не высохла еще краска на скамейках, но торжества, посвященные празднику годовщины Великой Октябрьской революции, начались минута в минуту. Театр вырос на болоте всего за двести дней. В проектировании театра принимал участие немецкий архитектор Герхард Козель. Театр был на 1200 мест...»¹⁰

В новом театральном сезоне 1937 года любители театрального искусства познакомились со столичной актрисой, которая на долгие годы стала не только ведущей, но и любимой. Огромное количество ролей сыграла Федорова в пьесах советских драматургов и мирового классического репертуара: Нора в «Кукольном доме» Ибсена, Джемма в «Оводе», Любовь Яровая в одноименной пьесе К. Тренева, следователь Данко в «Несчастном случае», Дездемона в «Отелло», Анна Каренина, Кручинина — трудно перечислить созданные артисткой образы. И актриса одинаково успешноправлялась с ролями... И как особое признание — фраза, сказанная после спектакля одной из зрительниц: «Да я ведь вместе с Вами все Ваши роли переплакала...» Поклонники уверяют, что Каренина и Кручинина Анны Федоровой были интереснее, ярче, чем у знаменитой ее современницы — Аллы Тараковой. В третьем томе собрания сочинений г. Ибсена — великого норвежского драматурга — перечислены лучшие исполнительницы роли Норы на сцене. «Сила актрисы А. И. Федоровой в том, что она заставляет забыть, что

«...это сцена, что вы в зрительном зале... Вы видите живую страдающую женщину», — так оценили критики работу замечательной актрисы. О признании коллег по работе горят надписи на программах театра: «Милого человека, талантливую актрису, очаровательную женщину поздравляем с премьерой...»¹¹

Пожелавшие от времени газетные вырезки с заметками о спектаклях позволяют представить многочисленные сценические образы актрисы. Так, журналист В. Целищев писал о ее Луизе из спектакля «Коварство и любовь»: «Радует игра артистки. Она сумела раскрыть образ мещанской девушки, показать пламенную любовь, борьбу с предрассудками и верную дочь своего отца...»

По случаю 10-летия драматического театра А. И. Федорова была награждена Грамотой Кемеровского областного Совета депутатов трудающихся «За образцовый труд в области искусства, на помощь Родине и героической Красной Армии для разгрома ненавистного врага — германского фашизма»¹². В фондах музея и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»¹³ и удостоверение к ней¹⁴. Афиши военных лет рассказывают, какое большое количество ролей было сыграно Анной Ивановной в эти грозные годы. Постановка драмы в четырех действиях «Осада Лейдена» Исидора Штока была посвящена городу Сталинграду — «Волжской твердыне, великому городу-герою посвящает театр свой спектакль...», где А. И. Федорова сыграла ведущую роль — Магды, дочери бургомистра Лейдена¹⁵. Действия этого спектакля происходят в городе Лейдене в 1574 году.

О выразительности образов, созданных в спектаклях, мы можем судить по многочисленным фотографиям со сценами из различных пьес. Много ролей сыграно А. И. Федоровой, ее популярность была велика.

В 1949 году А. И. Федоровой присвоено высокое звание заслуженной артистки РСФСР. На газетной вырезке перед нами Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 августа 1949 года о присвоении почетных званий РСФСР работникам театрального искусства Кемеровской области, в том числе артистке Сталинского городского драматического театра имени С. Орджоникидзе А. И. Федоровой. Огромное количество поздравительных адресов от различных предприятий, учреждений города и просто частных лиц хранится в архивах музея. Среди этого обилия одно из самых трогательных стихотворное посвящение актрисе от девочек из школы № 37:

«...В ролях прекрасных люди Вас смотрели,
И вот заслуженно — на самом деле
Вас зритель города любимицей стал звать.
Почти тридцать лет Вы провели на сцене
Спасибо Вам за слезы, за улыбки...

За все, что Вы могли со сцены дарить нам,
За чувства нежные, любовь и шепот робкий,
За все большой поклон!..»¹⁶

Анна Ивановна Федорова активно участвовала в общественной жизни, неоднократно избиралась депутатом городского Совета, областного Совета народных депутатов, о чем свидетельствуют многочисленные удостоверения¹⁷. Ее можно было видеть в детских садах, в окружении сирот в детских домах, в торговых организациях, культурно-просветительских учреждениях. Она была человеком своего времени, может быть, поэтому так бережно хранила многочисленные пропуска на трибуну в дни всенародных праздников — 7 ноября и 1 мая¹⁸.

Из воспоминаний родственников мы знаем, что Анну Ивановну отличали особая интеллигентность, присущая коренным ленинградцам, пунктуальность, дисциплинированность. Строгая и требовательная к себе, она была доброжелательна к окружающим. Сдержанность сочеталась в ней с хорошим чувством юмора.

Она очень любила вышивать крестиком салфетки, картины. В этом году в фонды музея поступили предметы декоративно-прикладного искусства, выполненные Анной Ивановной.

Много интересного о судьбе замечательной актрисы, заслуженной артистки РСФСР, актрисы Новокузнецкого драматического театра Анны Ивановны Федоровой можно узнать из архива, хранящегося в фондах музея. И не только о судьбе одной артистки, но и об истории театра, ведь имя Анны Ивановны Федоровой неразрывно связано с историей драматического театра нашего города.

Примечания

1. НКМ. ОФ. КП. 7759/13.
2. НКМ. ДФ. 4260.
3. НКМ. ОФ. КП. 6417. ДФ. 4258.
4. НКМ. ОФ. КП. 6417. ДФ. 3897.
5. НКМ. ОФ. КП. 6417. ДФ. 3895.
6. НКМ. ОФ. КП. 6417. ДФ. 2333.
7. НКМ. ОФ. КП. 6417.
8. Там же.
9. НКМ. ОФ. КП. 6417. ДФ. 4257.
10. НКМ. НДФ. Оп. 1, раздел 3, л. 72.
11. НКМ. ОФ. КП. 6417.
12. НКМ. ОФ. КП. 6417. ДФ. 4260.
13. НКМ. ОФ. КП. 6417. МОЗ. 86.
14. НКМ. ОФ. КП. 6417. ДФ. 2334.
15. НКМ. ОФ. КП. 6417.
16. Там же.
17. НКМ. ОФ. КП. 4282/1—2. ДФ 4279 — Д 4280.
18. НКМ. ОФ. КП. 6417.

Архив П. С. Шпиня в фондах Новокузнецкого краеведческого музея

В фондах Новокузнецкого краеведческого музея находится архив Петра Степановича Шпиня, широко известного за пределами России как первооткрыватель и исследователь ледников Кузнецкого Алатау. Его передала вдова ученого — Валентина Николаевна. Архив насчитывает 1232 единицы музейных предметов. Имеющиеся материалы дают возможность проследить жизненный путь Петра Степановича.

В автобиографии Петр Степанович указал: «Родился в 1943 году в селе Манзовка Приморского края, в семье рабочего. В 1947 году семья переезжает на Сахалин, а в 1954 году умирает отец». Рано повзрослевший подросток старается учиться хорошо. Вскоре семья переехала в г. Кемерово, и здесь Петр Степанович успешно закончил в 1961 году школу. Судьба свела его с организатором детского туризма в Кузбассе, заслуженным учителем России Петром Павловичем Чепкасовым. Для юноши, влюбленного в красоты родного края, он стал образцом настоящего туриста. Детская мечта — исследовать горы — стала реальностью. В 1962 г. П. С. Шпиню предложили должность инструктора-методиста на областной детской экскурсионной станции. Со своими воспитанниками Петр Степанович совершил много походов по кузбасской земле. Туристические походы, методическая работа по краеведению определили его выбор. В 1965 г. он поступил в Новокузнецкий педагогический институт (НГПИ) на заочное отделение естественно-географического факультета¹.

1965—1975 гг. были объявлены Международным гидрологическим десятилетием. В этот период значительно расширился объем гляциологических исследований на территории Советского Союза. Был открыт и изучен ряд новых самостоятельных горноледниковых районов.

Во время туристического похода в Кузнецкий Алатау в 1967 году в истоках реки Черный Июс Петр Степанович открыл свой первый ледник. Ледник расположен на подветренном склоне обширной платообразной седловины водораздела между реками Верхняя Терсь и Черный Июс. Он был назван Черно-Июсским². Этим открытием было положено начало исследования современного оледенения Кузнецкого Алатау, которое до этого никем не изучалось. Более того, до этого наличие ледников в пределах хребта отрицалось.

В 1968 году Петр Степанович переезжает в Новокузнецк и начинает работать лаборантом на кафедре физической географии НГПИ. Экспедиции

в Кузнецкий Алатау продолжались. Результаты исследований вылились в дипломную работу, которая, по мнению некоторых специалистов, ничем не уступала кандидатской диссертации. Его коллега из Липецка Виктор писал: «Год-два для тебя не будут обременительны, ибо ты сдашь кандидатский минимум, а работа практически готова. Твори!!! Рад за тебя. Ты ходишь. Покоряешь вершины. Хоть и «отставил» живопись. Но тебе не так много лет, чтобы огорчаться. На мой взгляд, твой взлет начнется лет через пять, и там... тебя не остановят. Эпоха такая... Я тебя готов всегда приветствовать и поддерживать во всех случаях жизни»³. Окончив в 1970 году с отличием институт, П. С. Шпинь остается на кафедре ассистентом. В этом же, 1970, году в Кемеровском книжном издательстве вышел его сборник туристских маршрутов по Кузбассу «Горы зовут» в соавторстве с В. В. Князьевым⁴. В нем даны описания 22 маршрутов многодневных туристских походов по Кемеровской области с ориентацией на краеведческую работу. Маршруты объединены в три раздела: «По Кузнецкой котловине, Салаирскому кряжу и северным районам области», «По Кузнецкому Алатау», «По Горной Шории». В конце книги даны полезные советы и рекомендации. В связи с тем, что с каждым годом росло количество туристических групп, отправляющихся в путешествие по Кемеровской области, сборник, который явился первым опытом для нашей области по туризму, стал полезен и туристам-школьникам, и взрослым туристам.

В 1971 году Петр Степанович поступил в очную аспирантуру Томского университета, и его научным руководителем становится заслуженный деятель науки РСФСР, профессор М. В. Тронов, известный ученый-гляциолог — исследователь ледников Алтая. В отзыве о его работе Михаил Васильевич Тронов писал в 1973 году, что «аспирантом П. С. Шпинь программа обучения выполнена досрочно. Рекомендую представить диссертацию к защите в декабре 1973 года».

В 1973 г. П. С. Шпиня переводят на должность старшего преподавателя. Основной темой его научных исследований становится гляциоклиматическое изучение Кузнецкого Алатау. Научное изучение ледников этого района началось с 1969 года, но более подробные исследования были проведены в 1971 г.⁵ Обследовано было несколько десятков ледников, более чем на десяти из них изучалась стратиграфия фирна и измерялась его плотность в шурфах. Под руководством П. С. Шпиня были организованы стационарные наблюдения, включающие использование авиадесантного метода в труднодоступных районах Кузнецкого Алатау. Многолетние полевые исследования позволили получить уникальные результаты по гляциологии и гидроклиматологии района. В частности, было доказано, что именно климатическими условиями обусловлено снижение границы леса в Кузнецком Алатау до высоты 1200—1300 м, что для географической широты, на которой находится этот район,

считается весьма низким. А обнаружение большого числа малых ледников в районе профессор М. В. Тронов назвал важным географическим открытием, «примечательным уже тем, что оно относится не к «белому пятну» сугубо отдаленной и неисследованной территории земного шара, а к не очень высокой горной области, расположенной совсем недалеко от старого промышленного района»⁶. Ледники Кузнецкого Алатау лежат на высоте 1200—1500 м над уровнем моря и существуют лишь благодаря обильным осадкам. В настоящее время здесь насчитывается 91 ледник общей площадью 6,79 км² и имеется также 28 снежно-ледниковых образований площадью 1,71 км².

В 1974 году была готова кандидатская диссертация. Но защита по независящим от Петра Степановича условиям откладывалась. И вот 22 января 1975 года П. С. Шпинь получает долгожданную рецензию от Б. М. Кривоносова, ученого из Новосибирска. По его мнению, «тема диссертации «Современное оледенение Кузнецкого Алатау» имеет большое значение, как для практических целей, так и для познания закономерностей в теоретическом плане. Работа актуальна не только с точки зрения гляциологических исследований, но также с точки зрения изучения климатических особенностей Кузнецкого Алатау. Эти особенности подчеркнуты тем, что чрезвычайно низкий уровень размещения ледников. Исследования автора показали тесную связь между объектами гляциологического характера и климатическими условиями»⁷. В этот же день пришло известие из города Иркутска от ученого секретаря географического совета В. К. Симонович: «Многоуважаемый Петр Степанович! Защита Вашей диссертации назначена на 10 февраля 1975 г.»⁸ Защита кандидатской диссертации успешно состоялась в Иркутском университете.

В 1977 г. Томский университет объявил конкурс на замещение вакантных должностей в разные лаборатории и в том числе в лабораторию гляциоклиматологии. Петру Степановичу пришло письмо от М. В. Тронова, где он пишет: «Полагаю, что если Вы подадите на конкурс, то положительный результат выборов Вам обеспечен»⁹. Но Петр Степанович Шпинь не изменил своему институту, остался работать в НГПИ. Не откликнулся он и на очередное приглашение Людмилы Борисовны Троновой (жены М. В. Тронова — В. Ш.) на работу в г. Томске в 1980 году.

С Михаилом Владимировичем Троновым его связывали не только научные интересы. На протяжении нескольких лет они дружили семьями. По письмам от семьи Троновых можно проследить нелегкий путь П. С. Шпиня к защите кандидатской диссертации. Дружба продолжалась и после смерти Михаила Владимировича в 1978 году. В одном из писем, адресованных Петру Степановичу, О. П. Чижов писал: «...мою работу над Вашей книгой (речь идет о книге П. С. Шпиня

«Оледенение Кузнецкого Алатау». — В. Ш.) Вы возвестили работой над книгой Михаила Владимировича Людмила Борисовна действительно прекрасный человек. Это очень с ее стороны большое дело сделано, что удалось ей с Вами поднять из черновиков последнюю книгу М. В. «Очерки гляциоклиматологии»¹⁰. В 1982 году книга М. В. Тронова вышла в свет, и Людмила Борисовна пригласила в письме от 03.11.82 г. Петра Степановича в Томск: «Ждем Вас на «Чтения». Ваш доклад состоится (Окишев сказал). Книгу Михаила Владимировича надо Вам мне вручить»¹¹.

Результаты исследований по Международным геофизическим проектам Президиум Академии наук СССР рекомендовал к опубликованию. И Петр Степанович начинает работу над монографией. В письме О. П. Чижова П. С. Шпиню от 01.03.1980 г. сообщается: «На днях я разделялся с версткой Вашей книги «Оледенение Кузнецкого Алатау». Видимо, пойдет в производство и скоро выйдет из печати. С удовольствием об этом сообщаю»¹². А 26 мая 1980 г. от О. П. Чижова пришло письмо, в котором тот сообщал: «Посылаю Вам так называемые чистые листы, т. е. Вашу книгу в ее настоящем виде, но не сшитую и без обложки. На днях мне их М. Ф. Курькова отдала (редактор геофизич. комитета, через который Ваша книга проходила). Книга выйдет скоро, был сигнальный экземпляр»¹³. В 1980 году главный труд П. С. Шпиня «Оледенение Кузнецкого Алатау» был издан в издательстве «Наука». Это была научная сенсация не только российского, но и международного масштаба. В книге были изложены результаты исследований, выполненных в Кузнецком Алатау в период Международного гидрологического десятилетия. Дается характеристика физико-географических условий и морфологии оледенения Кузнецкого Алатау, вскрываются факторы существования, казалось, климатически не оправданных ледников, приводятся данные об особенностях строения ледников, поднимаются вопросы снежевых линий в Кузнецком Алатау и эволюции оледенения. Отмечалась перспективность изучения оледенения этого района для решения целого ряда проблем, в особенности касающихся малых форм оледенения, а также условий существования и развития ледников.

В этом же, 1980, году в издательстве «Гидрометеоиздат» (г. Ленинград) был напечатан «Каталог ледников СССР», том 15: «Алтай и Западная Сибирь», выпуск 2: «Верхняя и Средняя Обь», часть 1: «Бассейны рек Томи и Чулым (Кузнецкий Алатау)». Каталог был подготовлен в Новокузнецком педагогическом институте по материалам экспедиционных исследований с использованием аэрофотосъемочных материалов разных лет, проведенных под руководством П. С. Шпиня. В описание ледников были включены характеристики основных типов ледников Кузнецкого Алатау, обследованных автором в июле—августе 1967—1975 гг.¹⁴

В 1982 году Петру Степановичу Шпиню решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР было присвоено ученое звание доцента при кафедре физической географии¹⁵.

Кандидат географических наук, доцент Петр Степанович Шпинь был участником многих всесоюзных, международных конференций и симпозиумов. Работал над докторской диссертацией. В 1981 году автореферат диссертации многие оценивали как интересный (Г. Е. Глазырин, В. Ревякин)¹⁶. Но защита была отложена на неопределенное время. Петр Степанович по-прежнему каждый год ходил в экспедиции в Кузнецкий Алатау на ледники. На основе Кузнецко-Алатауской экспедиции под его руководством проводилась полевая практика по физико-географическим дисциплинам. Прохождение полевых практик в экспедиционных условиях давало ряд преимуществ перед полевыми практиками в пригородных условиях. Во-первых, увеличивалась продолжительность работ до 30—50 дней; во-вторых, расширялось знакомство с разнообразными географическими объектами, процессами и явлениями (например, ледниками, ледниковых и мерзлотными формами рельефа и т.д.). В-третьих, работы проводились на уровне научных экспедиционных исследований; в-четвертых, в процессе практики проводилось детальное знакомство с методикой различных исследований и камеральной обработкой полевых материалов. Многолетний опыт выявил большую роль экспедиций в подготовке учителей географии в краеведческой и природоохранительной направленности их дальнейшей деятельности. В будущей своей работе учителя-географы простейшие методы исследования снежного покрова могли использовать во время зимних походов со школьниками по родному краю. Опыт, накопленный в ходе метеорологических наблюдений, безусловно, использовался будущими учителями в работе на пришкольных метеоплощадках.

Научное исследование оледенения Кузнецкого Алатау приносило практическое значение. Изучение снеголавиноопасных участков позволяло давать предупреждение о сходе лавин в определенных районах. Петром Степановичем была разработана методика многолетних прогнозов максимальных паводков и наводнений бассейна реки Томи. Эта работа получила высокую оценку администрации Кемеровской области. Им было обследовано более 250 горно-ледниковых озер Кузнецкого Алатау, в одном из которых была установлена предельная глубина озер области — 80 метров, что наводило Петра Степановича на мысль использования чистейшей горной воды в водоснабжении городов Кузбасса.

Он, как вспоминают его друзья, говорил: «Наверное, я до старости останусь туристом. Годы идут, а меня по-прежнему зовут горы. И нет сил удержаться от искушения побывать в них».

Великолепный организатор и исследователь, Петр Степанович был разносторонним человеком. Писал стихи, пел, играл на гитаре, занимался живописью (еще в детстве обучался в кружке ИЗО), а в последние годы увлекся созданием эстампов. В его научных трудах, а их было издано более пятидесяти, чувствуется поэзия слова, душа художника. Может, поэтому к нему тянулись молодые люди в экспедиции не только в студенческие годы, но и после окончания института, получая от общения с ним душевное тепло и радость первооткрытия. Со своими учениками и последователями написал много рукописных журналов и пособий по краеведению и туризму, которые не потеряли актуальность и сейчас.

Одним из его увлечений было коллекционирование афоризмов известных людей. Еще в 1959 году на первой странице тетради для занятий по химии, будучи учеником 9-го класса, он записал высказывание К. Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». Скорее всего, Петр Степанович и следовал этому высказыванию.

Старость к Петру Степановичу так и не пришла, ему было всего 52 года, когда 25 декабря 1995 года он ушел в свой последний маршрут. Известный краевед, профессор С. Д. Тивяков, преподаватель Кузбасской государственной педагогической академии, о Петре Степановиче сказал, что «его судьба сродни метеору. Он промчался по географической орбите яркой звездочки и сгорел, оставив за собой научные труды, многочисленных учеников и светлую память о себе в сердцах выпускников геофака»¹⁷.

В 1996 году его вдова Валентина Николаевна, преподаватель лицея № 84, передала архивы ученого в Новокузнецкий краеведческий музей. Среди архивных материалов имеются фотопленки, негативы — 755 единиц хранения, документы — 127, книги, брошюры, журналы по гляциологии и гидрологии — 350 единиц хранения. Особую ценность представляют дневники гляциологических исследований, проводимых в Кузнецком Алатау на протяжении нескольких лет, материалы снегомерных съемок, иллюстрированные фотонегативами и слайдами. Кроме статей, опубликованных и еще не опубликованных, по гляциологии и гидрологии, имеется богатейшее собрание литературы по темам, которые интересовали самого ученого.

Среди всего прочего имеются любопытные материалы участников экспедиций: рукописные журналы, иллюстрирующие жизнь в экспедициях, сценарий праздника «коронования» П. С. Шпиня — в 1975 году он был «удостоен» титула — Петр I Алатауский¹⁸.

Экспонаты фонда П. С. Шпиня были использованы научными сотрудниками при создании выставки, посвященной памяти ученого,

на которой состоялась встреча его друзей, а презентация выставки превратилась в вечер воспоминаний. К 60-летию Кемеровской области была подготовлена выставка «Исследователи Кузбасса», в одном из разделов которой были представлены экспонаты из архива Петра Степановича, раскрывающие его как первооткрывателя ледников в Кузнецком Алатау.

В будущем намечается использовать материалы архива при строительстве тематических экспозиций по различным направлениям краеведения и туризма. Богатый научный архив П. С. Шпиня можно использовать для написания работ по климатологии и гляциологии.

Работа по комплектованию мемориального фонда ученого продолжается. Мы стремимся собрать не только материалы, касающиеся научной деятельности ученого, но и все, что отражало бы личную жизнь Петра Степановича и его близких (письма, дневники и т.д.).

Примечания

1. НКМ. ОФ. КП. 8233/3. ДФ. 5315.
2. Шпинь П. С. Оледенение Кузнецкого Алатау. М.: Наука, 1980. С. 7.
3. НКМ. ОФ. КП. 8233/86. ДФ. 5496.
4. Шпинь П., Князьков В. В. Горы зовут. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1970.
5. Шпинь П. С. Оледенение Кузнецкого Алатау. М.: Наука, 1980. С. 34.
6. Там же. С. 6.
7. НКМ. ОФ. КП. 8233/78. ДФ. 5395.
8. НКМ. ОФ. КП. 8233/83. ДФ. 5451.
9. НКМ. ОФ. КП. 8233/79. ДФ. 5528.
10. НКМ. ОФ. КП. 8233/108. ДФ. 5462.
11. НКМ. ОФ. КП. 8233/68. ДФ. 5508.
12. НКМ. ОФ. КП. 8233/27. ДФ. 5440.
13. НКМ. ОФ. КП. 8233/108. ДФ. 5462.
14. Шпинь П. С. Каталог ледников СССР. Т. 15. Л.: Гидрометеоиздат, 1980.
15. Аттестат доцента П. С. Шпиня.
16. НКМ. ОФ. КП. 8233/92. ДФ. 5456.
17. Тивяков С. Д. Первопроходцы// Вместе. Информационный вестник НГПИ. 1999. № 9—10. С. 9—10.
18. НКМ. ОФ. КП. 8366/6. ИФ. 5446.

О. Н. Владимирова,
научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея

Листая пожелтевшие страницы

Журналы «Мир божий» и «Современный мир» в фондах Кемеровского областного краеведческого музея.

Журнал (от французского *journal* — дневник, газета) — периодическое текстовое сброшюрованное печатное издание, содержащее статьи и рефераты по различным общественно-политическим и научным вопросам, литературные произведения, иллюстративный и другой материал¹.

Первым русским журналом было приложение к газете «Санкт-Петербургские ведомости» — «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1728—1742).

В фондах Кемеровского областного краеведческого музея хранится более 400 экземпляров журналов 20 наименований, издававшихся в Москве и Петербурге до 1917 года. Они являются важным и интересным источником для изучения досоветского периода истории нашего края. Мы остановимся на двух «толстых» изданиях демократического направления — «Мире божьем»² (48 экземпляров) и «Современном мире»³ (27 экземпляров).

«Мир божий» — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал. Издавался в Петербурге в 1891—1906 годах. Первый номер вышел в декабре 1891 года с грифом «Литературный и научно-популярный журнал для юношества». С октября 1893 года «Мир божий» издается с подзаголовком «Для юношества и самообразования». С октября 1896 года с его обложки исчезает определение «для юношества», и он во многом приближается к обычному типу ежемесячного «толстого» журнала, сохраняя при этом, вплоть до 1906 года, специфику научно-популярного издания.

Основательницей и издательницей «Мира божьего» была Александра Аркадьевна Давыдова (вдова композитора Карла Давыдова, директора Петербургской консерватории). После смерти Александры Аркадьевны в 1902 году издание перешло к ее приемной дочери Марии Карловне Куприной-Иорданской. Официальным редактором был Виктор Петрович Острогорский — педагог, профессор, преподававший историю русской литературы на Женских педагогических курсах. В 1902 году после смерти Острогорского редактором стал Федор Дмитриевич Батюшков — историк литературы и критик, приват-доцент Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы. Неофициальным редактором и самым активным сотрудником был Ангел Иванович Богданович — критик,

публицист, чья политическая репутация не давала возможности редактировать «толстый» легальный журнал⁴. В публицистическом отделе сотрудничали: М. И. Туган-Барановский, П. В. Струве, Н. А. Бердяев, П. Н. Милюков, Е. В. Тарле, М. К. Лемке; в литературно-художественном отделе — М. Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Куприн, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин (Михайловский). Постоянными критиками были А. И. Богданович, М. П. Неведомский. Отдел библиографии вел Н. А. Рубакин⁵. «Мир божий» пользовался у читателей интересом: так, в 1897 году у журнала было 7 990 подписчиков, в 1899 году — 11 029, а в 1903 году — 16 000. По утверждению М. Неведомского, число подписчиков журнала достигало 18 000⁶. «Мир божий» был хорошо известен и в Сибири. Так, в Государственном архиве Томской области хранится «Выписка из протокола педсовета Мариинского городского училища от 05.02.1901 года № 6»⁷ о необходимости подписки для фундаментальной библиотеки училища на ряд журналов и в том числе под № 1 — «Мир божий». В журналах, имеющихся в нашем музее, встречается штамп Правления Мариинской общественной библиотеки (1900, № 2⁸; 1901, № 2⁹; 1901, № 5¹⁰; 1903, № 10¹¹).

Несмотря на то, что журнал издавался в Петербурге, в «Мире божьем» печаталось немало публикаций о Сибири. Так, в № 3 за 1898 год¹² говорится «об устройстве первого в России крестьянского общества попечения о начальном образовании». Уполномоченные 93 крестьянских обществ решили 10 лет с каждой засеваемой десятиной и с каждой головы крупного скота брать плату, а затем на эти деньги построить в селе Павловском училище для бесплатного обучения детей крестьян этих обществ.

Из № 7 за 1899 год¹³ мы узнаем о неурожае в Сибири: «Уже в Томской губернии не везде обстоит благополучно с продовольствием крестьянского населения; еще в январе крестьяне в селе Тисуль Мариинского округа ввиду нужды и безработицы бросились на хищническую добывчу золота, несмотря на строгость карательных мер, установленных в законе». В 1898 году в Сибири были введены крестьянские начальники (вместо уездных съездов мировых посредников). Они осуществляли контроль и управление крестьянством, могли отменить или временно приостановить решения сельских обществ. В действительности же они часто пеклись больше о собственном благосостоянии и порой злоупотребляли данной им властью (1900, № 2)¹⁴.

В 1891 году началось строительство Транссибирской магистрали, с 1892 по 1896 год была построена Западно-Сибирская железная дорога от Челябинска до Оби (Новосибирска), а в 1899 году по Среднесибирской линии (до Иркутска) было открыто регулярное сообщение¹⁵. В № 7 за 1898 год¹⁶ «Мир божий» информирует о том, что из Москвы в Томск ходит сквозной курьерский поезд, состоящий из пяти вагонов (багаж-

ного, салона-буфета, столовой, библиотеки, двух вагонов 2-го класса и одного вагона 1-го класса). Поезд находится в дороге менее 6 суток и «отвечает всем современным требованиям гигиены, удобства и безопасности». В библиотеке поезда «имеются сочинения, касающиеся Сибири, на русском и иностранном языках и получаются газеты».

Редакция журнала не оставляла без внимания и такую сторону сибирской жизни, как ссылка и каторга. Впервые ссылка в Сибирь была узаконена в Уложении 1649 года. Каторга как один из видов наказания была установлена с 1691 года. В Сибирь стали направлять каторжников с начала XVIII века, когда здесь потребовались рабочие руки. В № 6 за 1898 год¹⁷ в «Мире божьем» опубликована статистика ссылки в России с 1823 по 1888 год. За этот период было сослано 600 704 человека и при них еще 167 145. Если в 1820-е годы только 7—8 % из всего числа ссыльных прибывали с членами семей, то в 1860-е — 33 %, а в 1880-е годы уже 44 % от общего числа ссыльных. Положением 1869 года были введены особые тюрьмы — «централы», отличающиеся от тюрем общего значения более суровым режимом. Об Александровской центральной тюрьме (Иркутский уезд) и Томской пересыльной тюрьме идет речь в заметке «Наши тюрьмы» (1901, № 2¹⁸), и если Александровская тюрьма «явление настолько экстраординарное, насколько и отрадное, оазис среди большинства сибирских тюрем», то Томская пересыльная тюрьма совсем наоборот (описываются случаи унижения заключенных).

Земельная политика правительства в Сибири была отличной от политики на европейской части России. Эти отличия можно свести к следующим моментам: 1) отсутствие в Сибири крупного помещичьего землевладения (всего лишь около 60 тыс. дес.); 2) наличие «кабинетского» землевладения (65,5 млн. дес., из них в Западной Сибири — 42 млн дес.); 3) связь земельного вопроса с вопросом переселенческим; 4) связь земельного и переселенческого вопросов с вопросом национальным¹⁹. Правительство упорно стремилось к созданию в Сибири крупного частного землевладения.

В «Мире божьем» (1901, № 9²⁰) опубликовано «Высочайше утвержденное 8 июля сего года мнение государственного совета об отводе частным лицам казенных земель в Сибири». В Тобольской и Томской губерниях, Степном, Иркутском, Приамурском генерал-губернаторствах разрешались: 1) продажа казенных земель частным лицам для образования частных хозяйств; 2) отвод земель в арендное пользование с правом приобретения в собственность. «Пространство земли не должно превышать 3 тысяч десятин».

Арендованную землю можно было выкупить с рассрочкой платежа на срок до 37 лет. За землю платили «мещане — 14 рублей 50 копеек за десятину, купцы — 11 рублей 41 копейку, дворяне — 8 рублей 67 копеек, крестьяне заплатили переодавцам казенной земли по 17 рублей

03 копейки за десятину». До этого был проведен «целый ряд прежних опытов, из которых ни один не дал сколько-нибудь благоприятных результатов».

Журнал освещал и тему высшего образования в Сибири. Мысль об открытии в Сибири высшего учебного заведения возникла еще в начале XIX века, но распоряжение об открытии сибирского университета последовало лишь в 1878 году. В 1888 году открылся Томский университет в составе одного медицинского факультета, в 1898 году был открыт юридический факультет, а в июле 1917 года — историко-филологический и физико-математический факультеты. В 1899 году во Владивостоке открывается Восточный институт, а в 1900 году — технологический институт в Томске. В 1910 году открылись Сибирские Высшие Женские Курсы²¹. В № 12 за 1902 год²² «Мир божий» рассказывает об экономическом положении томского студенчества на примере студентов университета и технологического института. В начале 1901/1902 учебного года было опрошено 402 студента университета (73,2 % общего числа студентов) и 206 студентов технологического института (74,4 % общего числа). По результатам опроса выяснилось, что «по сословию универсанты — преимущественно лица духовного звания, а по образованию — воспитанники духовных семинарий, тогда как у технологов больше всего мещан и дворян, а по образованию — реалистов и гимназистов». Доход студента университета в месяц составил 53 рубля 18,5 копейки, а студента института — 66 рублей 12,33 копейки. «В числе источников студенческих доходов различаются пять категорий: присылка от родителей, заработка в течение трех осенних месяцев, остаток от летних заработков, пособия и ссуды и, наконец, стипендии». Студентам университета прислано родителями 2/5 общей суммы денежных поступлений (в месяц 20 рублей 61,66 копейки), технологам — 3/5 (38 рублей 90 копеек), а заработано первыми 2/3 (ежемесячно 20 рублей 61,66 копейки) и последними — 1/4 общей суммы (13 рублей 44,33 копейки). Наиболее обеспеченными являются сыновья купцов и промышленников, а менее всего обеспеченными — дети чиновников, «лиц либеральных профессий» и священнослужителей (только в университете). «Первое место в ряду студенческих заработков занимают уроки, затем у универсантов стоит пение в хоре, занятия в управлении Сибирской железной дороги, канцелярская работа, а у технологов второе место принадлежит чертежным работам, третье — переписке, четвертое — составлению лекций». В среднем студент тратит на заработок до 18 часов в неделю. Теперь о расходах. «Технологи расходуют в месяц больше универсантов. Так, студенты университета за комнату платят 6 рублей 14 копеек, а технологии — 6 рублей 44 копейки; за комнату «с приуской» первые платят 7 рублей 75 копеек, а вторые — 9 рублей 11 копеек; за комнату со столом первые платят 17 рублей 64 копейки,

а последние — 18 рублей 40 копеек, наконец, за квартиру с полным содержанием универсанты платят по 19 рублей 71 копейку в месяц, а технологии — 20 рублей 56 копеек».

Таким образом, в журнале «Мир божий» нашли отражение различные стороны жизни страны и в том числе Сибири.

С конца 1905 года журнал стал выходить без предварительной цензуры. В объявлении о подписке на 1906 год (1905, № 11²³) редакция «Мира божьего» выражала надежду, что это даст журналу «возможность с полной ясностью проявить свое направление и расширить программу». Программа эта была сформулирована далее следующим образом: «Политическое и экономическое освобождение человека, идея рабочего класса как идея всего человечества — таковы основные стремления журнала... Журнал в социалистическом строе видит путь, ведущий к осуществлению этого принципа. Ближайшей своей задачей журнал ставит пропаганду идеи полного духовного и политического освобождения личности и свободной борьбы за интересы трудящегося класса, то есть перехода власти в руки народа. Наконец, рассматривая федеративный строй как форму, обеспечивающую свободное развитие индивидуальных национальных групп... журнал отстаивает идею автономности народов и народностей, входящих в состав русского государства». В августе 1906 года «Мир божий» в административном порядке был закрыт. Дело в том, что в № 8 журнала под рубрикой «Политическое обозрение» была напечатана статья Н. Иорданского со следующим подзаголовком: «Крушение «истинно-либеральной» политики Столыпина. — Возвращение правительства на путь полицейского террора. — Возрождение разрозненных и анархических форм революционной борьбы. — Министерские попытки разрешить крестьянский вопрос. — Их бесплодность. — Необходимость созыва Государственной думы».

В октябре 1906 года редакции удалось добиться возобновления издания, но уже под новым названием — «Современный мир». Это был ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Среди редакторов — А. И. Богданович, Ф. Д. Батюшков, Н. И. Иорданский. Своей задачей журнал ставил «распространение среди читателей идей последовательного политического и социального демократизма. Наряду с вопросами политической и общественной жизни, журнал уделял серьезное внимание вопросам естествознания, литературы, истории и искусства»²⁴.

В литературном отделе «Современного мира» сотрудничали в разное время — М. Горький, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, И. Е. Вольнов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Саша Черный, Демьян Бедный и др.²⁵ В журнале заметную роль играли социал-демократы, правда, в их более мягкому меньшевистскому вари-

анте. Здесь активно сотрудничали Н. И. Иорданский, Г. В. Плеханов. В начале 1914 года, в период блока с плехановцами, в журнале печатаются большевики — А. М. Коллонтай (1914, № 3, 9)²⁶, В. И. Ленин (под псевдонимом В. Ильин) [1914, № 3]²⁷. «Современный мир» был знаком и сибирскому читателю. Так, в журналах, хранящихся в фондах Кемеровского областного краеведческого музея, встречается печать Мариинского библиотечного общества (1911, № 12²⁸; 1913, № 4²⁹; 1916, № 4³⁰), печать Правления Мариинской общественной библиотеки (1911, № 3³¹), печать библиотеки Мариинского Союза Кооперативов (1911, № 2³²). «Современный мир» — одно из интереснейших изданий тех лет, отразившее все литературные явления, школы и направления этого сложного периода. В журнале находили отклик события политической и экономической жизни страны: крестьянский вопрос, рабочее движение, война. «Современный мир» может служить источником для изучения периодической печати того времени. На страницах рекламы подписки мы можем узнать о газетах, выходивших в Сибири. Упоминаются такие газеты как: «Сибирское слово» (Томск) [1911, № 2]³³; «Восточная заря» (Иркутск); «Обская жизнь» (Ново-Николаевск) [1911, № 3]³⁴; «Омский вестник» (Омск), «Сибирская жизнь» (Томск) [1912, № 2]³⁵; «Алтайское дело» (Ново-Николаевск), «Утро Сибири» (Томск) [1913, № 1]³⁶. Дается краткая характеристика газет: периодичность выхода, год издания, адрес редакции, подписная цена.

Таким образом, источниками по истории Сибири и, в частности, нашей области служат не только местные периодические издания, но и центральные газеты и журналы. Изучение журналов «Мир божий», «Современный мир», других подобных изданий необходимо краеведам, историкам и всем тем, кто интересуется прошлым нашего края.

Примечания

1. Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 180.
2. КОКМ. ОФ-15290/1—46.
3. КОКМ. ОФ-15444/1—27.
4. Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984. С. 20.
5. БСЭ. М., 1947. Т. 27. С. 565.
6. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века//1890—1904. М., 1981. С. 152.
7. ГАТО. Ф.100, оп.1, д.81, л.25.
8. КОКМ. ОФ-15290/9.
9. КОКМ. ОФ-15290/12.
10. КОКМ. ОФ-15290/14.
11. КОКМ. ОФ-15290/31.
12. КОКМ. ОФ-15290/3.
13. КОКМ. ОФ-15290/8.
14. КОКМ. ОФ-15290/9.
15. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 909—910.
16. КОКМ. ОФ-15290/5.

17. КОКМ. ОФ-15290/4.
18. КОКМ. ОФ-15290/12.
19. Седых Г., Сергиенко В., Тивяков С. Земля Кузнецкая — История Сибири. Кемерово, 1997.
20. КОКМ. ОФ-15290/19.
21. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 582—587.
22. КОКМ. ОФ-15290/27.
23. КОКМ. ОФ-15290/42.
24. КОКМ. ОФ-15444/9.
25. БСЭ. М., 1947. Т. 39. С. 540.
26. КОКМ. ОФ-15444/22, ОФ-15444/23.
27. КОКМ. ОФ-15444/22.
28. КОКМ. ОФ-15444/11.
29. КОКМ. ОФ-15444/16.
30. КОКМ. ОФ-15444/25.
31. КОКМ. ОФ-15444/10.
32. КОКМ. ОФ-15444/9.
33. КОКМ. ОФ-15444/9.
34. КОКМ. ОФ-15444/10.
35. КОКМ. ОФ-15444/12.
36. КОКМ. ОФ-15444/14.

Библиография

С. Н. Фий,
науч. сотрудник НКМ

Материалы, посвященные М. В. Тронову в фондах Новокузнецкого краеведческого музея

В мемориальномфонде Петра Степановича Шпиня — кандидата географических наук, доцента кафедры физической географии Новокузнецкого педагогического института — имеются материалы о замечательном человеке, ученом и практике, который сыграл заметную роль в становлении молодого ученого. Речь идет о Михаиле Владимировиче Тронове.

Михаил Владимирович Тронов (1892—1978) — доктор географических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный член Географического общества, председатель Томского отдела Географического общества СССР (1960—1977), крупнейший ученый-гляциолог.

В 1911 году окончил московскую гимназию с золотой медалью, в 1926 году — математический факультет Томского государственного университета, получив специальность геофизика. Во время учебы работал метеорологом и гидрометристом в экспедиции Бюро по исследованию и использованию водных сил Сибири (1920—1922), а затем — метеорологом-физиком в Московской научной экспедиции «Комсеверопути» (1925). В 1926—1931 гг. — ассистент, а в 1931—1933 гг. — доцент и заведующий кафедрой метеорологии ТГУ. В 1931—1935 гг. — начальник магнитно-метрических партий Бюро генеральной магнитной съемки СССР, в 1936—1940 гг. — начальник Алтайских ледниковых экспедиций ТГУ. В 1938 году без защиты диссертации получил ученую степень кандидата географических наук. В 1949 году защитил докторскую диссертацию «Современное оледенение Алтая». В 1950 году М. В. Тронову присуждена Государственная премия СССР за монографии «Современное оледенение Алтая» (1948) и «Очерки оледенения Алтая» (1949). В 1973—1978 гг. — научный руководитель единственной в СССР проблемной лаборатории гляциоклиматологии. В 1976 году награжден орденом Трудового Красного Знамени. Автор более 140 научных работ, в том числе 10 монографий, посвященных гляциологии, ионосфере, гляциоклиматологии (динамике границ и размеров горного оледенения и его связи с изменением климата).

Актуальность работ М. В. Тронова в том и заключается, что открытие и описание ледников позволяют представить общую картину оледенения, масштабы влияния ледникового покрытия на окружающее пространство. Итогом работ явился «Каталог ледников Алтая» (на 1 января 1925 г.), который дополнялся и менялся.

В фондах Новокузнецкого краеведческого музея хранятся печатные оттиски с дарственными надписями от авторов монографий и научных работ, посвященных проблемам оледенения и климата отдельных уголков Советского Союза. Работы адресованы лично М. В. Тронову в знак глубочайшего уважения к имени выдающегося ученого.

Среди авторов работ можно выделить следующих: Я. К. Башлакова (1957, 1958), Н. И. Белову (1974), А. Г. Бондарева (1961), Е. Н. Вилесова, С. Г. Лепнева (1939), К. Г. Макаревича, В. А. Чехонадскую, П. Ф. Шабанова (1973), В. Н. Виноградова (1975), А. М. Комлева (1961), Е. В. Максимова (1960), Н. Н. Пальгова (1955, 1961), К. И. Попову (1963, 1964, 1965), И. С. Соседова, В. И. Болдырева (1961), С. Г. Чемоданова (1954), О. П. Чижова (1966, 1969, 1970), О. П. Щеглову (1973) и других. География научных работ самая разнообразная. Работы посвящены изучению природных (климатических, геоморфологических, гляциологических) процессов на территории юга европейской, восточной и юго-восточной (азиатской) частей СССР. Среди работ можно выделить труды, посвященные изучению Алтая, горных систем Забайкалья, Кавказа и других. Это многолетняя работа Телецкой экспедиции (1928—1931), Бийского государственного института (1957, 1958), Читинского пединститута (1963), Казахского НИГМИ и института энергетики АН Казахской ССР (1959—1961), Томского государственного университета (1957), Новосибирского УГМС ГГИ и других. Публикации авторских работ можно видеть на страницах журналов «Естествознание и география», «Известия академии наук Казахской ССР», в сборниках докладов АН СССР, в «Известиях Всесоюзного географического общества».

Адресация материалов указывает на популярность и известность М. В. Тронова, его авторитет в научных кругах, который по праву имеет общесоюзное значение. Большинство авторов в своих работах и монографиях ссылаются на научные труды М. В. Тронова, в частности на монографические труды и статьи, опубликованные в Вестнике Всесоюзного географического общества «Гляциология Алтая».

В фондах хранятся следующие библиографические источники:

1. М. В. Тронов «Очерки оледенения Алтая. Записки ВГО, новая серия. Т. 9. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1949.
2. Сборник научных статей в журнале «Гляциология Алтая». Вып. № 6, 1970. Первой в сборнике на с. 3—36 значится статья Михаила Владимировича.

Кроме статей, фонды располагают личными письмами, адресованными Петру Степановичу Шпиню. Большая часть их написана рукой Л. Б. Троновой, супруги Михаила Владимировича.

Нужно отметить, что Михаил Владимирович постоянно находился за работой — в экспедициях, трудился над статьями и монографиями, поэтому личную переписку с П. С. Шпинем поддерживала Л. Б. Тронова.

Согласно переписке, Л. Б. Тронова имела прямое отношение к подборке, оформлению и подготовке к изданию книг и статей М. В. Тронова, П. С. Шпиня и других, так как ее работа тесным образом была связана с редакционной деятельностью. Так, в письме от 21.11.1978 г. она сообщає Петру Степановичу: «...Ваша статья пошла в сборник «Гляциология Алтая» № 15, сдали в прошлом году к декабрю. А вот статья с четырьмя авторами об озерах не вошла в этот сборник, так как он был перегружен и редактор (Русанов) брал в сборник только по одной статье от автора. Та статья лежит в лаборатории и ждет подходящего момента быть отданной в печать...»

Л. Б. Тронова занималась и посреднической деятельностью. Она высыпала Петру Степановичу выписки из протоколов научных советов, сборники опубликованных материалов. Читаем в письме от 27.05.1976 г.: «Ближайшее время выйдут два сборника сразу — «Гляциология Алтая» №№ 9 и 10».

Петр Степанович получает отзывы оппонентов на научные труды от М. В. Тронова (письмо от 14.03.1977), П. А. Окишева, профессора ТГУ (от 13.11.1974, 4.12.1974), В. М. Котлякова, редактора научных работ и А. А. Земцова, профессора ТГУ (от 20.04.1980).

Л. Б. и М. В. Троновы приглашали П. С. Шпиня на «Чтения» в Томский государственный университет (3.12.1982): «Ждем Вас на «Чтения», Ваш доклад состоится (Окишев сказал), приезжайте, книгу М. В. надо Вам вручить, гл. 2, вып. № 15 и 16 уже есть».

И что немаловажно, Троновы содействовали П. С. Шпиню в поиске города и научного учреждения, где могла бы пройти его защита. Так, в письме Л. Б. Троновой (23.04.1974) сообщается:

«...Цитирую Вам письмо Ивановского (числа на письме нет): «У нас в Иркутске защита организована может быть, но срок пока сказать невозможно, нужен разговор с председателем Совета. Я его увижу в конце недели. У нас в университете защита проходит по картографии, геоморфологии и физ. географии. В нашем институте организован новый совет, который еще в 1974 году защит не принимал... Почему бы Шпиню не защищать работу в Новосибирске? Если защита будет организована в Томске (что самое удобное), то в принципе я согласен быть оппонентом. Работы этого исследователя мне хорошо известны, и я вполне себе представляю содержание диссертации. К сожалению, в июне куда-либо приехать я не в состоянии, много всяких дел на стационарах и нет совсем времени для диссертации. Очень жаль, что не знал раньше об этой защите, тогда можно было бы спланировать всю работу несколько иначе. Как увижу председателя Совета — пошлю Вам известие — может ли Иркутский Совет принять защиту Шпиня. Если защита перенесется на осень, то это будет очень хорошо, я обязательно приеду».

В письмах также вложены поздравительные открытки, приуроченные к Первомаю, Дню Победы, Новому году, Великой Октябрьской революции. В них неоднократно указывается Л. Б. Троновой на внимание, оказываемое Петром Степановичем их семье.

В фондах хранится 21 письмо, написанное в период с 1974 по 1986 гг. Малое их количество подтверждает тот факт, что занятость с обеих сторон достаточно велика. Читаем это в письмах: «Надеюсь, что письмо мое застанет Вас в короткий приезд в город...» (19.07.1976) или «Знаю, заняты очень, а сейчас, наверное, в экспедиции...» (3.08.1979).

И только в некоторых письмах, датированных 14.03.1977 года и 30.03.1977 года, Михаил Владимирович собственноручно приглашает Петра Степановича принять участие в конкурсе на заведование лабораторией гляциологии при Томском государственном университете: «Посылаю Вам вырезку из газеты «Красное знамя» от 27 марта 1977 года с объявлением конкурса по лаборатории гляциологии. Полагаю, что если Вы подадите на конкурс, то положительный результат выборов Вам обеспечен, но получить квартиру в ближайшее время можно лишь при помощи обмана». Сообщает также о приезде В. М. Котлякова, главного редактора сборника научных статей, о намерениях издания Атласа ледников (по всей видимости, Кузнецкого Алатау): «Сегодня должен к нам приехать В. М. Котляков... Будут разговоры и совещание по поводу Атласа, а также относительно организации большого симпозиума в Томске в 1980 году».

П. С. Шпинь неоднократно получает отзыв на свои работы через жену Михаила Владимировича: «Выписку из протокола, отзыв Петра Андреевича, его согласие выступить оппонентом, все выслала авиа в адрес Симонович (по вашей телеграмме)» (от 4.12.1974) или «Я не дождалась от Вас протокола переделанного и высыпаю отзыв Окишева, он же Вам нужен срочно для печатания автореферата. Высылайте быстрее протокол» (от 13.11.1974).

Дальше Л. Б. Тронова сообщает: «Михаил Владимирович говорит, что надо, если в Томске решите защищать, посыпать в ВАК запрос — просьбу о защите по специальности физ. география. Что рисковать (по специальности метеорология) не следует. Если не ждать осени, то Русанов Владимир Иванович согласен быть оппонентом, а вторым могли бы быть Ревякин, Окишев, Земцов, в общем, здесь можно оппонентов найти». Людмила Тронова дальше передает, что «в Новосибирске Михаил Владимирович не советует защищать — там не занимаются ледниками и работа не будет как следует оценена».

Позже (в письме от 19.07.1976) Л. Б. Тронова пишет: «Как печально, что у Вас на кафедре опять мутят воду... (пропускаем фамилию человека из этических соображений. — С. Ф.)! Надо Вам, наверное, подумать о переезде в Томск и переходе работать в университете.

Осенью на симпозиуме поговорите с Михаилом Владимировичем, он все время говорит, что надо Вам переезжать в Томск».

Спустя 10 лет, после смерти М. В. Тронова, весной 1986 года ставит вопрос: «Как живете — трудитесь? Есть ли сдвиги в институте или по-прежнему все? Как с защитой диссертации? (речь идет о докторской диссертации. — С. Ф.)».

То есть вся информация о событиях в научных кругах, их динамике, структурировании, организации и реорганизации на кафедрах ТГУ, Новоузенского пединститута и т.д. шла через Л. Б. Тронову — верного помощника и союзника в работе и по жизни.

Из письма Л. Б. Троновой (19.07.1976) можно также констатировать, что, несмотря на болезнь М. В. Тронова, мысли о работе не оставляли его. Цитируем: «Михаил Владимирович уехал только 7 июля, опять не готова была машина университетская. Получила из Акштру от него письмо уже. Добрались благополучно. Я очень беспокоюсь за него, он поехал больной (боли в печени) и вообще слабый, не может он уже ездить, по-моему. Просила его не ездить, но он слышать не хочет». Или из письма от 27.05.1976 года узнаем, что Л. Б. и М. В. Троновы «две недели сидели над совместной с Неллей Лупиной книгой, сокращали до 12 п. л. (а было 16,5 п. л.). Много пришлось переделать, просто страницы не выкинешь... Устали с этой книгой ужасно, сидели и день, и ночь».

Даже после смерти Михаила Владимировича продолжается переписка П. С. Шпиня с Л. Б. Троновой. Так, в письме от 3.12.1979 года читаем: «Приближается тяжелая для нас дата — 7 декабря. Я уже эти дни плохо сплю, до мельчайших подробностей вспоминаются все минуты, проведенные с М. В. в клинике последние дни. И так грустно мне, что сказать невозможно... Тяжелая будет у меня эта вся неделя».

Но несмотря на это, Л. Б. Тронова посвящает себя всей той же работе: «Просьба быстрее пришлите рисунки, хорошо было бы от Вас с Адаменко получить краткий отзыв на книгу. Не забудьте, пожалуйста, написать небольшое предисловие. Я заканчиваю печатать книгу, подобрала фотографии...», «Сейчас все подбираю, заканчиваю, оформляю... книгу надо в набор отдавать», «У нас все нормально, если не считать мою дикую перегрузку и старческую усталость, печатаю еще для кафедры (подрабатываю) и получается переутомление».

Искренняя дружба между семьей Троновых и П. С. Шпинем помогла пережить трудные моменты, выпавшие на их долю. Читаем в письме Л. Б. Троновой (19.03.1980): «Тем более ценна для меня Ваша поддержка, дружеское отношение. Вы самые искренние и верные друзья нашей семьи».

На основе изученных материалов мемориального фонда П. С. Шпиня, относящихся к М. В. Тронову, можно сказать, что они содержат не так много информации, но позволяют составить представление о периоде

жизни семьи Троновых, тесно взаимосвязанном с жизнью и деятельностью Петра Степановича Шпиня.

Примечания

1. НКМ. ОФ. ДФ. 5494. КП. 8233/58.
2. НКМ. ОФ. ДФ. 5437. КП. 8233/94.
3. НКМ. ОФ. ДФ. 5528. КП. 8233/79.
4. НКМ. ОФ. ДФ. 5464. КП. 8233/93.
5. НКМ. ОФ. ДФ. 5530. КП. 8233/87.
6. НКМ. ОФ. ДФ. 5457. КП. 8233/77.
7. НКМ. ОФ. ДФ. 5518. КП. 8233/75.
8. НКМ. ОФ. ДФ. 5526. КП. 8233/74.
9. НКМ. ОФ. ДФ. 5554. КП. 8233/67.
10. НКМ. ОФ. ДФ. 5508. КП. 8233/68.
11. НКМ. ОФ. ДФ. 5529. КП. 8233/65.
12. НКМ. ОФ. ДФ. 5493. КП. 8233/56.
13. НКМ. ОФ. ДФ. 5424 КП. 8233/55.
14. НКМ. ОФ. ДФ. 5511. КП. 8233/50.
15. НКМ. ОФ. ДФ. 5512. КП. 8233/48.
16. НКМ. ОФ. ДФ. 5514. КП. 8233/47.
17. НКМ. ОФ. ДФ. 5515. КП. 8233/46.
18. НКМ. ОФ. ДФ. 5509. КП. 8233/44.
19. НКМ. ОФ. ДФ. 5510. КП. 8233/43.
20. НКМ. ОФ. ДФ. 5516. КП. 8233/45.
21. НКМ. ОФ. КП. 8948—8987. ПП. 2699—2738.
22. Тронов М. В. Очерки оледенения Алтая. М.: Гос. изд-во геогр. литературы, 1949. С. 378.
23. Тронов М. В. Некоторые принципиальные вопросы в учении о снеговой границе// Гляциология Алтая. Вып. 2. Томск: Томский государственный университет, 1962. С. 3—36.

Начало сказочной коллекции

В нашем музее начала формироваться коллекция ёлочных игрушек буквально по крупицам несколько лет назад. Этот процесс был не случаен, так как во всём мире наблюдается всплеск интереса к этому хрупкому сокровищу — ёлочной игрушке. Недолг век этого рукотворного чуда. К сожалению, редко в какой-либо семье сохранилась игрушка, которая радует своим мерцающим блеском не один Новый год, подвешенная на ёлочную лапу ещё в раннем детстве своих хозяев. Крайне редко игрушки переживают не один десяток лет, хранящиеся между праздниками в коробках и переложенные ватой. И лишь немногие из них попадают в музейные собрания. В настоящее время в России есть единственный крупный коллекционер ёлочных украшений — Романов Сергей Геннадьевич. В его коллекции больше тысячи экземпляров. Коллекционер не оставляет надежды найти первые ёлочные шары и самоварик, изготовленные в 80-х годах XIX века. Специально ёлочные игрушки никто не собирал и не хранил. С большой осторожностью игрушками украшают ёлку: как и все стеклянные предметы, они легко выскакзывают из рук и бьются.

Ёлочная игрушка востребована один раз в год, но изготавливают её в течение всего календарного года на немногочисленных заводах нашей страны. В 80-х годах XX века в СССР около 30 предприятий изготавливали ёлочные игрушки, в настоящее время единицы из этих предприятий уцелили и продолжают своё успешное существование. Самые крупные из этих предприятий: московское ЗАО ПО «Иней», подмосковное ОАО «Ёлочка». В Воронеже и Красноярске сохранились специализированные цеха на стекольных заводах, в отличие от нашей области. В Нижнем Новгороде работает фабрика «Ариель». Все эти предприятия выжили на российском рынке благодаря своему собственному, ярко выраженному стилю. Игрушки этих предприятий можно по праву назвать изделиями народно-художественных промыслов, ведь это действительно яркое творчество мастеров и художников с использованием ручного труда.

История появления на свет, рождения новой игрушки такова. Мастер-стеклодув выдувает из стекла определённую форму. Температура огня в газовой горелке — 900 градусов. Свет настолько ярок, что помещение, где работают стеклодувы, кажется погружённым в темноту. Гул от форсунок напоминает пребывание на взлётном поле. Оранжевые пузырьки плавятся в языках пламени — это стеклодувы разогревают заготовки,

Данилина Н. В. Зам. ген.
директора ЗАО «Иней»

стеклянные трубки. Огонь трубку сминает, плавит, одновременно стеклодув растягивает руками в обе стороны два усика. В одно ему ведомое мгновение стеклодув приближает усик к губам и выдувает шар. В считанные секунды шар остывает, мастер держит его за один холодный усик, второй приближает к горелке, плавит и виртуозным движением «обрывает». Шар всегда получается идеальной сферической формы, неравностенный шар обязательно взорвётся. Его толщина составляет несколько микрон, оттого ёлочные шары невесомые. Если шары мелкие, они могут изготавливаться на конвейере. Все крупные изделия окрашиваются вручную профессио-

нальным художником. Работа по росписи игрушек требует большого терпения. Каждый новый красочный слой должен остывть после нанесения, и лишь тогда можно будет наносить следующий. Стеклодув за рабочий день может сделать приблизительно сто форм. Художник в свою очередь два-три дня посвятит росписи этих форм. На ЗАО ПО «Иней» более 40 лет работает потомственный стеклодув Дроздов Виктор Андреевич, который работал ещё на керосиновой горелке. За свою трудовую биографию мастер «выдохнул» столько изделий, что, наверное, и в фондах КОКМ хранится хоть одна его игрушка.

Раскрывая перед Новым годом коробку с ёлочными игрушками, мы раскрываем своеобразный учебник по истории нашего Отечества. Можно выделить несколько периодов в истории ёлочной игрушки.

I — 30-е годы XX века в СССР связаны с появлением монтажной игрушки: шарики разных размеров монтируются со стеклянными трубочками, что позволяет изготовить любую конструкцию — самолёты, корзинки, мельницы, колокольчики, подвески, сосульки. Изделия переливаются всеми цветами радуги. На игрушках появляются русские пейзажи и узоры.

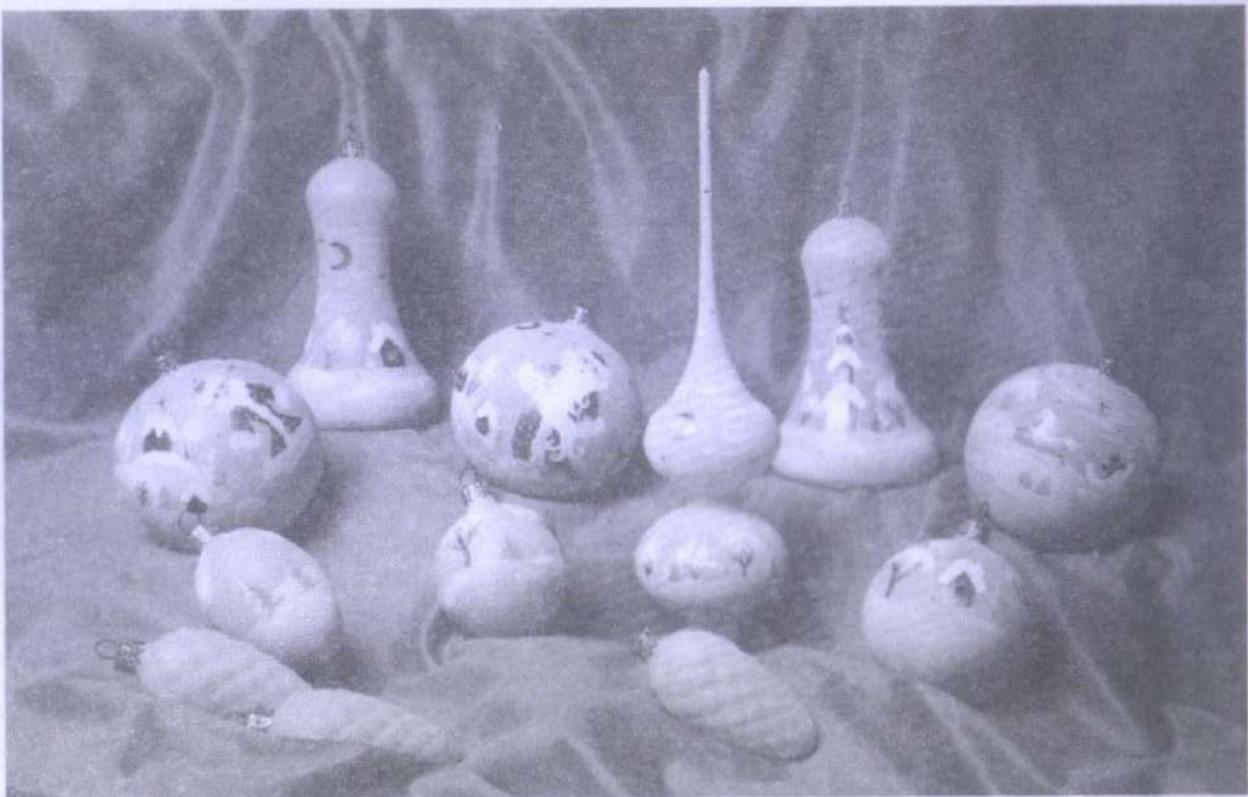
II — 50-е годы XX века в СССР — это в основной своей массе формовые игрушки, которые не только красят, но и расписывают. У маленьких фигурок тщательно выписанные черты лица, и даже точно воспроизведены детали одежды наиболее популярных в то время сказочных персонажей. Наряду с отечественными игрушками этого периода в фондах нашего музея есть игрушки производства ГДР, которые сохранились в семьях кемеровчан и были переданы нам в дар. Игрушки этого периода наиболее ярко представлены в фондах КОКМ, что можно было увидеть на ежегодных новогодних выставках «Новогодние фантазии», «Приходи к нам, тётя лошадь» и др. После выступления в телевизи-

Ёлочные игрушки. Автор — Н. В. Данилина

онной программе «Средь бела дня» наши фонды пополнились рядом предметов музейного значения на новогоднюю тематику. Например, были переданы в дар музею ёлочные бусы — это оригинальное русское изобретение. В 1950—1960-х годах такими бусами не только украшали ёлки, но и расшивали с их помощью новогодние маскарадные костюмы. В семейном альбоме практически каждой семьи можно увидеть детские фотографии, запечатлевшие детские утренники в детском саду или школе, где кокошник или платье расшито рядами бусин. Сейчас ёлочные бусы утратили свою популярность или же изготавливаются из пластмассы производства КНР. Но с 80-х годов XIX века и до середины XX века стеклянные бусы носили на шее, нашивали в виде брошек и орнаментов на сарафан и кофты, украшали ими головные уборы.

III — 60—70-е годы XX века. Игрушки этого периода лишены чётких линий, черты лица обозначены двумя-тремя штрихами, «глаза и рот» нанесены точками. Перед производством тогда стояла задача выпустить наибольшее количество игрушек за счет удешевления производства. Игрушки лишились своих мелких деталей. Стали невзрачными и малоинтересными. Наряду со стеклянными игрушками появились игрушки из пенопласта. Самой дорогой игрушкой того времени из-за сложности исполнения стал «Аквариум», созданный художницей Татьяной Сергеевой. Внутри шара плавала маленькая золотая рыбка. Цена игрушки была «предельной» — 58 копеек. Восьмидесятые годы

Набор «Голубой». Автор — Н. В. Данилина

не внесли никакого вклада в историю ёлочной игрушки. Наверное, было не до того...

IV — 90-е годы XX века — начало XXI века — ёлочная мода отмечает появление патриотической «московской» серии: самая популярная игрушка-шар — украшена российским флагом и видом г. Москвы.

В настоящее время ежегодно в апреле устраивается главный смотр российских ёлочных украшений в Гостином Дворе г. Москвы. На выставке «Игрушки и игры». Российские производители участвуют в международной выставке во Франкфурте. В январе престижная выставка «Christmans Word» устраивает смотр новых коллекций.

Необходимость работы по пополнению и формированию коллекции ёлочных игрушек оправдана и тем, что искусство создания ёлочных игрушек — это один из культурных факторов, соединённый тончайшими нитями с духовной жизнью людей, с семейным праздником, детством, осуществлением мечты. Ёлочные игрушки — это праздник, а праздник — это ещё и традиции.

Благодаря неоднократным встречам с заместителем генерального директора по новым видам ЗАО «Иней» (г. Москва) Надеждой Васильевной удалось атрибутировать ряд елочных игрушек, хранящихся в фондах КОКМ. Так, например, игрушки ёлочные под номерами ОФ 16205 — подвеска «Виноград» и ОФ 16210 — «Цыпленок» были выполнены художником М. Н. Бартрам — дочерью известного коллекционера, художника и исследователя игрушки Н.Д.Бартрама.

Именно в годы создания этих игрушек наблюдался расцвет завода. Изделия этих лет отличает особая теплота, мягкость и человечность образов.

В результате командировки автора данной статьи в Москву в августе 2004 г. удалось не только атрибутировать ряд ёлочных игрушек, но и фонды КОКМ будут пополнены ёлочными игрушками, изготовленными в 1990-е годы. Это наборы — «На тумане», «Голубой», «Кремль» и др., всего около 100 единиц. Большинство из них были созданы Данилиной Надеждой Васильевной — выпускницей Загорского художественно-промышленного училища игрушки. Надежда Васильевна более 30 лет трудовой биографии отдала этому хрупкому чуду — елочной игрушке и является создателем музея елочной игрушки ЗАО «Иней» не по служебной необходимости, а по велению сердца.

В 2004 г. вышел первый каталог ёлочных украшений, изготовленных стекольными заводами и артелями царской России, Советского Союза и Германии с начала XX века до середины 1970-х годов. Каталог содержит информацию о степени редкости украшений, более 1000 иллюстраций, изображения 1500 ёлочных украшений, каталог поможет в дальнейшей атрибуции уже собранных экспонатов и будущих поступлений.

Примечания

1. Елочные украшения 1900–1970. Гид для коллекционера. Санкт-Петербург: ООО «АРТ-СПб», 2004.
2. Советская игрушка 1920–1950-х годов из коллекции Сергея Романова. М.: ИНТО, 2001.
3. В мастерской у Деда Мороза. Елена Санина. // Юный техник. 1991. № 2.
4. Душечкина Елена. Только тот, кто друг полов, елку праздновать готов // Родина. 1996.
5. Где рождается сказка // Родина. 2002. Январь.
6. Некрасова М. «Сколько на елочке шариков цветных...» Старинный промысел елочных украшений // Юный художник. 2002. № 11.
7. Шохина Татьяна. Счастье на нитке // Крестьянка. 2002. № 12.
8. Сергей Соболев. Наряжаем елку // Бизнесжурнал. 2002. Декабрь.
9. Дорохина Нина. Смотришь в небо и видишь – звезда // Домашний очаг. 2002. № 12.

Рассказывают талоны-карточки

Первые упоминания о талонах-карточках появились в источниках Древней Греции и Рима во втором веке до нашей эры. Беднейшие слои городского плебса Рима (в отдельные годы их число доходило до 300 тысяч) получали свинцовые и бронзовые жетоны — тессеры, которые были своеобразными карточками, дающими право на бесплатное получение дешевого хлеба, вина, оливкового масла, посещение театра, частных бань. От слова «тессер» произошло название вспомогательной исторической дисциплины, изучающей талоны в качестве исторических источников, экономико-политических документов и культурных памятников прошлого,— тессеристики.

Опыт римлян был заразителен. В 1601 году Борис Годунов указом от 3 ноября, вследствие сильного неурожая, впервые ввел в Соль-Вычегодске нормированное распределение хлеба. В Париже во время Великой Французской революции конвент вводит продовольственные карточки и создает продотряды.

Первая мировая война заставила правительства многих стран мобилизовать все ресурсы для ведения боевых действий. Во многих странах вводятся талоны на продукты питания и промышленные товары.

В конце XIX — начале XX века на многих предприятиях России часть заработной платы выплачивалась талонами, которые отоваривались в лавках предпринимателей, зачастую по повышенным ценам. В период Первой мировой войны из-за нехватки промышленных товаров, ухудшения работы транспорта, краха финансовой системы количество бумажных денежных знаков возросло с 1,6 млрд рублей до 17,2 млрд рублей к 1 октября 1917 года. Продовольственная проблема перерастала в угрозу голода. В ряде крупных городов была введена карточная система распределения хлеба, мяса и сахара. При Временном правительстве карточная система распространилась на все продовольственные товары. В августе 1917 года в Петрограде и Москве хлебный паек составлял 0,5 фунта хлеба в день.

Менялись формы правления, менялась власть в стране, а карточная система распределения продуктов не уходила из жизни граждан России.

Начавшаяся в 1918 году Гражданская война и интервенция докончили развал экономики, нарушили важнейшие продовольственные и сырьевые базы страны. Около 40 % промышленных предприятий прекратили работу. Советское правительство приняло ряд чрезвы-

чайных экономических мер, была введена государственная монополия на хлебную торговлю, запрещена частная торговля хлебом и многими сельскохозяйственными продуктами. В декабре 1918 года действовали карточки четырех категорий. К первой относились лица, занятые тяжелым физическим трудом, ко второй — занятые легким трудом, к третьей — занятые умственным трудом, к четвертой категории причислялись все нетрудовые элементы. Полфунта хлеба в день, фунт сахара, полфунта жиров и четыре фунта селедки в месяц были нормой рабочего Петрограда, занятого тяжелым физическим трудом.

После окончания Гражданской войны стабилизировалась экономическая ситуация в стране, заработали предприятия, стал внедряться хозрасчет. На рынке появились и стали постепенно дешеветь продукты, необходимость в карточной системе отпала.

В 1929 году из-за напряженной ситуации с товарами народного потребления, в силу перегибов в проведении хлебозаготовок, голода в ряде зерновых районов страны появилась необходимость введения нормированного распределения продовольственных товаров, и государство вновь ввело отмененную при НЭПе карточную систему, которая просуществовала до 1936 года.

Вторая мировая война вновь вынудила государство перейти на строгое нормирование снабжения населения продовольствием. Постановлением Совета народных комиссаров от 18 июля 1941 года на территории страны была введена карточная система снабжения. Помимо продовольственных, существовали карточки на керосин, уголь, спички, мыло и даже на приданое для новорожденных. 14 декабря 1947 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли Постановление «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Реформа полностью упразднила карточную систему распределения промышленных товаров и продуктов питания.

Осенью 1963 года разразился новый кризис. В результате неправильной обработки земли в предыдущие годы наступило резкое падение сбора зерна на целине. А в 1963 году бури снесли плодородный слой земли вместе с посевным зерном. Неурожайным этот год был и в других земледельческих районах. В результате хлеб из магазинов исчез. Чтобы справиться с дефицитом, пришлось срочно закупать зерно за границей, потратив на это стратегические запасы. В некоторых регионах страны стали вводиться талоны на продукты. В Кемерове в этот период гражданам выдавались «приглашения» в магазин на приобретение муки к праздничным дням.

В 1983 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хо-

зяйственной деятельности по усилению их ответственности за результаты работы». В промышленности начался крупномасштабный экономический эксперимент по выполнению данного постановления. А так как производство не было готово к данному эксперименту, то это привело к спаду производства во всех отраслях народного хозяйства, и, как следствие, появились пустые прилавки в магазинах, недовольство снабжением товарами, недоверие к денежным знакам. Пытаясь сгладить тяжелое положение с продовольствием, на местах, по инициативе местных органов управления, стали появляться талоны на продукты. Подобные талоны предварительного заказа на молочные продукты и колбасные изделия появились в городе Юрge.

В период перестройки в 1988 году талоны появились во всех населенных пунктах бывшего Союза, проникли во все самые отдаленные районы. Распределению по талонам подлежало практически всё — от соли и спичек до ковров и автомобилей. Появилось разнообразие в названиях. Если в прежние годы существовали карточки: карточка на сахар, карточка на хлеб, то в перестроечный период появились такие названия, как «заказ на сахар», «приглашение в магазин», «визитка покупателя», «лимитная карточка», «справка на приобретение школьной формы» и др. В стране была введена нормированная продажа продуктов и товаров. Например, в г. Новоград-Болынский по карточке потребителя для мужчин полагалось на год: рубашки — 4 шт., трусы — 4 шт., носки — 8 пар. А в городе Косове для женщин, кроме всего, полагалось по 0,5 бюстгальтера и 0,5 детских трусиков. В некоторых населенных пунктах были введены даже талоны на пиво.

Талоны получили огромное распространение в нашей стране, и использование слова «талон» ни у кого не вызывало удивления: талон на прием к врачу, талон на вывоз бытовых отходов, талон на услуги бани, талон как название денежных знаков, выпускаемых отдельными предприятиями. Талоны в сфере своего использования чаще всего выполняли функции распределения товаров и услуг.

В Кузбассе в перестроечный период, как и по всей стране, применялись талоны на нормированное распределение продуктов питания и промышленных товаров. В 1988 году областные власти признали «вынужденные» проблемы в снабжении населения продуктами питания, и в июле в Кемерове были выпущены талоны на сахар. Со временем перечень дефицитных товаров увеличился. В 1989 году, начиная с августа, населению были выданы талоны на моющие средства и чай, а к декабрю появились талоны на водку и вино. По талонам выдавались в Юрge колбасные изделия, масло, водка, в Новокузнецке — банка мясных консервов весом 250 г, в Топках — колбаса, в Тяжине — чай, стиральный порошок и мыло хозяйственное и т.д. С января 1990 года в населенных пунктах области официально введены талоны на чай,

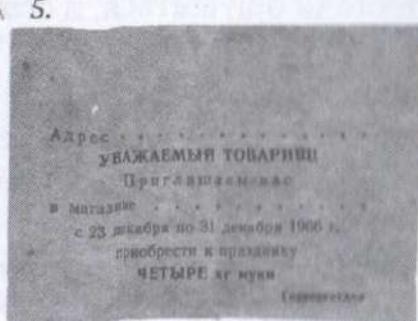
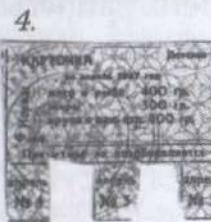
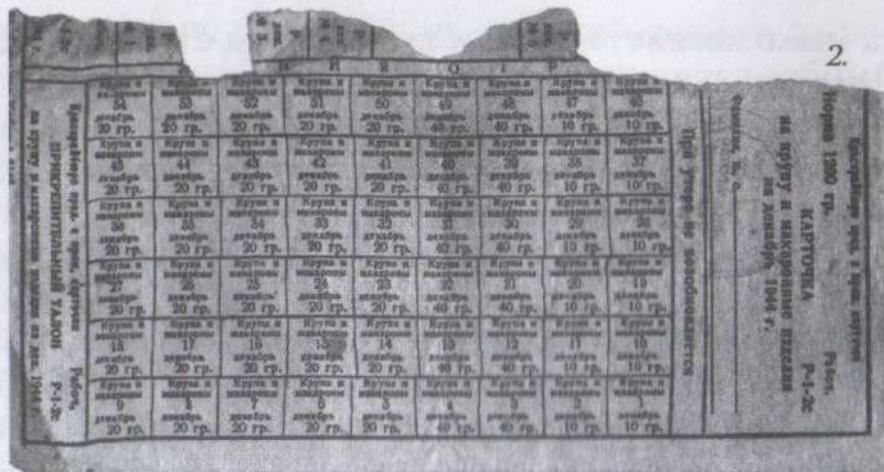
на мыло хозяйственное и туалетное, а с июня — на масло животное и растительное, муку, крупу и макаронные изделия. С 1991 года к ассортименту продуктов добавились колбаса вареная, яйца и табачные изделия. В Прокопьевске были выпущены талоны на конфеты и отдельно на карамель и ирис.

В Кемерове норма отпуска на один талон в месяц составила 600 г колбасы, 10 шт. яиц, 300 г животного и 250 г растительного масла, 700 г муки, 900 г крупы и 300 г макаронных изделий. На руки выдавались две бутылки водки, бутылка вина и 5 пачек сигарет. В связи с тем, что талоны на табачные изделия не были своевременно отпечатаны, было принято решение водку и вино отпускать на талоны с обозначением «водка», а на талоны «вино» продавать табачные изделия. Талоны на табачные изделия были выданы населению в феврале, отпечатаны двумя блоками: с февраля по июнь и отдельно на второе полугодие. С 25 января 1992 года в Кемерове была введена нормированная продажа хлеба. Хлебная карточка была выпущена одним блоком: на семь последних дней января и февраль месяц. Но уже во второй половине февраля перебои с хлебом перестали ощущаться, и его стали продавать без талонов.

Первоначально водяных знаков талоны не имели, степень защиты от подделок была минимальная, поэтому появилось много фальшивых талонов. Власти предприняли меры по увеличению степени защиты от подделок. На талонах появилась фоновая сетка, наносимая цветной краской и менявшаяся ежеквартально. Неоднократно менялся рисунок фоновой сетки.

К 1992 году наблюдается заметное улучшение в снабжении населения продовольствием. В обиход вместо талонов вошли «приглашения на приобретение нормированных продуктов» в прикрепленных по месту жительства магазинах. Приглашение выдавалось квартиросъемщику, одно на всех членов семьи и в отведенный день посещения магазина можно было купить необходимые продукты. Начинает быстро расти сеть свободной торговли, уменьшается перечень талонной торговли, заметно сокращается разница в цене продуктов по талонам и коммерческой цене. Последний блок талонов в Кемерове был выпущен на третий квартал 1991 года. В первом квартале 1992 года были выпущены талоны в Новокузнецке, Осинниках и ряде других населенных пунктов области на отдельные виды продуктов, но они уже практически не были востребованы — в магазинах появились продукты.

Изучение развития талонной системы выделилось в новый увлекательный предмет коллекционирования, а сами талоны стали предметом музеиного значения.

Литература

1. Мельникова А. Твердые деньги. М., 1973.
  2. Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1967.
  3. Рахилин В. Карточки Великой Отечественной. Всемирный коллекционер. 1996.
  4. Цивильский Н. Ф., Цивильский Ф. Н. Каталог талонов, по которым в СССР, СНГ распределялись продукты и товары среди населения 1970—1994 гг. Херсон, 2003.
  5. Чунтулов В. Т. Экономическая история СССР. М., 1969.

Г. П. Калишева,
науч. сотр. отдела истории КОКМ

«Котик Тузик шлет привет...»

Есть мнение, что музей, особенно провинциальный, удивительным образом действует на людей, работающих в нем. Ни в каком другом учреждении не встретишь столь трепетного внимания к посетителям, постоянной готовности поведать обо всем, что знаешь, окунуться в мир материальной и духовной культуры тех, кто совсем недавно обретался в местах, где теперь проживаем мы, совсем другие, непохожие на своих прародителей. Атмосфера музея, наполненная энергетикой хранимых в нем предметов, делает восприимчивей душу, и работа с экспонатами порой вызывает странное чувство ностальгии по минувшим временам. Временам, в которых нас не было.

Среди обилия документальных и вещественных памятников краеведческого музея есть небольшая папка с фотографиями и письмами семьи Бражниковых. Это обычная крестьянская семья, которая ничем не прославилась в истории Кузнецкого края и отличалась от прочих семей только тем, что в ней бережно хранились семейные реликвии. Уважительное отношение к прошлому — свидетельство искренней сердечной любви друг к другу, почтения к старшим, заботы о меньших, свидетельство огромного значения семьи в крестьянской среде как хранителя добра и душевной теплоты.

Сами реликвии не имеют ничего общего с эпохальными памятниками истории. Они очень личные: песенник «Е. Бражниковой января 16-го дня 1912 г.», обложка от тетради-справочника № 5. На обложке чернилами коротко написано: «Моя», на развороте тетрадной обложки обозначены русские императоры династии Романовых, а с изнанки — реклама «Книжный и писчебумажный магазинъ ученическія и канцелярскія принадлежности Л. Д. Прейсмана въ Маріинске». Еще одна обложка от тетради напоминает ученикам о том, что буква «ять» теперь исключена, что буква «ф» пишется по-новому, а вместо «честнаго» писать следует — «честного» и т.д. Среди документов — паспортная книжка 1895 года, заверенная волостным старшиной и печатью Итатского волостного правления Томской губернии, справки по разным поводам, паспортная книж-

Семья Бражниковых

ка 1913 года, несколько писем, поздравительные открытки к дням ангела и фотографии.

Оттого ли, что лица на фотографиях светлы и красивы, а письма дышат заботой и любовью, материалы, собранные в папке, исполнены необъяснимого магнетизма. Не я одна сдерживала странные слезы, работая над документами.

Не у одной меня возникало ощущение сиротства и дефицита тепла в нашей рациональной обыденности, круто замешанной на эгоизме и тотальной нелюбви.

«Здравствуй дорогой наш тята, первым долгом прими от нас глубочайшее почтение и низкий поклон, и желаем мы тебе от Бога доброго здоровья и душевного спасения. Уведомляем тебя, тята, что у нас 22 ноября 1902 года в 8 часов утра родился брат, еще не крестили...» — сообщали три девочки своему отцу, находившемуся в этот момент у озера Байкал, далеко от родного села Итат Мариинского округа Томской губернии.

Село Итат — древнее село. Основано, как утверждают знатоки, в 1773 году на Сибирском тракте на речке Итатке. С течением времени в селе появилась мукомольня, кожевенный завод. В 1911 году в селе насчитывалось 428 хозяйств с числом жителей 2538 человек. Было здесь волостное правление, почта, аптека, читальня, двухклассное училище, церковно-приходская школа.

В метрических книгах Никольской церкви отмечено рождение главы семьи Бражниковых — Алексея Петровича, его жены Евгении, заключение их брака и рождение их детей: Лизы, Любы, Поли, Михаила.

«Здравствуй милая и дорогая моя супруга Евгения Васильевна, здравствуйте милые и дорогие мои доченьки Лизачка, Любовачка, Поличка и милой дорогой мой сыночек Мишенька и здравствуйте тетушка Анна, кумушка Варвара Васильевна. Примите от меня глубочайшее почтение и низкий душевный поклон...» — писал в феврале 1903 года 38-летний путевой сторож Томской железной дороги Алексей Бражников. «Хлебопашец православного вероисповедания» ныне работал на Транссибирской магистрали. Так делали многие крестьяне — зимой работали на железной дороге, домой возвращались к началу весенней страды. В письме жене Алексей Петрович сообщает о своем местонахождении (в 11 верстах от станции Катаржанка Забайкальской железной дороги) и аккуратно отчитывается о заработной плате за январь, которая составила 46 руб. 40 коп. «Вечеровками» (вечерними сменами) заработано еще 19 руб. 20 коп. Всего заработка плата путевого сторожа Бражникова за январь 1903 года составила 65 руб. 60 коп.

Деньги были нужны в первую очередь для достойного содержания детей. Суть крестьянской семьи состояла в постоянной заботе об их прокормлении, экипировке, вразумлении. Рождение очередного ребенка воспринималось не как особая радость, а как необходимое событие, предопределенное самим фактом совместного существования мужа и жены: поженились — должны быть и дети. Детей рождалось столько, сколько Бог дал.

К дальнейшему воспитанию детей крестьяне относились неоднозначно. Многие крестьянские семьи пытались дать своим детям образование, но не у всех получалось. Образованность среди крестьян, как правило, ограничивалась уровнем знаний, которые давали церковно-приходские школы. Приходские школы в глубинке не отличались ни особой грамотностью учителей, ни хорошим материальным положением. Например, в окружном городе Кузнецке мужская приходская школа в конце XIX в. по описанию корреспондента «Сибирской газеты» выглядела следующим образом: «...маленькая, мрачная, в две крошечных комнаты избушка, загороженная со всех четырех сторон высоким забором, отстоящим от стен не более двух или трех аршин. Пол одинарный, в щели которого в зимнее время дует такой ураган, что по обе стороны их образуются нередко сугровые налеты весьма заметных размеров. Дверь сквозит, вечная грязь, пыль, духота и темень...».

Подавляющее большинство церковно-приходских школ таковыми и были. Но, несмотря на непрятательные условия, они играли роль первой ступеньки в деле образованности крестьянского населения. Часто эта первая ступенька была для крестьянских детей, особенно

Люба и Полина Бражниковые

девочек, последней, чего не скажешь о дочерях состоятельных граждан. «Сибирская газета» свидетельствует о том, что девушки из далекой Сибири обучались даже в Санкт-Петербурге. В 1888 году их число составило 48 человек. Из них 38 девушек приехали продолжить образование после гимназий, две — после института, три закончили прогимназии, домашнее образование имели пять курсисток. Среди курсисток были дочери чиновников — 24, из купеческого сословия — 9, из духовенства — 3, мещанок — 11, дворянка — 1. Все проживали в крупных сибирских городах — Томске, Иркутске, Омске, Красноярске. По учебным заведениям Петербурга сибирячки размещались следующим образом: на Бестужевских курсах — 21, Надеждинских — 12, Рождественских — 2, Калинкинских — 2, Елененских — 2, Фребелевских — 4, зубоврачебных — 1, в Музыкальной школе Руссо — 1, в Академии художеств — 1, в Учительской семинарии — 1, Суворовском фельдшерском училище — 1.

Алексей Петрович считал своим долгом обучать детей. Сам он, как записано в документах, имел домашнее образование. Дочери его закончили школу при Никольской церкви и двухклассное училище в Итате.

Начальное образование получали по учебникам: «Наставления в вере», «Молитвы и заповеди» Соколова, «Книга церковно — славянского чтения» Тихомирова, его же авторства «Грамматика», «Азбука правописания», «Родное слово» в трех томах; «Книга для чтения» Паульсона, «Родная азбука», «Новая азбука» Толстого, «Детский мир» в двух томах, «Задачник» Евтушевского, «Прописи» Пуциковича, «Новый Завет» на русском и славянском языке Тихомирова.

Алексей Петрович гордился успехами своих девочек: «Приехала Матрена Петровна с мужем... Вас доченьки так хвалила, так хвалила, что и сказать нельзя. Зовет барышнями, говорит, что такие ваши девочки, что у нас в Итате ни одной барышни такой нету..., умненьки да хорошененьки да образованы ваши девочки, будто бы оне растут в городи, а не в деревни... а я очень ратъ...» (5 февраля 1903 г.). Карандашом приписано: Лизе было 13, Любке — 12, Поле — 8, Мише было 2 месяца.

Гордиться и радоваться Алексею Петровичу было от чего. По переписи 1911 г. среди учащихся начальных училищ Томской губернии девочки составляли всего 29,5 %. Значительный процент учащихся не доходил до конца курса. Причины были разные: по хозяйственным соображениям, по бедности, по убеждению в том, что и полученного образования достаточно. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 года отметила чрезвычайно низкий уровень грамотности крестьян, особенно среди женщин.

Желая лучшей доли своим девочкам и подросшему сыну, Бражникovy отправляют детей в Ачинск, ближе других расположенный к Итату. Его учебные заведения были востребованы молодежью, желающей учиться. В Ачинске с конца XIX века существовало уездное училище, была женская прогимназия, начальная школа. В начале XX века список образовательных учреждений Ачинска пополнился. В числе новых учебных заведений было «общественное мужское среднее учебное заведение», вполне подходящее для Михаила.

«Дорогой Миша! Учися, старайся. Носи стару папаху, в фурашки простудишь голову... Пшеницы намолотили 40 пудов. Еще намолотим. Скоро будем возить сено...»

Силою обстоятельств отстраненные от дома дети, тем не менее, были в курсе всех домашних забот. Родители не исключали их из вечных крестьянских надобностей и хлопот. «Опишу вам кое-какие мелконькия новости. Первое — Бурена отелилась, свинья опоросилась. Пестряну продали на молоко за 36 рублей... Мать поедет к вам к Покрову, повезет вам теленка и поросят. Хотит еще сходить для вас набрать черемухи...» Письмо, как и все прочие, заканчивается неизменным: «Нежно любящие вас Алексей и Евгения Бражникovy, 20 сентября, суббота, 1911 г.»

Шло время. Вышла замуж за псаломщика старшая дочь Елизавета, уехав в село Вороно-Пашенское Томского уезда. Стала Елизаветой Алексеевной Бесприютовой. Брак продлился недолго. Вскоре Елизавета с маленьким сыном Павлом перебралась в деревню Бобровка Больше-Улуйской волости, где работала в школе. Учителяствовала в деревне Ивановка Итатской волости средняя дочь — Любовь Алексеевна. Поля и Миша заканчивали учебу в Ачинске. Но расстояние не мешало семье оставаться единой. Родственные связи не ослабевали. Теплые душевые отношения связывают всех членов семьи Бражниковых. Письма младших детей из Ачинска пересыпаются родителями старшим дочерям. Дети не забывают поздравить друг друга с днем ангела, обменяться подарками: «Излюбленные стихотворения дарю на память сестре своей Любови Алексеевне Бражниковой». Еще обсуждаются внутрисемейно все вопросы, без деления на важные и не очень: «Миша, я твое письмо получил 25 октября 1917 года. Ждем тебя к ярмарке. Охота нам всем, а напаче Алисе, купить лошадь, чтобы всем нам весной ездить на Чулым».

Любовная родительская забота ощущается в каждой строке писем, посылаемых детям: «Насчет сапог я тебе, что могу сказать... посылаю 40 рублей. Если не хватит, займи, а сапоги закажи...» Карандашом приписано: «Папенька заботиться о сапогах для Миши, потому что стало плохо что-либо купить из товару». Завершался 1917 год.

Любопытно, что ни в одном письме нет упоминаний о каких-либо политических событиях: будь то войны или смена власти. Для крестьянина все это было второстепенным. На первом месте по-прежнему заботы, связанные с хозяйством и повзрослевшими детьми. Болела душа за дочерей: умные, грамотные девушки учительствовали в сельских школах, но ни одна из них так и не вышла замуж, не создала семьи, что по родительским понятиям было большим несчастием.

Письма родителей к взрослым детям стали более сдержаны, с легким налетом усталости и самоиронии, маскирующей все ту же неистребимую родительскую любовь. «Здравия желаю, дорогой Миша. Мы старики, конечно, живем по-стариковски. Я хлеб намолотил, конюшню переправил. Стала она мне 13 рублей. Ярмарка была очень большая, шумная. В нашем великом, шумном и людном Итате нового ничего нету. Тузик котик, Глафира шлют привет. 25 ноября 1925 г.». Алексею Бражникову был 61 год.

Миша откликался короткими открытками. «С 10 января меня переводят в Домтрест. Оклад будет 200 рублей. Только не знаю, справлюсь ли с работой». Он получил достаточное образование. Работал в Омске. На фотографиях Михаил красив, с внешностью современного бизнесмена. Похоже, он прочно стал на ноги, женился на симпатичной Марусе. У них родились дети. Одна из детей — дочь Михаила, Мясникова Валентина, участковый фельдшер поселка шахты Бутовская, и принесла к нам в музей часть семейного архива.

А. О. Кауфман,
ст. науч. сотр. историко-архитектурного
музея «Кузнецкая крепость»

Генерал П. Н. Путилов и Кузнецк

*Светлой памяти
Павла Николаевича Путилова посвящается*

До 2000 г. о генерале Путилове и его жизни в Кузнецке было известно очень мало. В частности, по воспоминаниям старожилов установлено, что генерал Путилов был убит в декабре 1919 г. бойцами одного из отрядов «красных партизан», которые в то время часто «гостили» в городе.

Он был убит на территории Кузнецкого тюремного замка, который был создан в 70-х гг. XIX в. на основе перестроенной солдатской казармы упраздненной к тому времени Кузнецкой крепости.

Вся вина 65-летнего отставного генерала заключалась, по-видимому, в том, что он олицетворял ненавистный тогда многим царский режим.

Еще о генерале Путилове мы знали как о герое Русско-японской войны 1904—1905 гг. Всероссийскую славу и известность принес ему штурм одной из безымянных сопок в Маньчжурии. Потом эта сопка в военных картах проходила под названием Путиловской. За этот бой он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

В историко-архитектурном музее «Кузнецкая крепость», основанном в конце 1991 г., одним из основных направлений деятельности является военно-историческое.

В июне 1998 г. были вновь отстроены некоторые сооружения Кузнецкой крепости, в частности, одна из двух солдатских казарм. В эту казарму вскоре и переместился наш музей.

При создании основной экспозиции было решено один из разделов посвятить нашим землякам — георгиевским кавалерам. Начался сбор материалов.

В конце 1999 г. было принято решение отлить копии (в натуральную величину) 12-фунтовых чугунных пушек Кузнецкой крепости. За это дело взялся Западно-Сибирский металлургический комбинат. Было профинансировано несколько командировок работников комбината и научных сотрудников музея в Санкт-Петербург и Москву для получения материалов по артиллерии начала XIX в. — времени функционирования Кузнецкой крепости.

Генерал Павел Николаевич Путилов

Параллельно шел сбор источников по георгиевским кавалерам. В частности, в начале 2000 г. в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в г. Москве нами был обнаружен послужной список генерал-лейтенанта в отставке Павла Николаевича Путилова¹.

Уже тогда шла работа на перспективу, итогом которой должны были стать мероприятия по увековечиванию памяти об этом человеке: создание специального раздела основной экспозиции и сооружение памятника П. Н. Путилову на территории Кузнецкой крепости.

Поиск в РГВИА сначала был сопряжен с некоторыми трудностями. Вся сложность была в том, что в единственном источнике, которым мы располагали до этого, неправильно указаны его имя и отчество. Речь идет о воспоминаниях жителя Кузнецка Георгия Васильевича Куртукова, которые были собраны местным краеведом Владимиром Петровичем Девяткияровым². В них Куртуков называет Путилова Николаем Павловичем³.

В архиве было около десятка послужных списков высших офицеров царской армии с фамилией Путилов. Послужного списка Николая Павловича среди них не оказалось. Первое предположение было, что Куртуков просто перепутал имя и отчество, поменяв их местами. Как потом выяснилось, это предположение было верным.

Вот некоторые сведения из послужного списка П. Н. Путилова.
Павел Николаевич Путилов родился 16 апреля 1854 года в Санкт-Петербургской губернии, в дворянской семье.

Общее образование получил в Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии. Военные гимназии являлись тогда средними учебными заведениями, близкими по своей программе к реальным гимназиям. Срок обучения в военных гимназиях сначала был установлен в 6 лет, затем он был продлен еще на один год.

В 1872 году Путилов заканчивает военную гимназию и поступает в 1-е Павловское военное училище. Обучение длилось два года, и в 1874 году он выпускается из училища по I разряду. Это означало, что Павел закончил его в числе 12 лучших и ему предоставлялось право выбрать место своей дальнейшей службы.

Выбор его пал на один из элитнейших полков России — лейб-гвардии Гренадерский полк. К месту службы молодой офицер прибыл в начале сентября 1874 года.

В апреле 1877 года началась Русско-турецкая война, которая велась на Балканах и на Кавказе. Основные сражения происходили на болгарской земле, и Павел Николаевич в составе своего полка принял в них непосредственное участие с августа 1877 года.

Он попал на Балканы в самый напряженный и переломный, как потом оказалось, момент войны. Передовой отряд генерала Гурко, получив свежее и достаточно мощное подкрепление в виде гвардейских частей, заканчивал окружение турецкой группировки под Плевной.

До этого были предприняты три неудачные попытки овладеть штурмом этим хорошо укрепленным городом. Командование решило взять Плевну в плотное кольцо блокады, чтобы затем постепенно разгромить турецкие войска и взять город. Окружение должно было завершиться взятием Горного Дубняка и Телеша.

Под Горным Дубняком подпоручик Путилов принял свое боевое крещение. Именно за участие в этом сражении он и получил первую свою награду. Это был орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

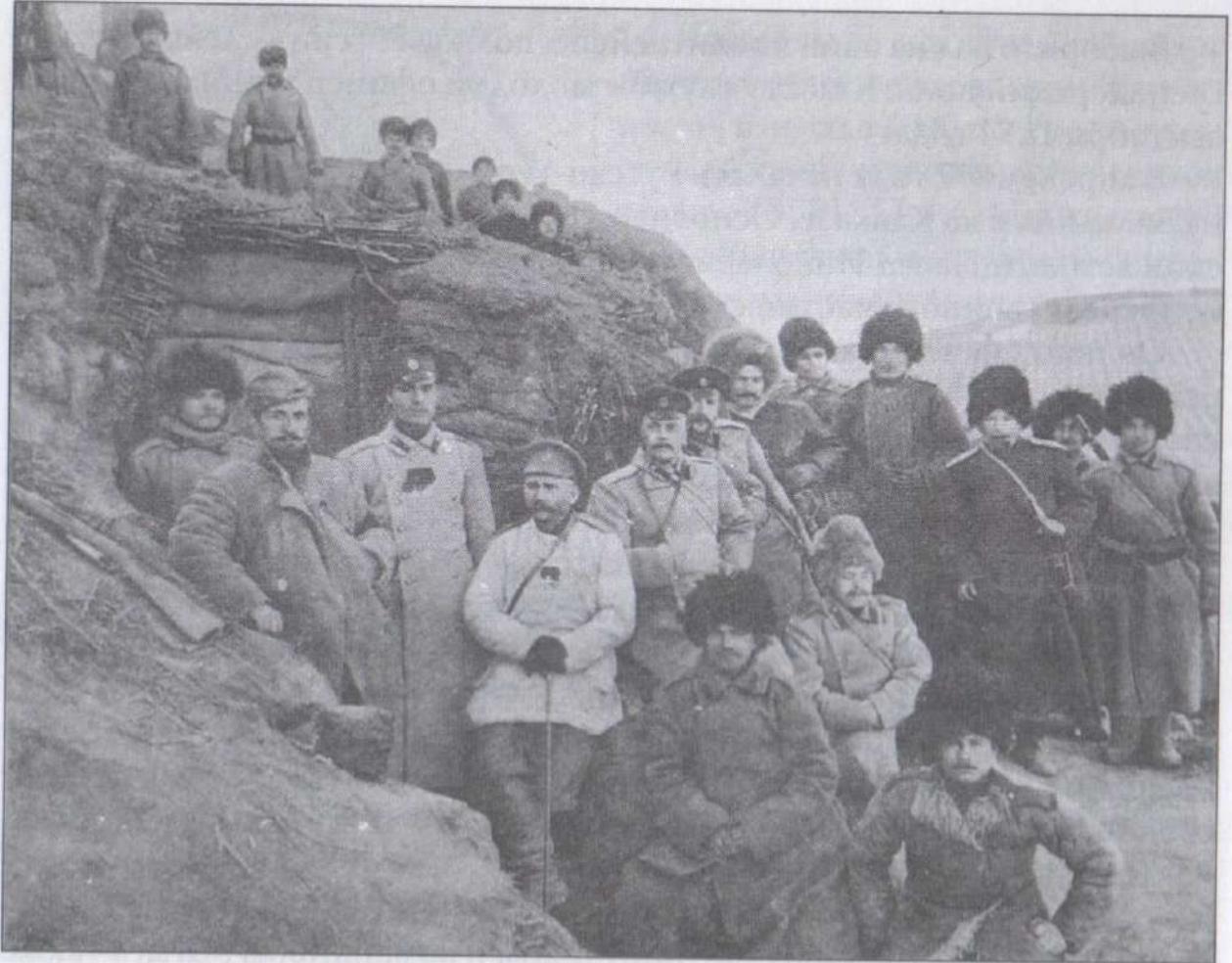
Далее Павел Николаевич принимал участие во всех основных сражениях, и закончил он войну уже поручиком и командиром роты, а также кавалером четырех орденов. Он также был награжден светло-бронзовой медалью за войну 1877—1878 годов и железным Румынским крестом (Румыния была союзницей России в этой войне. — А. К.).

После возвращения в полк Путилов прослужил в нем еще 19 лет, дослужился до полковника (это звание получил в 38 лет. — А. К.) и командира батальона.

Затем он Высочайшим приказом от 28 ноября 1897 года назначается командиром 17-го пехотного Архангелогородского Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полка. На этом заканчивается служба Павла Николаевича в Санкт-Петербургском военном округе, и его переводят в Киевский военный округ.

Он прибыл к месту назначения и вступил в командование полком 19 января 1898 года и пробыл в этой должности до конца февраля 1904 года.

В конце января 1904 года началась Русско-японская война, а через месяц, 22 февраля, вышел Высочайший приказ о назначении Павла Николаевича командиром 2-й бригады 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии с производством в генерал-майоры, и он отправляется на Дальний Восток.

У землянки. П. Н. Путилов в центре. 1904—1905 гг.

В войне генерал-майор Путилов участвовал с 27 апреля 1904 года и до ее завершения. Прошел практически через все основные сухопутные сражения этой войны: Ляоянское и Мукденское и на реке Шахэ.

Его «звездный час» наступил в ночь с 3 на 4 октября 1904 года в ходе сражения на реке Шахэ.

За взятие сопки, которую потом стали называть Путиловской, он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. После этого подвига имя Павла Николаевича Путилова стало широко известно в России и прочно вошло в военную историю страны.

Значение штурма сопки на реке Шахэ велико потому, что это была одна из немногих побед русского оружия в войне 1904—1905 годов. Кстати, при этом штурме были захвачены 14 японских орудий (9 полевых и 5 горных) и отбита одна русская пушка.

За эту войну, кроме ордена Святого Георгия 4-й степени, он был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами, и орденом Святой Анны 1-й степени тоже с мечами, и светло-бронзовой медалью с бантом в память о Русско-японской войне.

После окончания войны до подачи своего прошения об отставке в мае 1911 года он прослужил на Дальнем Востоке. Закончил служ-

бу Павел Николаевич в должности командира 2-й бригады уже 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

31 мая 1911 года в Хабаровске Павел Николаевич подает прошение об отставке на Высочайшее Имя, мотивируя это «расстроеными домашними обстоятельствами». Через два месяца Николай II подписывает это прошение. 15 августа того же года выходит Высочайший приказ, по которому генерал-майора Путилова производят в генерал-лейтенанты с увольнением от службы и награждением мундиром и пенсиеей.

За 38 лет беспорочной службы Царю и Отечеству он был награжден орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 3-й степени, Святого Георгия 4-й степени, Святого Станислава 1-й степени с мечами, Святой Анны 1-й степени с мечами, Святого Владимира 2-й степени.

Кроме этого, он имел светло-бронзовую медаль за войну 1877—1878 годов, темно-бронзовую — в память священного коронования Их Императорских Величеств в 1883 году, серебряную — в память царствования императора Александра III, серебряную — в память священного коронования Их Императорских Величеств в 1896 году и светло-бронзовую медаль с бантом в память войны 1904—1905 годов.

Павел Николаевич получил и две иностранные награды — это железный Румынский крест и офицерский крест ордена Почетного легиона (Франция).

Где-то между августом 1911 года и декабрем 1912 года Путилов переезжает из Хабаровска в Барнаул.

Там он прожил около двух лет и в конце 1914 года появляется уже в Кузнецке. Видимо, пребывание в «столице» Алтая показалось ему слишком дорогим, да и «столичная» суeta, наверное, порядком надоела.

Путилов уезжает в тихий Кузнецк, и об этом периоде его жизни мы можем судить по воспоминаниям уже названного нами жителя города Георгия Васильевича Куртукова.

Вот что Куртуков, в частности, вспоминал: «Началась Германская война. Когда и откуда в город Кузнецк прибыл отставной генерал Путилов, но этот Путилов купил у Сычева всю его усадьбу с постройками»⁴.

Павел Павлович Сычев, один из зажиточных жителей города, держал в своем хозяйстве, по словам все того же Куртукова, 12—13 дойных коров и 6 лошадей. Георгий работал у Сычева в основном на скотном дворе. Весной 1913 года Сычев у городской управы перекупил с торгов аренду на право рыбной ловли. Но свой главный доход он получал от содержания двух паромов на Томи. Его усадьба располагалась на ос-

трове в черте города, и, когда Путилов купил эту недвижимость и стал жить там, «люди стали называть это место «островом Путилова» или «Путиловым островом»⁵.

У Куртукова есть еще и такое воспоминание о начальном периоде пребывания Павла Николаевича в Кузнецке: «Когда мобилизованные в 1914 году разбили в городе винный склад, Путилов одел генеральскую форму, на брюках лампасы, и верхом на лошади ездил на площадь... усмирять...»⁶

Через некоторое время Куртуков стал работать у Павла Николаевича: «Я у Путилова работал поденно. На охоту с ним ходил за его зарплату 60—70 копеек в день... К Путилову иногда приезжали нездешние... Дома он кучера держал, а сам утром в конюшне уберет, уберет во дворе, коров выгонит на пастбище, а Тимка-кучер спит... Одна из комнат генерала Путилова была как бы музей оружия. На стенах этой комнаты были развешаны разные шашки (сабли), дробовые ружья старинного изготовления...»⁷

А потом наступил страшный для города и его жителей декабрь 1919 года, когда в Кузнецк один за другим прибывали несколько отрядов так называемых «красных партизан» и творили бесчинства: убивали, насиловали, грабили. Кузнецк на несколько дней буквально потонул в крови, превратился в настоящий ад. Тогда погибло много зажиточных горожан. Они, конечно же, не представляли никакой опасности для «красных партизан». Среди них был и Павел Николаевич Путилов.

Трупы долго лежали на улицах, а потом их стали свозить в Поганый Лог за городом, и при этом бандиты не давали их хоронить. Только через некоторое время жители города забирали своих родственников и своих хозяев и предавали их тела земле на городском кладбище. Предположительно, убитого Путилова забрала и похоронила его служанка.

...Прошло 85 лет. Мы уже никогда не сможем найти могилу Павла Николаевича, так как сейчас на месте старого городского кладбища находится Сад Алюминщиков. Но в наших силах сохранить светлую память об этом человеке, одном из талантливейших и храбрейших офицеров дореволюционной России, и передать ее потомкам.

В нынешнем году исполнилось 150 лет со дня рождения Павла Николаевича Путилова и 85 лет со времени его трагической гибели, а также 100 лет начала Русско-японской войны, где еще раз блестяще проявился его полководческий талант.

Знаменательно, что именно в этом году на территории Кузнецкой крепости был установлен памятник Павлу Николаевичу (скульптор Е. Е. Потехин), который был отлит в литейном цехе Западно-Сибирского металлургического комбината (начальник цеха В. И. Чичков).

Теперь в Новокузнецке есть место, куда можно прийти и поклониться светлой памяти П. Н. Путилова.

Мы благодарны вообще всем, кто в той или иной степени способствовал увековечиванию памяти о Павле Николаевиче.

Примечания

1. РГВИА, Ф. 409, Оп. П, д. 5320.
2. Ульянова И. В., Асташова Е. Н. Материалы по истории Кузнецка, собранные В. П. Девятяровым (Воспоминания старожила Кузнецка Г. В. Куртукова)// Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1993. Вып. I. С. 147—178.
3. Там же. С. 171.
4. Там же. С. 164.
5. Там же. С. 164—165.
6. Там же. С. 171.
7. Там же.

Судьба поэта Усмана Насырова

Усман Насыров — молодой узбекский поэт, ему не было 25 лет, когда в 1937 году он был арестован и осужден на 10 лет. Отбывал наказание в разных местах ГУЛАГА, последние три года находился в Сусловском отделении Сиблага, где и умер в 1944 году.

Изучая документы, я составил своего рода хронику:

14. 07.1937 — арестован органами государственной безопасности Узбекистана. Содержался в Таштюрьме, ДПЗ, Новой тюрьме.

5.10.1937 — осужден выездной сессией военной коллегии Верховного суда СССР. Содержался там же, в Ташкенте.

23.01.1939 — прибыл в Златоустовскую тюрьму.

Со 2.07.1939 — ОЛП Владлага. Но по делу видно, что он был в Магадане.

31.10.1941 — отбывал наказание в Сусловском отделении Сиблага.

9.03.1944 — умер.

1956 г (дата неизвестна) — реабилитирован.

В деле читаем: «Насыров Усман, 13. XI.1912 г., уроженец г. Намангана, незаконченное высшее образование, узбек, писатель, беспартийный (был членом ВЛКСМ)».

12 июля 1937 года органы госбезопасности Узбекистана, в частности, оперуполномоченный 4-го отдела ГБ Маврин по согласованию с начальником 4-го отдела лейтенантом Агадебековым и санкции зам. прокурора Узбекской ССР вынес постановление об аресте Насырова Усмана.

Постановление об аресте и привлечении к ответственности:

«Я, оперуполномоченный 4 отдела УГБ НКВД Узбекистана, младший лейтенант госбезопасности Маврин, рассмотрев имеющийся материал на Насырова Усмана, узбека, 27 лет, писатель-поэт, исключен из союза писателей и, найдя, что Насыров Усман систематически проводит националистическую контрреволюционную агитацию, публично на улицах в контрреволюционной нецензурной форме отзывался о политике советской власти, т. е. совершил преступление, предусмотренное статьей 66 части 1а, потому постановил: Насырова Усмана привлечь к ответственности по статье 66 части 1а и арестовать, заключив под стражу в ДПЗ (дом предварительного заключения) НКВД Узбекистана.

Протокол обыска вел его некий Бодягин, присутствовал надзоритель Борисенко. Опись имущества: паспорт был отобран при аресте, чемодан цвета темно-коричневого, денег 40 рублей».

13 июля 1937 г. Талон ордера № 464 выписан в 14 часов 20 минут, а в ночь с 13 на 14 июля 1937 года его арестовали. На фотографии, которая есть в деле и сделана она 14—15 июля, он уже обросший (борода у них быстро растет), в майке (стояла жара). Дубликат требования внутренней тюрьмы УГБ Узбекской ССР № 234:

14 июля 1937 г. 10 часов 51 минута. Приглашен на допрос в комнату № 99 сотрудником 4-го отдела Матвеевым. Обыскивал его Бекмуратов. Возвращен он 14.07 в 15-45. Первый допрос шел 4 часа 54 минуты. Дежурный внутренней тюрьмы Бодягин.

24 июля в 13 часов его приглашает Маврин. Допрос длится ровно 30 минут до 13 часов 30 минут. Комната другая — № 104.

26 июля с 23-15 до 00-35; 1 час 10 минут допрос длится в комнате 107 — Шарапов.

6 августа допрос в комнате № 89. Вызывают его в 2-45 (ночью) до 2-55, всего 10 минут шел допрос Трегулов.

22 августа 1937 г. составлена дактилоскопия.

25 августа допрос в комнате 104 (он уже ранее был там) с 20-40 до 21-20 — 40 минут — Афанасьев.

5 октября 1937 г. Тройка: председательствующий — Ал. В. (неразборчиво), секретарь — Батнер, члены: Зайцев, Болдырев. «Предварительным и судебным следствием установлено, что Насыров в 1935 г. находился в организационных связях с активным участником антисоветской буржуазной националистической террористической и диверсионно-вредительской организации, действующей на территории Узбекской ССР Усмановым Муликом, по заданию, которого, будучи одним из влиятельных писателей-поэтов Узбекистана, обрабатывал писательскую молодежь в контрреволюционно-националистическом духе, умышленно искажая произведения русских классиков при переводе их на узбекский язык. По статье 11—64, 67 УК УзССР срок 10 лет с поражением в политических правах на 5 лет и с конфискацией всего личного принадлежащего ему имущества. Срок с 13 июля 1937 г.»

25 октября 1937 г. «Начальнику тюрьмы арестованный Насыров Усман, камера № 4. Заявление. Объявляю голодовку. Прошу вызвать меня. Объявляю голодовку ввиду того, что уже 4 месяца не вызывают на допрос. Подпись». 26.10.37. Беседует Табеков. «Голодовку, объявленную 25.10. снимаю». Подпись.

27.10.1937 допрашивал Матвеев, допрос шел 2 часа 55 минут (с 21-40 до 00-15).

Разные комнаты, разные люди: Маврин, Шарипов, Тригулев, Афанасьев...

7 декабря 1937 г. За ругань нецензурными словами в адрес надзор-состава трое суток карцера...

Объяснение на листе без даты и адреса: «Я скрывал свое социальное происхождение, своего отца выдавал то за колхозника, то за имама. Это относится к периоду учебы во второй ступени и вступлению в комсомол и более поздних лет. Я для того, чтобы поехать в Коканд сказал, обманывал, что отчим умер в 1929 году. Я при поступлении в узбекский государственный университет сказал, что 2,5—3 года учился в Москве. (В 1933 году.) Я. К. Бабаеву мою поездку в Армению передавал как личная поездка и наврал ему, что я Нахшупа печатал на армянском языке».

16 ноября 1938 г. «Гражданину Шишкину. Я действительно скрывал столько дней и сейчас признаю, что я лгун. Я клеветал на своего отца, я лгал в Союзе, я лгал на допросе».

ДПЗ г. Ташкента.

20 ноября 1938 г. «Заявление наркому внутренних дел Узбекистана. Признаю, что я причина всем этим событиям в смерти Икрамова. Я в союзе, а также на допросе наврал на себя, лгал. Я действительно ругал Сталина. Ложно плакал на приеме, я клеветал на отчима, я узнал в карцере, что Матвеев арестован и там же слышал голос Уйгума (?). Я рассказывал ложные сны, вот мое лицо, пощады не прошу». Подпись по латыни — Usman Nasir.

21 ноября 1938 г. «Коменданту НКВД Узбекской ССР Шишкину (после осуждения). Заявление. Прошу вызвать меня и послушать. Моя единственная надежда — это суд. Я больше не в силах перенести таких мучений. В противном случае объявляю твердо — единственный выход для меня — это самоубийство! Прошу помочь мне довести до Сталина эти мучения. Не дают написать заявление, адресованное Сталину. Прошу убедительно помочь мне».

21 ноября 1938 г. Рукопись и на ней приписка на русском языке (карандашом): «Великий Сталин, не дают писать тебе заявления. Я не виноват, они окончательно решили убить меня. Дорогой вождь, прости меня, они заставили ругать тебя, тысячу раз прошу прощения. Прощай родина, прощайте родные. Усман Насыров».

21 ноября 1938 г. (приписка). «Как мне стало известно из разговоров за дверьми стоящих людей — как будто моя сестра, для того чтобы освободить меня признала, что она убийца. Это чушь, ложь, клевета. Требуют, чтобы я жертвовал или собой, или сестрой, или отцом. Дорогой Сталин, вот что они затеяли именем Советской власти. Руководит этой шайкой бандитов Мумин (?) Усман».

Справка из внутренней тюрьмы при НКВД Узбекской ССР.

«Пункт назначения: п/ я № 7. Вид конвоя обыкновенный усиленный, особый».

«Он нуждается в особом виде конвоя», — подчеркнуто, поскольку «имеет склонность к провокациям, скандалам, симулирует сумасшествие», написано в сопроводительном документе.

23 января 1939 г. Квитанция № 180 приема вещей по прибытии в златоустовскую тюрьму. Двадцать два наименования. Пальто — 2, одеяла — 2, подушка — 1, сапоги — 1, наволочка — 1, костюм — 2, простыни — 1, тапочки — 1, портянка, денег — 92 рубля 20 копеек.

23 января 1939 г. Всесоюзная перепись населения в 1939 г. в тюрьме. Справка (более или менее подлинные сведения пишут). «Гражданин Насыров Усман, 26 лет. Прошел всесоюзную перепись населения 1939 года. (Заполняется лично заключенным). Фамилия: Насыров. Имя: Усман. Отчество — прочерк (у них это не принято). Год рождения: 1912. Гражданство, подданство: СССР. Национальность: узбек. Место рождения: г. Наманган, область Ферганская. В каких местах заключения содержался с момента ареста: в г. Ташкенте, тюрьме НКВД Узбекской ССР, Таштюрьма, ДПЗ, Златоустовской тюрьме...»

24 января 1939 г. на второй день после прибытия в Златоуст он пишет: «Заявление на имя начальника Златоустовской тюрьмы. Я Вам, гражданин начальник, как работнику НКВД, сообщаю следующее: Я, молодой поэт, рождения 1912 года, был арестован 14 июля 1937 года и официально меня обвинили в антисоветской агитации по статье 166 части 1. Я на первом же допросе, а допросов было всего 4 и всего около 4 часов, наврал на себя. Вскоре мною было подано заявление, что, я наврал с объявлением голодовки. После этого ничего не спрашивали и спустя 5,5 месяцев мне предъявили дополнительное обвинение по показаниям других людей (их было примерно 4 или 5). В этом дополнительном обвинении предъяв о том, что я, якобы являюсь, членом какой-то контрреволюционной организации. Я не признал и категорически отрицал. После сего 14 сентября 1938 года меня забирают из Таштюрьмы в ДПЗ, оттуда в новую тюрьму (это все в Ташкенте) и без всяких причин сажают в карцер. Я требую, чтобы: 1) Вы вызвали и выслушали меня. 2) Совсем разъедините из тех людей, которые приехали из Узбекистана. Перевести в одиночную камеру. 3) Разрешить написать жалобу на работников НКВД Узбекской ССР».

6 февраля 1939 г. Рапорт дежурного помощника начальника тюрьмы: «Заключенный запел песни в камере». Насыров Усман: «Я песни не пою, а я пою на своем языке стихи. Хватит надо мной издеваться, вы фашисты, вы только носите форму советскую, вас собралась группа фашистов». В карцер за это на 20 суток.

11 февраля 1939 г. По заданию зам. начальника ГУГБ Златоустовской тюрьмы Долгирева его осматривают. Пишут «здоров». «Выводы: заключенный златоустовской тюрьмы Насыров Усман, 27 лет, нервно-психическим возбуждением не страдает».

13.02.1939 г. Объявил голодовку. 14.02.1939 снял голодовку.

20 февраля 1939 г. Отказано в переписке с родными.

29.03.1939 г. «Снимаю объявленную голодовку 27 марта 1939 г.».

3 апреля 1939 г. «Начальнику 1 отдела Главтюремного управления НКВД СССР капитану ГБ Попову г. Москва. При этом направляем на Ваше распоряжение (так в тексте) две закрытые жалобы заключенных: 1) Насырова Усмана и Нежемского Федора, Тихонова, адресованные народному комиссару внутренних дел А. П. Берия...»

Существовала практика — закрытые жалобы должны рассматриваться в вышестоящей инстанции.

Когда я стал устанавливать точную дату его отправки из Златоустовской тюрьмы (по осмотру врачей), пришел к выводу, что отправили его 21 мая 1939 года. Из Златоуста он был переброшен во Владивостокский ОЛП и прибыл туда 2 июля 1939 года. Более месяца он был в пути.

В Мариинске был пересылочный пункт, где он, вероятно, задержался. Мариинск был одним из мощнейших пересыльных пунктов системы ГУЛАГа в Советском Союзе. Поэтому я предполагаю, что Усман Насыров пробыл здесь некоторое время.

29 июня 1939 г. Пароход рейс Уэмы (самая крайняя точка СССР). «Легкий труд. 1 месяц лечения. Цинга» (в деле лежит одна бумажка. Больше ничего нет. Это надо расшифровывать).

22 июля 1939 г. «Прибыл в лагерь. Наименование — Южлагерь. Где находится — ОЛП экспедиционный. Прибыл — 22.07». Скорее всего, это Юго-восточный ИТЛ в Хабаровском крае.

По прибытии на место (во Владивостокский ОЛП) он работал в Северо-восточном исправительно-трудовом лагере НКВД. Из документов видно, что «в июле он работал 7 дней, выработка составила 32 %, в августе он работал 31 день, 67 % выработка составила. В сентябре 31, 54 %...» Работал он плохо. В административном отзыве читаем: «Поведение в быту плохое, лагерную дисциплину не соблюдает, кляузник, лодырь».

30 января 1941 г. Владивосток. «Выписка из карточки № 12/640 генеральной проверки заключенных. Когда, откуда, из какого лагеря прибыл в данный лагерь? ОЛП инвалидный, городок СВИЛ НКВД (Северо-восточный исправительно-трудовой лагерь НКВД).

Он уже инвалид.

«Насыров Усман с 8 ноября 1940 г по 29 января 1941 г. находился на излечении в 4 отделении больницы инвалидного городка с диагнозом левосторонний экссудативный плеврит, цинга (1 видеть группа). Освобожден от работы на 3 дня, с 30 января по 1 февраля 1941 года».

14 июля 1941 г. Выписка из приказа: «За образцовые показатели трудовой дисциплины и ударного труда доведя свою производительность

до 2 пар лаптей в смену при норме 1,2 пары заключенному Насырову, плетельщику, объявить благодарность с занесением в личное дело».

16 июля 1941 г. Выписка из приказа: «Водворить в СИЗО (изолятор) на 5 суток с выводом на работу Насырова Усман 1912, ст. 67—69 10 п/п 5 лет за избиение заключенного Христофорова и нарушение лагерного режима».

Только что благодарили, а сейчас наказывают.

31 октября 1941 г. Насыров Усман этапирован в Сиблаг НКВД.

6 апреля 1943 г. «Из заявления Масадыковой Холя-баба, проживающая: г. Ташкент, Узбекской ССР, Октябрьский район, Тахтапуль, проезд Муфакият, дом № 35, на имя начальника 2 отдела Владивостокского района СВИТЛ НКВД. Я убедительно прошу Вас при первой возможности поставить вопрос о его досрочном освобождении. Уверяю, осужден он ошибочно в силу клеветнических сведений лиц, которые впоследствии осуждены и понесли должное наказание. Клеветники завидовали росту его таланта, его большим успехам в области узбекской поэзии и, чувствуя к нему презрение, зная его социальное происхождение как истого пролетария (отец батрак, второй отец — красный партизан, сам он воспитанник детдома), они не могли допустить его творческого расцвета. По своей неопытности и неграмотности я до последних чисел декабря 1942 года не возбуждала вопроса о пересмотре его дела и этим промедление, конечно, лишила возможности раннего освобождения»

24.05.43 г. Указания из ГУЛАГа:

«Начальнику ОУРЗ Сиблага НКВД подполковнику тов. Грязному.

Направляем на рассмотрение заявление гражданки Масадыковой Холя-баба, ходатайствующей о досрочном освобождении из-под стражи заключенного Насырова Усмана.

Акт.

23 июня 1943 года комиссия Санотдела управления Сиблага в составе начальника Сусловского отделения Бумского КК и членов комиссии врачей Набережневой Л. Т. и Бобрик С. П. произвела медицинское освидетельствование.

Насыров Осман.

Диагноз: Декомпенсированный левосторонний туберкулез легких с резким упадком питания. Малярия хроническая (тропическая). Катар желудка хронический. Отсутствие 1/3 правой стороны.

Заключение комиссии: страдает тяжелым неизлечимым недугом. Нетрудоспособен. Следовать может самостоятельно.

P. S. Со слов больного. Не работает около 2-х лет. Последние два месяца лежит в больнице по поводу заболевания легких и малярии.

Резолюция на ходатайство: освобождению не подлежит как осужденный за участие в террористической организации.

9.07.43. (Подписи).

Подполковник Г. Б. Грозный Бумскому».

При этом возвращается личное дело на заключенного Насырова Усмана, который освобождению, как больной тяжелым, неизлечимым недугом, не подлежит. В дальнейшем его актировать не нужно, так как вопрос об условно-досрочном освобождении его на инвалидность рассматриваться больше не будет.

«Акт.

1944 год марта 9 дня. Мы, нижеподписавшиеся, начальник МСЧ Сусловского отделения Семичастная А. Г., зав. стац. № 3 врач Локтионова Н. Н., дежурная м/сестра Ханина М. П., зав. УРБ в/н Артамонова, составили настоящий акт в том, что находящийся на излечении в стационаре № 3 заключенный Насыров Усман, рождения, 1912 года, статья УК 67-64-16 Уз. ССР, срок 10 лет, умер в 14 часов 9 марта 1944 года от туберкулеза легких при наличии пеллагры II при явлениях сердечной слабости».

Подписи. Печать.

Извещение о смерти выслано в ОАГС Узб. ССР 24.09.44 г.

15 марта 1944 г. Инспектор 2-й части, завхоз, санитар составили акт, что тело Насырова Усмана захоронено на Сусловском кладбище с/ч. Могила отрыта на глубине 1,5 метра, на руке имеется бирка № 12192. На могиле установлен щит № 2.

24 мая 1944 г. «Выписка. Начальнику ИТЛ г. Магадан Хабаровского края. В связи с пересмотром дела на осужденного в 1937 г. Военной коллегии Верховного суда СССР Насырова Усмана, прошу выслать на подследственного характеристику, а также сообщить имеющие на него компрометирующие материалы. По жалобе Насырова Усмана от августа месяца 1940 г. видно, что наказание он отбывает в г. Магадане. Промкомбинат № 2. П/я 261/5. Подписал зам военного прокурора АВУ (Среднеазиатский военный округ) майор юстиции Захаров — подполковник».

25 июля 1988 г. «Начальнику УИТУ по Кемеровской области. По поступившему заявлению проверяется Насыров Усман, 1912 г. рождения, уроженец города Намангана Узбекской ССР, который в 1937 году осужден тройкой НКВД УзССР к 10 годам лишения свободы. В 1956 году реабилитирован. Подписал начальник 10 отдела НКВД Узбекской ССР подполковник Н. А. Синельников».

О деле Усмана Насырова я впервые узнал в 1988 году, когда вернулся из Афганистана и приступил к работе. Столкнулся с тем, что группа людей — кузбасские писатели — по просьбе племянницы У. Насырова пытались ознакомиться с этим делом. Но какие-то инстанции возражали, и начальник управления внутренних дел Рунышков Вячеслав Игнатьевич попросил меня заняться этим вопросом. Я запросил дело,

посмотрел его и сказал, что никаких препятствий для его выдачи не вижу. Они его прочитали.

Я же при знакомстве с делом предчувствовал, что заниматься им придется и в дальнейшем, и сделал выписки. В оформлении документов много небрежности, непоследовательности, чувствуется, оно было во многих руках до 1988 года и изрядно профильтровано. На основе документов можно сказать, что У. Насыров во многих местах заключения побывал: в Сибири, на Дальнем Востоке, Урале.

Ознакомившись с делом, я решил продолжить поиск очевидцев, нашел одного человека, который работал в Сусловском отделении Сиблага, куда привезли Усмана Насырова.

Это Хоменко Павел Калинович. Он с Украины, с зоотехническим высшим образованием. Он один из авторов кемеровской знаменитой породы свиней. Его, как ценного работника, решили сохранить. Он работал в системе НКВД на Украине, и его отправили для работы в Сиблаг. Он прихватил с собой 10 хряков, которые дали начало новой породе свиней. И потом, находясь на производстве, он занимался не только выращиванием свиней, но и другими сельскохозяйственными производствами для нужд фронта.

Рассказ Хоменко очень интересен. Он был известный человек в Кемеровской области не только в системе Сиблага. После того как Сиблаг прикрыли, он работал в управлении сельского хозяйства, был крупным специалистом, ушел оттуда на пенсию. Он рассказывал мне в 1993 году (а он был начальником отдела Сиблага и руководства), что у нас было более 15 отделений в Красноярском крае, в Кемеровской области, по 10—12 тысяч заключенных в каждом отделении. Я нашел официальные сведения — около 80 тысяч заключенных было в Сиблаге. По сведениям Бужака, сотрудника НИИ МВД, максимальное количество заключенных Сиблага в иные годы доходило до 150 тысяч.

Хоменко породу свиней берклиши, тех самых 10 хряков, в декабре 1941 года привез в Антибесское отделение. Сам работал в Сусловском отделении, у него было 18 тысяч свиней, кроме того, крупного рогатого скота 5 тысяч, полеводство — около 20 тысяч гектаров.

В 1942 году начал случку хряков с местными свиньями академик Овсянников из Новосибирска. У них было 20 летних лагерей, в каждом до 20 маток. Привесы от 500 г до 1 кг (сейчас, в 1993 г., в лучшем случае 400—500 г). Надои молока в 1941 г. были 1800 кг в год, до 3000 кг потом в системе народного хозяйства доходило, а Сиблаг в целом давал 3700 кг, Антибесское отделение 6000 кг на корову давало, Берикульское — 5000 кг. Были рекордисты, которые давали 10 тысяч литров молока.

В 1967—1968 годах мне довелось после освобождения доярку Зуеву прописывать в Ленинграде. Ее посадили 19-летней на 25 лет. Если бы она на свободе так работала, была бы дважды Героем Социалистического

Н. М. Рашидова (слева) с сестрой на месте захоронения Усмана Насырова

наемные и заключенные. У Хоменко жена, Софья Яковлевна, родила в этой больнице. Статьи были разные у заключенных: за аборты, за сбор колосков, за мелкое воровство — это у женщин в основном, мужчины в основном статья 58. И были и уголовники, одна треть примерно. Это состав. В свинарнике примерно сто маток. Бригадир был академик по 58 статье. Адбулин был зоотехник, кандидат сельскохозяйственных наук. Баландин был главным ветврачом отделения. В лагере был профессор Кабанов из Саратовского сельхозинститута, доходяга, взял его на свинарник и он быстро поправился».

Но самое интересное не это: когда я спрашивал его, что был такой поэт Усман Насыров, он ни слова не знает о нем. Он многих людей знал, но только тех, кто был связан с производством, а вот с поэзией кто был связан, он не знал. Я потом нашел одного кадровика, он сейчас еще живой. Он тоже понятия не имеет, что был такой человек (Усман Насыров) у нас в Сибири. Может быть узкий круг людей из числа оперативных работников знали о нем, но большинство были в неведении. Усман Насыров прибыл сюда больным человеком и, говорят, жил в библиотеке и занимался библиотечным делом — книги выдавал, пока мог, между болезнями.

Я продолжил поиск, но уже в литературе...

В «Истории узбекской советской литературы» (в трех томах, 1972 г.) написано, что «в 30-х годах большое количество стихотворений и поэм М. Лермонтова было переведено поэтами Насыровым, Шейх-Заде и Фаттахом».

«7—11 марта 1937 года был первый съезд писателей Узбекистана. Усман Насыров не был делегатом этого съезда, но стихи, посвященные этому съезду, он прочитал, как утверждали некий Степаненко и др.»

«17 января 1937 года была создана секция молодых писателей при союзе писателей Узбекистана». Чувствуется, что Насыров там работал.

Труда: ежегодно она надаивала 5000—6000 литров молока с коровы.

П. К. Хоменко рассказывает: «Бараки по 30—40 человек двухъярусные. Вначале женщины и мужчины были вместе, затем в 1943 году разделили зоны на мужскую и женскую. Интересно, одевали в бушлат и полушубки, питались хорошо бесконвойные. Врачи были очень хорошие. При Сусловском отделении была больница, где лечились и вольно-

В литературе советского периода более позднего времени, где перечислялись величайшие поэты и писатели, он не фигурировал. Вероятно, как национальный поэт в свое время он был известен в Узбекистане, но потом его имя предали забвению. Судьба репрессированных поэтов и писателей была нелегкой и во многом схожая. Например, в деле, которое я вам буду предлагать, речь идет о Мандельштаме. Он умер тоже там, на востоке. Там была пересыльная тюрьма, в которой содержали и политических, и уголовников. Многие из них были истощены, и на откорм их отправляли в Мариинск. В системе НКВД Сиблаг, созданный в 1931 г., считался самым благополучным. Сиблаг — это государство в государстве, он имел разветвленную систему производства, а Мариинск — самый крупный из них. И там производили не только продукты. В Яе, например, была открыта швейная фабрика. В Сиبلاغ людям давали возможность хорошо работать и хорошо кормили.

После войны на территории Кузбасса создали 8 лагерей.

Когда я начинал служить в МВД, до 80 % личного состава были фронтовики. На мой взгляд, они внесли коренной перелом в работу лагерей НКВД и МВД в лучшую сторону в отношении к людям, в отношении к закону. Война во многом открыла глаза нашим людям.

Я считаю, Усмана Насырова система сломала, лагерь его сломал. Самое главное, я чувствую, с ним не было никакой связи у узбекской диаспоры, если она имела место. А по воспоминаниям очевидцев, которые хоронили Насырова, в Суслове она имела место. Они пытались похоронить его по обычаям. Хотя по делу видно, что он сам не искал с ними встреч. Например, когда узбеки приехали в Златоуст, Насыров попросил, чтобы они не были с ним вместе. Какие-то вещи антагонистического плана имели место.

Я начал рассказ о том, что Насыров был молодой человек, как и каждый из нас в молодости, переоценил себя. Редко можно найти человека, который самокритичен. Я не думаю, что то время способствовало. Тем более в Узбекистане, на окраине, с пробуждением национальных кадров, он сразу попал в обойму, в центр внимания среди элиты и особенно среди молодежи. Популярный человек. К тому времени он был достаточно известным поэтом в Узбекистане, красивым парнем. Несколько избалован. Родственница утверждает, что он получил какое-то наследство и был достаточно богат, чтобы путешествовать: известно о его поездках в Армению, в Москву, известно даже, что он был на Беломорско-Балтийском канале. Еще на север ездил. Жизнь улыбалась ему. И вдруг он попал в эту жесткую тюрьму. Эта система могла сломать кого угодно. На первых порах он пытался сопротивляться — писал протесты, письмо Сталину, которое так и не отправили, но потом смирился.

Я не знаю, занимался ли кто-нибудь изучением творчества Насырова раньше. Но вот узбекские женщины, с которыми я переписывался, сейчас серьезно пытаются вернуть доброе имя У. Насырова Узбекистану. Наши писатели, наверное, кое-что узнали, но по делам, о которых я говорил, они прошлись не глубоко. В 1988 году почему-то решили праздновать юбилей — 75-летие, кажется, хотя он родился в 1912 году. Я долго хранил, потом потерял сообщение из «Литературной газеты» о том, что в Москве «состоялось чествование известного узбекского поэта Усмана Насырова». Я думаю, это группа энтузиастов взялась за восстановление его имени. Мне рассказывали, что Рашидов знал это дело, чувствуется, что он не только секретарь ЦК Узбекистана, но и известный узбекский писатель. Говорят, что когда-то, в одной из аудиторий, он сказал (не ручаюсь за дословное): «...из сидящих в зале многие приложили к Насырову руки и их руки в крови, и мы еще разберемся». Он не успел разобраться, умер. Не знаю, кто там разбирался, но вопрос достаточно сложный.

Ведь они сейчас пытаются решить вопрос о переносе останков Насырова в Узбекистан. Я считаю, что это неподъемное сейчас. Практически это невозможно сделать — их нельзя найти и идентифицировать. Когда я узнал, как нашли место, где установили памятник, понял, что искать бесполезно. Лет пять-шесть назад я попросил начальника милиции сфотографировать место захоронения. На снимке (снимали зимой) чистое поле, на большой площади располагалась своеобразная братская могила, там хоронили всех заключенных, и среди них найти кого-то конкретного невозможно. Я после этого написал письмо Тулееву и председателю Мариинского райисполкома, попытался доказать необходимость чтить память, но достучаться до их сердец я не смог.

Илларион Васильев

Мой герой — Васильев Илларион Романович (1910—1969) — Герой Советского Союза. Он не оставил после себя ни романов, ни научных работ, ни даже воспоминаний. Он был просто типичным представителем своего времени, которые нередко были выходцами из крестьянской среды. В жизни он совершил один подвиг. Но какой!

Всей стране известен факт из истории Великой Отечественной войны: 28 воинов из 316-й дивизии, которой командовал генерал-майор И. В. Панфилов, преградили путь на Москву у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. пятидесяти немецким танкам. Они не просто услышали, а сердцем поняли призыв своего политрука В. Г. Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!» И не отступили, не пропустили врага, пали на поле боя. Всем двадцати восьми Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 г. было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза¹. Среди них были наши земляки-кузбассовцы: Илларион Романович Васильев, уроженец села Мунгат Крапивинского района, и Николай Игнатьевич Трофимов из Таштагольского района.

Как выяснилось позднее, не все 28 панфиловцев погибли в этом беспримерном бою:

1. Красноармеец Иван Моисеевич Натаров от тяжёлых ран умер в госпитале спустя три дня после боя.

2. Красноармейцы Илларион Романович Васильев и Григорий Мелентьевич Шемякин полуживыми были подобраны на поле боя и после излечения вернулись в родную дивизию.

3. Остался жив и красноармеец Дмитрий Фомич Тимофеев, он долгое время болел и умер в 1949 г.

4. Красноармеец Иван Демидович Шадрин в бессознательном состоянии был захвачен в плен. За три с лишним года испытал все ужасы фашистских лагерей².

К подвигу панфиловцев в дни войны и после неё обращались многие журналисты. Писали и о чудном воскрешении оставшихся в живых, и о перипетиях награждения этой горстки Героев. Это и В. Коротеев — корреспондент газеты «Красная Звезда», первый открывший подвиг 28 панфиловцев³, и Д. Ортенберг — главный редактор газеты «Красная Звезда», опубликовавший хронику по дням и событиям с июня по декабрь 1941 года⁴.

Вручение награды И. Р. Васильеву. 7 ноября 1942 г.

Об Илларионе Романовиче Васильеве писали журналисты и историки Кузбасса. Один из них Ю. Рязанов, журналист газеты «Кузбасс». В двух его публикациях «Панфиловец»⁵ и «Один из двадцати восьми»⁶ описанный факт о вручении награды Иллариону Романовичу не достоверен. Орден Ленина и медаль «Золотая звезда» Васильеву не вручал М. И. Калинин. Илларион Романович не ездил из Алма-Аты в Москву за наградой. После излечения, почти через год после ранения, он вернулся, как и Г. М. Шемякин, в свою родную дивизию. Там перед строем 7 ноября 1942 г. в день 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции командующий состав уже 8-й гвардейской имени И. В. Панфилова дивизии вручил награды И. Р. Васильеву и Г. М. Шемякину.

Что питает такую мою уверенность? Очень важных три документа, сохранившихся у детей Иллариона Романовича — сына Анатолия и дочери Галины. Во-первых, письмо жене, Клавдии Емельяновне, и детям в Казахстан от гвардии старшего батальонного комиссара П. В. Логвиненко: «Сегодня у нас, героев-панфиловцев, торжественный день. Мы отмечаем 25-летие Советской власти и приветствуем возвращение в наши боевые ряды гвардейца, нашего старого друга, Вашего мужа и отца Иллариона Романовича. Сегодня на митинге гвардейцев нашему общему другу Иллариону Романовичу вручены знаки Героя Советского Союза — орден Ленина и «Золотая Звезда»⁷.

Во-вторых, фотография о вручении наград в дивизии гвардии рядовым И. Р. Васильеву и Г. М. Шемякину⁸.

В-третьих, статья-воспоминания «Легендарная быль», написанная Балтабеком Джетпышбаевым, бывшим комсоргом дивизии, гвардии майором в отставке. Она напечатана в газете «Казахстанская правда» от 16.11.1966 г. и посвящена 25-летию со дня подвига героев-панфиловцев: «А в конце сорок второго он (Васильев) снова был на фронте в своей четвёртой роте. Здесь же, перед строем, ему были вручены орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза за бой у Дубосеково»⁹.

Причиной поиска и установления истины в биографии И. Р. Васильева стал один экспонат из фондов музея. Это китель (оф 3421 ВТ-1146), по крою относящийся к офицерскому составу Советской Армии 1960-х гг. Принадлежал он И. Р. Васильеву, передан в музей в 1974 г. дочерью Зинаидой Илларионовной. Подумалось: «Как же так? Ведь Илларион Романович был рядовым». В музеях же принято считать, что каждый экспонат является основным средством передачи достоверной информации. А в данном случае получалось полное несоответствие. Я попыталась разобраться. Но ни в фондах музея, ни в отделе военной истории не оказалось ни справочной карточки с биографическими данными Иллариона Романовича, ни легенды об экспонате. Да и публицистические сведения были не совсем точными, т. к. во главу угла авторы ставили подвиг. Их мало интересовал сам человек, его уклад жизни после совершения подвига.

Да и фонд И. Р. Васильева в музее малочислен — всего 16 единиц хранения. Трижды сотрудники обращались к жене Клавдии Емельяновне (1919—1994) о передаче в музей материалов мужа: в 1967, 1974 и 1989 годах. В числе переданных в музей: удостоверение о присвоении звания Героя Советского Союза с Указом от 21 июля 1942 г. (оф 3421), вышеназванный китель, приглашения на приём в Москве по поводу 20-летия со дня Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками (от ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, Правительства СССР в Кремлёвский дворец съездов 9 мая 1965 г.; от Р. Я. Малиновского, маршала, министра обороны СССР, с супругой в Центральный дом Советской армии 10 мая 1965 г.). Кроме того, три фотографии периода лечения в госпитале, удостоверение (оф 3421/1) к памятной медали за активное участие во Всесоюзном походе комсомольцев и молодёжи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа от ЦК ВЛКСМ, Центрального совета по туризму и ЦК ДОСААФ, подписанное И. Коневым — маршалом Советского Союза, председателем Центрального штаба похода.

Разумеется, что на основании данных фонда музея практически невозможно составить биографию любого человека. А объективный подход требует исследования всех сторон жизни героя и его семьи.

К сожалению, ко времени начала моего сбора (март 2004 г.) ушли из жизни Илларион Романович, его жена, старший сын Леонид (1937—2002), которые могли бы многое раскрыть. Но, увы! И тем не менее, мне удалось посетить семьи сына Анатолия, дочери Галины, проживающих в Кемерове, и старшей дочери Зинаиды в поселке Плотниково Промышленновского района. Правда, у них мало сохранилось документов. По словам дочери Галины, отец многое отдавал в школьные музеи, где он выступал, в музеи по истории панфиловской дивизии городов Алма-Ата, Панфилово, Таллинн. Откликнулись на запросы о Васильеве В. Н. Ширшов — заведующий музеем боевой славы гвардейцев-панфиловцев, находящимся в школе № 842 г. Зеленограда Московской области, архивный отдел администрации г. Кемерова.

В результате поиска и сбора в фонд музея поступило 58 предметов. В основном это фотографии, документы. Но они дают возможность составить вполне достоверную биографию И. Р. Васильева. О таких людях должно знать всем поколениям Кузбасса.

Итак, Илларион Романович Васильев родился 20 октября 1910 года в селе Мунгат, тогда Крапивинской волости Кузнецкого уезда Томской губернии в бедной многодетной крестьянской семье¹⁰. С 12 лет начал работать учеником в столярной мастерской.

Будучи человеком своего времени, здесь, на своей родине, он стал комсомольцем, участвовал в организации колхозов, был членом колхоза «Роза Люксембург». Затем в Крапивино освоил профессию сапожника в артели «Новая сила». В эти годы создаётся семья. В 1937 г. родился сын Леонид. Для поддержания материального благополучия семьи едет работать забойщиком на шахту «Емельяновскую» (ныне — имени Емельяна Ярославского) в город Ленинск-Кузнецкий. И вот отсюда в 1940 г. по комсомольской путёвке его направляют на работу в Казахстан, пограничный район. Там родился второй ребёнок — дочь Зинаида. В семье хранится свидетельство о её рождении на двух языках, казахском и русском. Оно выдано в Кок-Су Талды-Курганского района Алма-Атинской области в 1941 году.

Здесь и застала семью война. Илларион Романович с группой бойцов прибыл в штаб 1075-го стрелкового полка, размещавшегося в здании Алма-Атинского техникума связи. Здесь всех встречал и беседовал политрук роты Василий Клочкин. В то время Васильев и не мог предполагать, конечно, что вместе с ним они войдут в историю Великой Отечественной войны.

Дочь Зинаида вспоминала при нашей встрече, 24 июня 2004 г., о рассказе своей матери Клавдии Емельяновны: «Мы получили уже похоронку на отца. И однажды во время работы одна женщина говорит, чтобы я шла домой, потому что вернулся муж. Я обиделась, мол, зачем травите мою душу. Мой муж погиб. Но она настойчиво посыпала

домой. Со слезами я отправилась. А в доме, действительно, был муж и на руках держал маленькую тебя».

После короткой побывки Илларион Романович возвратился в дивизию. Выше об этом я писала. Возвращение было не надолго. Тяжёлое ранение и контузия снова уложили его на госпитальную койку. После лечения он был признан инвалидом. В 1943 г., заехав за семьёй в Казахстан, вернулся на родину в Крапивино. Здесь были все близкие люди (братья, сёстры), с которыми легче было вынести все тяготы войны. Среди документов переданных в музей, есть справка (сер. 206 № 063847), выданная врачебно-трудовой экспертизой комиссией Крапивино 11 января 1953 года о признании Васильева инвалидом III группы по причине, связанной «с пребыванием на фронте», рекомендовано работать сапожником или охранником.

Обосновавшись в Крапивино, как казалось тогда, постоянно, в семье в 1944 г. родилась дочь Галина, а в 1955 г. — сын Анатолий. Они сейчас живут в Кемерове. В Кемерово Илларион Романович с семьёй приехал в 1963 году. Здесь ему, как Герою Советского Союза, была дана квартира на улице Гагарина (бывшей Магистральной), дом № 45а. Сейчас это проспект Ленина. К сожалению, на доме нет мемориальной доски, как на других, в которых жили Герои Советского Союза.

За плечами Иллариона Романовича была большая школа жизни, и своим опытом он делился, не сожалея. Он часто бывал на заводах и предприятиях с рассказами о ратных подвигах, мужестве и героизме сибиряков, участвовал в закладке памятника-стелы на Притомской набережной в городе Кемерово, в организации около него поста № 1, одним из первых посадил липу на аллее Героев, был членом общественного совета Кемеровского областного краеведческого музея и его активным помощником в создании первой экспозиции о подвигах кузбассовцев на фронтах Великой Отечественной войны, посвящённой 20-летию Победы (1965 г.). Васильев многократно ярко и интересно выступал на конференциях.

Хорошо его знали и в школах не только города и области, но и за её пределами. Любила его молодёжь за правдивые, эмоциональные рассказы о своих товарищах, их подвигах. На многочисленных фотографиях Илларион Романович в окружении пионеров: Клоожской школы в Эстонии¹¹, в музее боевой славы дивизии имени И. Панфилова в Алма-Ате¹². А вот фотография школьницы, подаренная Иллариону Романовичу, с надписью: «Отличница от 3 класса Лебедева Наташа Герою Советского Союза Васильеву Иллариону Романовичу. г. Тайга. С. ш. № 160. 22.03.65 г.»¹³ Или вот письмо от комсомольцев средней школы с. Михайловка Усть-Калманского района Алтайского края от 14 октября 1965 г. с сообщением о проведении у них 16 ноября вечера, посвящённого памяти героев-панфиловцам и приглашением приехать к ним¹⁴.

Семья Васильевых. 1963—64 гг.

Практически ежегодно И. Р. Васильев выезжал в родную дивизию, дислоцированную почти 20 лет после войны в Эстонии, а затем в Киргизии (близ Бишкека). В семейном архиве сохранился отзыв начальника политотдела дивизии гвардии полковника Антоненко о приезде его по приглашению командования и о проделанной там им работе в период с 21 февраля по 1 марта 1960

г.: «...выступил на торжественных собраниях в части, в гарнизонном Доме офицеров и подшефном торфопредприятии «Эламаа», принимал участие в торжественном сборе пионерской дружины местной школы, почетным пионером которой он является...»¹⁵

Пионеры школы им. И. В. Панфилова в г. Таллинне приняли решение о присвоении своей дружине имени Героя Советского Союза И. Р. Васильева¹⁶. Кемеровчане тоже любили и уважали своего героя. Не случайно они избрали его депутатом Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся 10-го созыва 1965—1967 гг.¹⁷

5 октября 1969 г. Иллариона Романовича не стало. Но память о нём сохраняется свято. Он занесён навечно в списки родной дивизии, поэтому обеспечивался обмундированием. Отсюда и китель образца 1960-х годов, переданный в музей. На Аллее Героев в г. Кемерово пышной кроной выросла липа, посаженная им в числе первых. 26 июля 1972 года решением Кемеровского городского исполкома депутатов трудящихся улица Тисульская переименована в улицу Васильева, в начале которой на одном из домов висит мемориальная доска с барельефным изображением Иллариона Романовича (во Всекузбасской Книге памяти, т. 10 (Крапивинский район) указано, что Васильев последние годы жил на этой улице. На этой улице он никогда не жил. Постоянным местом жительства его семьи в городе Кемерово была квартира в доме № 45а по проспекту Ленина, где и сейчас проживает его младший сын Анатолий). Протяжённость улицы небольшая: от улицы 50 лет Октября до улицы Мичурина, напротив парка им. Г. К. Жукова. На ней располагаются часть главного корпуса и студенческие общежития Кемеровского государственного университета, а на перекрёстке улиц 50 лет Октября и Васильева располагается областной госпиталь ветеранов всех войн. Это даже как-то символично по отношению к Герою Советского Союза.

На его родине в райцентре Крапивино имя И. Р. Васильева присвоено площади.

Сейчас редко кто решается говорить высокие слова о России, их героях. Люди стесняются проявления прекраснейшего из чувств — любви к Родине. Мне думается, что такое положение вещей должно измениться, т. к. нельзя рассчитывать на счастливое будущее, испытывая к собственному прошлому только ненависть. Через свою жизнь Илларион Романович пронёс только светлые и чистые помыслы о родине, её людях, истории.

Примечания

1. ЦАМО СССР. Оп. 793756. Л. 142—143.
2. Легостаев И. Во имя жизни. Военно-исторический альбом о ракетных подвигах воинов-гвардейцев Режецкой, орденов Ленина, Красного Знамени и Суворова дивизии имени Героя Советского Союза гвардии генерал-майора И. В. Панфилова. Таллинн, 1967. С. 28—29.
3. Красная звезда. 1941. 27 ноября.
4. Ортенберг Д. Июль—декабрь сорок первого. М., 1986. С. 268, 283.
5. Солдатское поле. Панфиловец. Кемерово, 1973. С. 23.
6. Достоин звания героя. Один из двадцати восьми. Кемерово, 1965. С. 258.
7. КОКМ. Нв 8417.
8. Легостаев И. Указ. соч. С. 41.
9. Казахстанская правда. 1966. 16 ноября.
10. Шабалин В. Тайны имён Земли Кузнецкой. Кемерово, 1994. С. 122.
11. КОКМ. ОФ 17232/3.
12. КОКМ. ОФ 17232/2.
13. КОКМ. ОФ 17231.
14. КОКМ. ОФ 17230.
15. КОКМ. Нв 8415.
16. КОКМ. Нв 8515.
17. Архивный отдел администрации г. Кемерово. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 7; Д. 17. Л. 34.

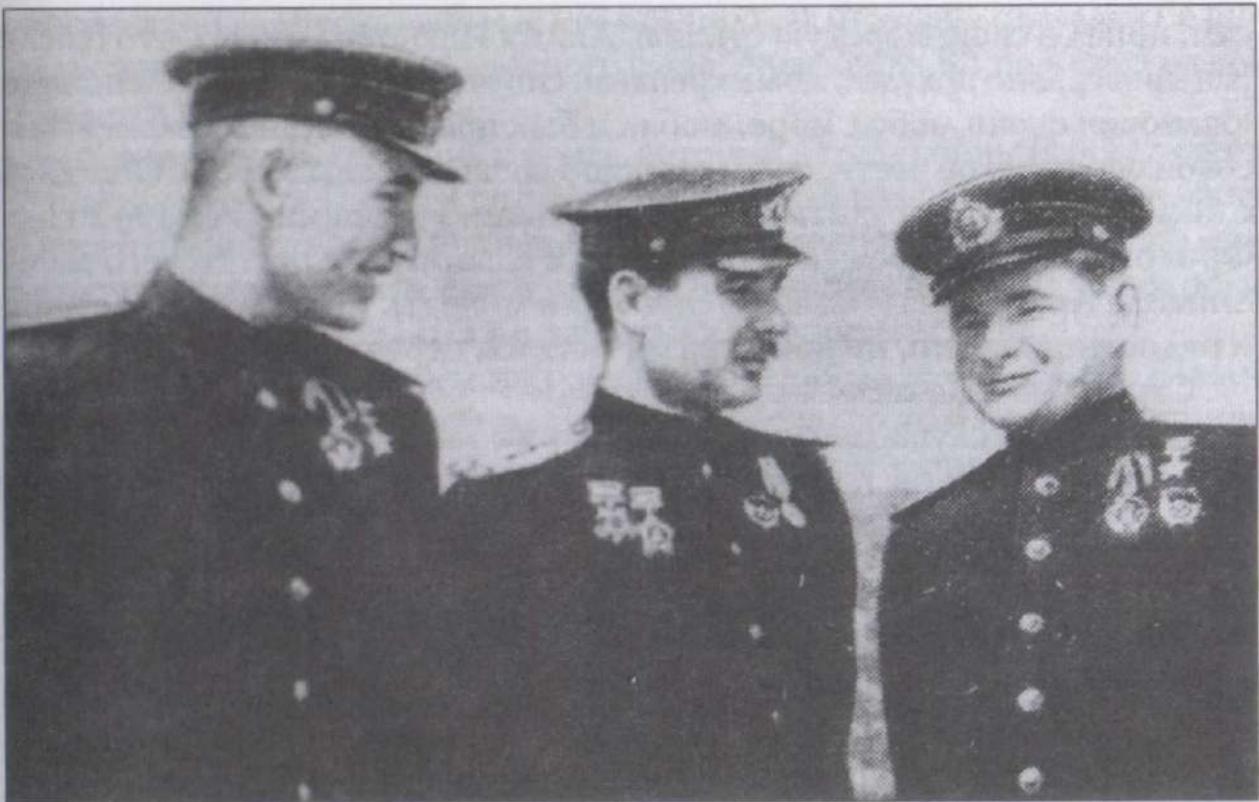
Еще одна страница истории

Из города Ейска Краснодарского края пришло письмо в областной краеведческий музей от Лидии Ивановны Бурназовой. В конверте было еще несколько копий архивных документов, удостоверяющих личность нашего земляка Александра Ивановича Фролова и его боевой путь в годы Великой Отечественной войны. Для сотрудников отдела военной истории музея каждое новое имя защитника Отечества — это еще одна страница в истории Кузбасса.

Началась переписка, которая продолжается уже два года (2002—2004 гг.). Из собранного материала складывалась биография человека, которого помнят и любят, воспоминаниями о котором дорожат.

Родился Александр Иванович Фролов 9 октября 1917 года в деревне Фомихина Мунгатской волости Кузнецкого уезда Томской губернии. В 1936 году семья переехала в город Кемерово. Из документов известно, что Саша учился два года в строительном техникуме. Призвали в армию, стал курсантом Высшего Военно-морского ордена Ленина краснознаменного училища имени Фрунзе в городе Ленинграде. После его окончания был назначен командиром торпедной группы катеров в Балтийском флоте. За четыре дня до начала войны его перевели командиром бронекатера в дивизион Дунайской флотилии. А уже ближе к концу сорок первого корабли Дунайской вошли в состав Азовской флотилии. Лейтенанта Фролова назначили помощником командира сторожевого корабля-тральщика «Войков», сыгравшего значительную роль в операциях по освобождению Керчи от фашистских захватчиков. Каждый поход корабля требовал от офицеров и матросов большого напряжения сил, тактического мастерства и воинской доблести. В сложной обстановке экипаж быстро и точно выполнял все приказания в борьбе за живучесть корабля, сражался с врагом.

В наградном листе, где лейтенант Фролов представляется к правительственные награде — ордену Красной Звезды, сообщается, что Александр Иванович на время боевой операции был назначен командиром по высадке десанта. В операции по занятию Керчи действовал смело и решительно. Преодолевая сильный штурм, артиллерийский, пулеметный и минометный огонь со стороны противника, он совершил несколько рейсов и каждый раз успешно и без потерь высаживал бойцов, тем самым помог закреплению десанта на берегу, занятом противником.

Слева направо: Герои Советского Союза Поляков В. В., Фролов А. И.,
Абдрахманов А. К.

Второй наградной лист оформлен на Фролова уже как на старшего лейтенанта, командира отряда бронекатеров. События, описанные в нем, относятся к 1943 году. Отряд под командованием Фролова остановил на тиск немецких катеров на город Ейск. Командование дивизиона характеризует его как храброго и решительного командира, представляя к награде — ордену Красного Знамени. В мае, июне, июле сорок третьего пять бронекатеров под командованием старшего лейтенанта Фролова в составе оперативной группы Азовской флотилии совместно с авиацией пятьдесят девять раз ходили в атаку на вражеские укрепления. После освобождения Мариуполя и Таганрога — 125.

Лидия Ивановна Бурназова в одном из своих писем сообщает, что познакомилась с Фроловым в конце декабря 1941 года. Дом ее родителей находился в портовой части города Ейска, где жили многие семьи моряков. Семья офицера Михаила Макаровича Романова, служившего на корабле «Войков», познакомила Лидочку с молодым офицером. Студентка медучилища, семнадцатилетняя девушка, подрабатывала в поликлинике. Александру Ивановичу было 24 года. Фашисты рвались на Кавказ. Ейский порт бомбили ежедневно по 2—3 раза, доставалось и населению. Фролов был тяжело ранен и находился на излечении в госпитале № 2454 в городе Баку. После выписки был направлен на санаторное лечение, но не поехал. Он прибыл в Ейск в Азовскую флотилию, где его знали и любили сослуживцы и друзья. Как говорил

сам, попал в свою морскую стихию. Лидия Ивановна пишет, что после ранения сильно похудел, а был крепким, спортсмен, штангист. Александр Иванович очень любил море, любил и был предан Родине. Человек высокой офицерской чести, он был хорошо воспитан и выдержан. Общаясь с ним, можно было судить об его отношении к женщине. А в 1942 году Фролов получил извещение о том, что в Ленинграде погибла его жена Зинаида Архиповна Рогалева. Они были молоды. Мечтали о красивой и радостной жизни, но война разлучила их, перечеркнула все.

Строки из письма:

«Я любила слушать его. Смотрела в его карие, с каким-то юморком глаза. Меня он называл Петрушкой. Саша знал много стихов А. С. Пушкина, М. Светлова, любил музыку, театр. На корабле был патефон и много хороших пластинок».

В 1943 году Лидия Ивановна узнала, что отец Фролова пропал без вести в конце 1941 года под Ростовом. Один из братьев был летчиком и тоже погиб на фронте. У него осталась семья. Младший брат был призван в армию из города Кемерово в 1943 году. Остался ли он жив или вернулся домой, неизвестно. В городе Кемерово по улице Красноармейской, 65, проживала его мама, которой Александр Иванович в 1943 году отправил свой атtestат.

Последняя запись в личном деле Фролова такая: «Изключен из списков офицерского состава Военно-морского флота как погибший в боях с немецко-фашистскими захватчиками». Лидия Ивановна со слов сослуживца Фролова, с которым он воевал, узнала, что катер подорвался на мине. Не поверила.

Переворошила все доступные ей архивы, но так и не нашла документов, подтверждающих гибель старшего лейтенанта Фролова. Прошло столько лет. И теплится в сердце Лидочки маленькая надежда: а вдруг да придет откуда-нибудь весточка о том, что не все моряки второго отряда первого дивизиона бронекатеров Азовской флотилии погибли в боях.

Совершенно незнакомая нам женщина из города Ейска, пронеся через года светлую память о человеке, которого знала в годы войны, дорожила своими первыми чувствами к нему, потратив много сил на поиски документов, перечитав множество книг о войне, откликнувшись на просьбу о переписке, вправе требовать: «Не забудьте». И верит она и надеется, что род Фроловых не исчез бесследно.

Для того, чтобы получить более полную информацию о старшем лейтенанте А. И. Фролове, был сделан запрос в Центральный архив Министерства обороны. Дом по улице Красноармейской, 65, в котором проживали Фроловы, был снесен в конце 1950-х годов. Сослуживцев Фролова уже нет в живых. Письмо, отправленное Павлу Ивановичу Хорунжию, который хорошо знал Александра Ивановича, вернулось

с пометкой «адресат выбыл». Розыск родных Фролова оказался безрезультатным (справка из Адресного бюро Управления ВД по Кемеровской области № 315).

К сожалению, сведений о брате, который в годы войны был летчиком и погиб, в Книге Памяти не обнаружено. Ушла из жизни немалая часть людей старшего поколения, переживших жгучую горечь невосполнимой утраты родных и близких. На сегодняшний день на некоторых погибших в архивах пока не найдены документы.

Российский Военно-морской флот, овеянный неувядаемой славой блистательных побед над врагами Отечества, гордо реял на Черном, Адриатическом, Средиземном и Балтийском морях. О стойкости и безудержной отваге наших моряков в морских баталиях и сражениях на суше народ сложил немало сказаний и песен. Золотыми буквами вписаны на века подвиги российских моряков.

В годы Великой Отечественной войны путь к победе был долгим и трудным. Прошли годы. Но память о мужестве офицеров и моряков будет жить вечно. И сейчас, когда наши корабли идут морскими дорогами, проходя мимо места гибели боевого корабля, приспускают военно-морской флаг.

Да, сколько же кузбассовских семей опустошила война! Поиск продолжается.

Литература

1. Боевой путь Советского Военно-морского Флота. М.: Военное издательство МО СССР, 1967.
2. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. М.: Военное издательство, 1987. Т. 1—2.
3. Документы из архива МО ВМФ (ксерокопии наградных листов и послужной список).
4. Свердлов А. В. На море Азовском. М., 1969.
5. Письма Л. И. Бурназовой из города Ейска.

И. М. Чеканникова,
ст. преп. Кузбасского филиала Владимирского
юридического института г. Новокузнецка

Сибирь в произведениях Валентина Распутина глазами американских критиков

Для зарубежных исследователей русской литературы Сибирь всегда оставалась краем загадочным и притягательным. Эта огромная территория с неисчерпаемыми природными богатствами, дикой природой, бескрайними лесными и таёжными просторами и людьми, населяющими её, постоянно волновала их воображение и давала стимул к изучению литературных произведений с сибирской тематикой. Казалось, что Сибирь воплощала в себе всю мощь и целостность Российской империи, так как не была испорчена модернизацией и урбанизацией в той степени, в какой это произошло с городами Центральной России.

Известно, что художественная литература часто используется иностранными исследователями как индикатор состояния общества и возможность узнать и изучить явления жизни, описанные реально и достоверно. Это было особенно важно тогда, когда периодические издания и пресса не могли отражать реальное положение вещей по идеологическим или политическим мотивам. Не секрет также, что в период правления Хрущева и Брежнева и особенно в годы «застоя» доступ к нашей литературе для зарубежных критиков был ограничен и в силу раздробленности нашей литературы, и в силу цензурного диктата. Те произведения, которые публиковались официально, нельзя было назвать высоко художественными и достоверными. И поэтому на фоне довольно серой литературы такое движение как «деревенская проза» стало «глотком свежего воздуха».

Одним из самых талантливых представителей «деревенской прозы» иностранные литературоведы называют Валентина Распутина. Его творчеству посвящено много статей, исследований и монографий.

Американская исследовательница Гая Димент свою статью о творчестве В. Распутина¹ начинает с исторической хроники:

«Почти с самого начала возникновения русских поселений в Сибири в семнадцатом веке существовало две почти диаметрально противоположных традиций взгляда на Сибирь. Для людей, которые приехали жить сюда добровольно, Сибирь всегда представляла край свободы и возможностей, в отличие от остальной России она имела богатые природные ресурсы, здесь не было крепостного права и резких социальных различий».

Дальше она приводит в пример одно из самых первых литературных произведений о Сибири — «Хронику Есипова», написанную тобольским чиновником в 1630-х годах и содержащую одно из ранних доступных описаний Сибири как богатого края мифологических размеров. «Просто удивительно,— восклицает хроникер,— как широки и красивы реки, какая сладкая в них вода и как много в них разной рыбы, а земли около этих рек плодородны для урожая и их достаточно для скота».

Галя Димент предполагает дальше, что, вероятно, благодаря именно этой книге мы имеем сильное литературное мифическое представление о Сибири как об экологическом рае.

«Через сорок лет после появления «Хроники Есипова» был опубликован не менее сильный документ, содержащий восприятие Сибири чужаком. В «Жизни» Аввакума, написанной в 1670-х годах, Сибирь была изображена впервые как место вынужденной ссылки. Это было во времена декабристов, и именно тогда стала зарождаться литературная традиция представления о Сибири как о «несвободном» крае. Этот период с его тяжелым романтическим акцентом на отчуждении и вынужденной ссылке и реальных жизненных трагедиях депортаций в Сибирь (конец 1820-х—1830-е годы) логически привел к тому, что в литературе этот край стал выглядеть символом одиночества и страданий.

И всё же, когда Валентин Распутин создает образ сибирского рая — «тайного края Беловодье, рая на земле, где, по легенде, можно найти общее счастье», он следует и другим романтическим традициям взгляда на Сибирь, который также твердо зарекомендовал себя во времена декабристов».

Далее Галя Димент перечисляет исторические события и имена, повлиявшие на развитие представлений о Сибири.

«Оттепель», которая привела к реабилитации некоторых сибирских заключенных, среди которых были Солженицын и Шаламов, обогатившие в дальнейшем литературу о сибирской ссылке, помогла модифицировать официальный репертуар социалистического реализма. Приход на советскую литературную сцену так называемой «деревенской прозы», с её особым местным диалектом и сильными националистическими и религиозными настроениями, можно сравнить с американской литературой юга и её завоеванием остальных Соединённых Штатов и Европы в тридцатых годах. Темы, язык, острота ощущений — всё было совершенно новым. Среди первых писателей-деревенщиков было несколько сибиряков, самые известные из которых — Василий Шукшин и Виктор Астафьев. Позднее, в 1970-х и начале 1980-х годов, с добавлением чрезвычайно популярного голоса Распутина, русская «деревенская проза» приобрела крепкий сибирский аромат, и эта литература стала влиятельным культурным направлением.

Она стала настолько влиятельной, что в относительно либеральные послебрежневские восьмидесятые годы появилась сильная тенденция среди националистически настроенных русских интеллигентов представлять Сибирь символом настоящей России. В отличие от взглядов, доминировавших в предыдущие десятилетия, что в Сибирь нужно нести новую жизнь, всё больше и больше людей теперь были убеждены, что единственной надеждой для страны было спасти быстро исчезающую старую Сибирь от новой России. И тогда, известная веками как край ссылок и проклятий, всё чаще и чаще Сибирь стала превращаться в умах русских националистов в землю невинности, свободы и духовного совершенства — короче, в священную землю, которую надо защищать и сохранять всеми способами.

Как и его предшественники, Распутин, чья популярность как писателя была обязана этому сдвигу в общественном мнении, всегда остро осознавал двойственные традиции взгляда на Сибирь. «Те самые стороны Сибири, которые пугают других, нам не знакомы; они являются существенной частью нашего бытия», — писал он в 1983 году в очерке о Сибири.

«Легче дышится, когда зима холодная, без оттепелей. Дикая тайга, нетронутая человеком, не пугает, а скорее успокаивает. Наши непокорные обширные земли были сформированы её безграничными просторами и могучими реками. И всегда существовали различные представления о Сибири: у коренных жителей одни, у приезжих другие. И даже сейчас они не изменились».

И снова в духе ранних сибирских патриотов Распутин предполагает, что не достаточно просто допустить, что Сибирь так же хороша, как и остальная Россия, — она лучше.

«В окружении Её Величества Природы человек неизбежно начинает чувствовать свою значимость и могущество. Тот факт, что Сибирь не плотно населена, только увеличивает эту реакцию. Огромная энергия, которую человек использует для выживания в этом суровом краю, научила его относиться к самому себе с уважением, как к существу с не меньшей, а, может быть, даже большей ценностью, чем всё остальное вокруг него».

Пламенный сибирский национализм Распутина — существенная часть фактически всех его литературных работ и многих из его общественных поступков. Убежденный защитник природы, он стал беспокоиться о загрязнении его родного края довольно рано, гораздо раньше того времени, когда экология как движение стала известна в стране в целом.

Как и многие сибирские регионалисты до него, Распутин всегда осуждал чужаков за экологический вред, который они причиняли Сибири. В «Прощании с Матёрой» его озабоченность исчезновением

старой Сибири переведена в апокалиптическое видение земли, уничтожаемой силами Наводнения и Пожара.

Ещё один американский критик Деминг Браун также отмечает озабоченность Распутина состоянием родного края:

«Это беспокойство особенно проявилось в «Прощании с Матёрой». Я смотрю на эту повесть, как, в основном, на произведение социального протеста, направленное против тех, кто угрожает разрушению природы во имя технического прогресса. Но она является также, конечно, вкладом в дело сохранения исчезающего уклада жизни и определенных ценностей, и поэтическим оплакиванием уходящего. По духу — это произведение, выражющее нравственное возмущение против тех, кто пытается потопить остров с богатой плодородной землёй и навязать уродливую трансформацию.

Особо заслуживает внимания чувственное описание Распутиным окружающей природы — растений, реки Ангары, времён года, птиц, домашних животных и урожая. Критик Старикова указала на потрясающее свойство анимации в его изображении природы, которое придает динамическую, поэтическую ауру его изображению окружающей среды и взаимоотношениям человека с ней. Пристальное внимание Распутина к деталям и в мире человека, и в мире природы, его усиление взаимности между двумя этими мирами, наделяют его творчество чрезвычайным чувством жизни.

Распутин похож на других современных деревенских писателей в нескольких отношениях. Он также стремится выразить чувство реальности в своем изображении социального окружения и культурных деталей, которые он описывает с точностью, дотошностью и щепетильностью внимательного этнографа. Я уже упоминал его внимание к нюансам местной деревенской речи. Также, он косвенно описывает своих персонажей, перечисляя предметы, которые они используют в повседневной жизни. В «Прощании с Матёрой», например, есть очаровательный перечень деревенских вещей, утвари и трогательная заметка о привязанности деревенских людей к этим вещам»².

В своих произведениях Распутин использует сибирскую деревню как место, где разворачивается какое-то действие, чаще всего с трагическим финалом, и где люди проверяются на нравственную прочность и чистоту. Его волнует меняющееся этическое состояние деревни, где чувство братства и сообщества теряется, а старые традиции исчезают.

Ещё одна исследовательница творчества Распутина — Тереза Половы посвятила ему целую монографию «The Novellas of Valentin Rasputin. Genre, Language and Style». Особенno её волнуют взаимоотношения людей и природы. Тереза Половы подвергает детальному анализу повесть «Прощание с Матёрой»:

«Соответствующие этические отношения, безусловно, выражены и в повести «Прощание с Матёрой» и воплощены в её главных женских персонажах, особенно в восьмидесятилетней Дарье Пинигиной. По сюжету это последнее лето трёхсотлетнего острова Матёры и деревни, носящей такое же имя, перед затоплением, планируемым для очистки места под огромную гидроэлектростанцию на реке Ангаре. Дарья и ещё несколько старых жителей деревни, которые выбрали её своим лидером, отказываются покинуть остров, хотя всё уже было подготовлено для опустошения деревни: дома сожжены, урожай собран, кладбище разровнено, а люди переехали с острова в новое поселение городского типа. Всё это было выполнено правительственными организациями бесстрастно и без внимания к тому, что было создано и сохранено, и что формирует ценности и образ жизни жителей Матёры. Единственное сопротивление этому бессердечному разрушению оказывает группа людей, возглавляемых Дарьей»³.

Примечания

1. Diment, Galia. «Valentin Rasputin and Siberian Nationalism» in *World Literature Today*, 1993.
2. Brown, Deming. *Valentin Rasputin // Russian Literature and Criticism. Selected Papers from the 2nd World Congress for Soviet and East European Studies*. Ed. by Evelyn Bristol. Berkeley, 1982.
3. Polowy, Teresa. *The Novellas of Valentin Rasputin. Genre, Language and Style*. New York, 1989.

Из истории семьи мастера вышивки Т. П. Миньковой

В биографии знаменитой на всю Россию вышивальщицы, кемеровчанки Тамары Петровны Миньковой и ее предков отразились многие события истории государства. Бережно хранятся воспоминания членов семьи, в частности, Т. П. Миньковой и О. П. Мячиной. А в настоящее время «ведет» родословную дочь Тамары Петровны — Вероника Ушакова.

Прадед, Василий Петрович Никитин, живший в конце XIX века в Иркутске вместе с женой Лукерьей Ивановной (уроженкой Симбирской губернии), вел большое хозяйство. Имел собственную красильню, ямщину, шерстобитку и ветрянную мельницу. Вышивкой занимались женщины всерьез. Василий Петрович даже выписывал вышивальщиц из Италии, Монголии. Можно себе представить, как причудливо переплетались в работах, вышедших из дома Никитиных, стили восточный и европейский. Здесь «подняли» шестерых детей, которые, также как и родители, благодаря трудолюбию и практичности, быстро и крепко встали на ноги. Все они создали потом большие семьи.

В начале XX века семья дочерей В. П. Никитина Анны Солуяновой и Пелагеи Зацепиной жили в Иркутске. Мужья были скотопромышленниками. Сестры занимались художественной вышивкой. В мастерской А. В. Солуяновой работали и китаянки, и итальянский мастер. В этой мастерской развивались традиции буддийской, бурятской, монгольской, китайской вышивки.

В годы Гражданской войны мастерская переехала сначала в Павлодар, а затем распалась. Отголоски той школы начала века есть в Иркутске, Павлодаре, Бишкеке. В дальнейшем семья А. В. Солуяновой жила в Москве. Из семерых детей два сына, Иван и Федор, работали в кинематографии, участвовали в создании фильма «Сказание о земле Сибирской». Дочери, правда, серьезно вышивкой не увлеклись.

Семейная жизнь Пелагеи Васильевны Зацепиной и ее мужа Алексея Андреевича складывалась драматично. Жили в основном в Павлодаре. Шестеро детей — две дочери, четыре сына. Детям старались дать хорошее образование и воспитание, учили добру и честности, трудолюбию и терпению. Мало того, в эту же семью была взята (удочерена) и мама нашей героини — Анна Алексеевна Крылова. Это случилось, когда ее настоящая мать, Мария Васильевна, умерла. Перед революцией Мария вышла замуж за не очень богатого Ивана Ивановича Крылова. В годы Гражданской войны поехала из Ново-Николаевска в Омск обменять вещи на продукты, по дороге заболела тифом и умерла. Найти ее не уда-

лось. И. И. Крылов женился вторично, родились еще дети. И маленькой Анечке (правда, звалась она тогда Настей) пришлось нянчить сестренок и братишек, выполнять различную домашнюю работу, будучи еще крохой. Пожалела Пелагея Васильевна девочку, забрала и удочерила. Аннушка росла, набиралась ума-разума, вышивкой увлеклась. Ришеље, художественная гладь, «крестик» — все виды вышивки освоила она. Из воспоминаний О. П. Мячиной: «Мама очень любила вышивать цветы. Она любила их как самое совершенное творение природы. А анютины глазки напоминали ей доверчивые детские глаза. Очень отзывчивой была, потому что много трудностей пережила».

«Раскулачили» трудовую семью Зацепиных, которые и кулаками-то никогда не были, отобрали все, вплоть до последней пары детских башмаков. А. А. Крылова рассказывала Тамаре, что очень удивило ее тогда поведение приемной мамы: она старалась побольше вещей надеть на детей одновременно, потому что никаких узелков брать с собой не полагалось. Выгнали младших детей из школы, старшим не разрешили учиться в институтах. Пришлось проститься с родной сибирской землей и отправиться в далекую Среднюю Азию. Обосновались в Киргизии, в г. Фрунзе. Здесь Анна Алексеевна закончила школу. Когда училась в медицинском училище, встал вопрос об ее отчислении как дочери кулака. Пришлось доказывать, что фактически она дочь батрака Ивана Крылова, и менять фамилию, а отчество так и осталось — от приемного отца. Такие вот гримасы судьбы «благодаря» советскому строю, последствиям «классовой борьбы». Все ее братья и сестры стали, несмотря ни на что, достойными людьми: Мария — учителем русского языка, Михаил — инженером-строителем, Владимир — капитаном речного флота. С некоторыми из своих близких из прежней семьи (Василием, Николаем), так как они жили в Джезказгане, она встретилась только спустя 30 лет!

Живя в Киргизии, Анна Алексеевна вышла замуж. Муж, Петр Андреевич Черных, был ярым пацифистом. В свое время не хотел идти ни в белую, ни в Красную армию (может быть, предполагает сейчас Тамара Петровна, он даже сам себе нанесувечье — у него на одной руке не было пальцев). Его брата Николая, бывшего чекиста, репрессировали. Сослали в Якутию, где он и пропал. Закончил кооперативный техникум, работал бухгалтером. В семье к моменту начала Великой Отечественной войны было уже трое детей. Ушли на фронт сражаться с фашистами и погибли сводный брат Анны Иван Алексеевич Зацепин, двоюродный брат Иван Иванович Никитин. Анна Алексеевна, как военный фельдшер, была мобилизована, работала в госпитале (в горах, под Фрунзе), правда, недолго. В это время ее сыну было две недели от роду, и присматривать за ребенком помогал специально приставленный солдат. А другие дети — двухгодовалая Тамара, трехлетняя Ольга — оставались

с жившей в их доме с клеймом «бывшей жены белогвардейского офицера» Ефросиньей Ивановной Коломейцевой. Как говорится, нет худа без добра. Пригодилась эта добрая женщина в трудный час, помогла вырастить детей. А детей у А. А. Крыловой было семеро! Великой труженицей была эта женщина, замечательной рукодельницей. Сшить что-то и себе, и своим знакомым и украсить вышивкой — для нее эта работа была в радость. И из старого что-то смастерить, перелицевать приходилось, потому что время было трудное. Обязательно учила рукоделию своих дочерей, а затем и внучек.

Дочери Тамаре, с детства тянувшейся к прекрасному, повезло. После окончания школы она поступила в Ленинградский институт культуры на библиотечный факультет, а также стала вольнослушателем на художественно-прикладное отделение в Академию имени Мухиной. Учиться было трудно, но интересно. Жадно впитывала она культурные традиции второй столицы России, пропадала в Эрмитаже (у нее был выписан пропуск). Очень нравились ей gobelены из коллекции Эрмитажа, покорила богатая смыслом культура Востока. Восточный, изотерический стиль, отголоски барокко переплелись потом в ее собственных вышитых картинах и дают основание говорить о последовательно воплощаемом «сибирском» стиле. Подтверждением тому, что именно Тамара талантливо продолжила династию мастерий вышивки, подтверждением является высказывание мамы, А. А. Крыловой, записанное Ольгой Мячиной: «Она вышивает лучше меня. Я уже так не могу — глаза плохо видят». Это прозвучало в 1997 году, когда Анне Алексеевне уже шел 83-й год, но она продолжала еще иногда по просьбе знакомых вышивать.

После окончания института в 1960-е годы Тамара уехала жить в новосибирский Академгородок, да так и осталась жить в Сибири. Здесь вышла замуж, воспитала двоих детей.

Удивительны вышивки гладью Тамары Петровны Миньковой. Основные контуры узоров окантованы черным. Тончайшие нити мулине, шелка нежнейших оттенков, как мазки кистью, изысканны и тщательно подобраны. Богатство сюжетов — в том числе наши, славянские: «Славянский корень», «Зимний ангел», «Радуница», «Старички». Есть иллюстрации к литературным произведениям, большой цикл «Восточные мотивы», театральные костюмы, в том числе по эскизам

А. А. Крылова и Т. П. Минькова. 1960-е гг.,
г. Фрунзе

Н. Рериха. В некоторых работах — вкрапления бус, блесток, аппликации, искусно задрапированной, шерстяных нитей, что позволяет их назвать гобеленами.

В Новосибирске в 1973 году любители вышивки объединились в Доме народных традиций в клуб под названием «Сибирский стиль». Участвовали в выставках, активно пропагандировали народное искусство. Переехав по семейным обстоятельствам в 1988 году в Кемерово, Тамара Петровна снова начала активно пропагандировать вышивку гладью: участвовала в городских выставках, в 1989 году организовала салон-студию «Дарья». Теперь уже она — непременный участник и областных выставок «Мастер на все руки», организуемых Областным центром народного творчества и досуга. В 2002 году участвовала в III Всероссийской выставке-конкурсе «Вышитая картина» в Москве, получила диплом. Вышивки Т. П. Миньковой — в коллекциях Эрмитажа, других музеев, в частных коллекциях России, Германии. В 2003 году прошла ее персональная выставка в Кемеровском областном краеведческом музее, с включением работ мамы, А. А. Крыловой, и многочисленных учеников. Работы Т. П. Миньковой хранятся в фондах КОКМ, часть находится в постоянной экспозиции «Ремесла и народное творчество Кузбасса к. XIX–XX в.» Также представлены работы мамы, А. А. Крыловой, как более ранней представительницы династии мастеров вышивки.

В последние годы Тамара Петровна занялась активной педагогической деятельностью. Внучек своих, Дашу и Полину Ушаковых она и раньше обучала вышивке, а в 1997 году в их детском саду № 36 «Капельки» (г. Кемерово) попросили организовать студию детской фантастической вышивки. Студия даже была зарегистрирована при медицинской академии и предназначалась для реабилитации детей-инвалидов. Пятилетние дети пластмассовыми иголочками на специальной сетке выполняли стежки гладью. К каждому занятию Т. П. Минькова придумывала увлекательную тему, готовила доступный для восприятия дошкольят материал. И успех превзошел все ожидания. Даже мальчики освоили навыки вышивки, полюбили этот вид рукоделия. «Египет», «Пальчиковый театр», «Моя любимая игрушка»... Оказывается, в итоге у детей и вкус воспитывается, и идет опережающее развитие речевого центра головного мозга (ученые дали этому такое объяснение — развивая мелкую моторику рук, мы влияем на разум). Студия просуществовала три года, до 2000 года. Даша в семилетнем возрасте вместе с бабушкой уже участвовала в 1996 году в выставке «Династия» в областном клубе ветеранов войны и труда; и она, и Полина неоднократно участвовали в выставках детского декоративно-прикладного искусства. Их работы теперь есть и в нашем музее — подарены после персональной выставки Т. П. Миньковой в 2003 году. В учебе эти девочки добились замечательных результатов.

тельных успехов, побеждают в различных олимпиадах (по русскому языку, математике).

Тамара Петровна обучает и в настоящее время всех, кто к ней обращается, потому что понимает: мастер непременно должен оставить учеников, чтобы промысел продолжился, найденные им приемы, технология, образная система продолжали удивлять и радовать потомков.

О. Н. Белоусова,
канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин Кузбасского филиала
Владимирского госуниверситета (г. Новокузнецк)

Исторический аспект в повести Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома»

**Характеристика тюрем Западной Сибири конца XIX века
на примере омского острога и кузнецкого тюремного замка**

В начале XX века кузнечане с гордостью рассказывали заезжим путешественникам, что в тюремном остроге (он же — бывшая Кузнецкая крепость) в камере № 6 отбывал свой срок русский писатель Федор Михайлович Достоевский. И не только рассказывали, но и показывали эту самую камеру с памятной табличкой на деревянной двери. В журнале за 1932 год «СССР на стройке» говорится о том, что Достоевский коротал в Кузнецке «два мучительных года ссылки (1859—1861 гг.)»¹. И даже сегодня, почти сто лет спустя, от посетителей музея «Кузнецкая крепость» можно услышать вопрос о том, где же камера, в которой сидел Федор Михайлович.

В 1849 году Ф. М. Достоевский вместе с другими членами кружка Петрашевского был приговорен к расстрелу, который уже на площади у эшафота «царской милостью» был заменен «каторжной работой в крепостях на четыре года, а погом рядовым»².

Годы заключения Достоевский провел в Омском остроге. Из этого «личного опыта» вышел роман «Записки из мертвого дома». Целью данной работы стала попытка использовать «Записки...» как источник по истории тюрем Западной Сибири вообще и Кузнецкого тюремного замка в частности.

Известно утверждение, что все сибирские тюрьмы были похожи одна на другую, жизнь во всех них до того однообразна, что все сказанное об одной вполне применимо и ко всем вообще. Что увидел заключенный Достоевский, входя в Омский острог?

Писатель прибыл сюда в январе 1850 года, находясь в пути всего месяц (обычно путь каторжан по этапу до места ссылки занимал от 1 до 1,5 лет и не входил в срок наказания). Его провели в «большой двор, шагов в двести длины и шагов в полтораста ширины, весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном, то есть забором из высоких столбов (паль), врытых стойком глубоко в землю, крепко прислоненных друг к другу ребрами, скрепленных поперечными планками и сверху заостренных: вот наружная ограда острога. В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота... их отпирали

по требованию, для выпуска на работу»³. Внутри ограды находилось несколько строений: два одноэтажных сруба (арестантские казармы); кухня, разделенная на две артели; погреба, амбары, сараи. Середина двора представляла собой пустую площадку, где происходила проверка и перекличка утром, в полдень и вечером. Здание казармы было ветхим деревянным строением с прогнившим полом, протекающей крышей, угарными печами. Здесь использовали сальные свечи, дававшие мало света и много копоти⁴.

Описание Омского острога в «Записках...» Достоевского практически полностью совпадает с описанием Кузнецкого тюремного замка, известного нам по фотографиям и архивным материалам. Тот же огромный двор, обнесенный деревянным забором — палями; за палями — земляной вал, оставшийся от упраздненной крепости. По валу, вероятно, разгуливал часовой. И часовые — на караульных вышках. Здание бывшей казармы (правда, кирпичное, а не деревянное, как в Омске) рассчитано на 80 человек, но постоянно переполнено⁵. Построенная в 1808 году, казарма в Кузнецкой крепости уже в начале 1840-х использовалась как тюремный острог⁶. К середине 1860-х годов здание пришло в упадок. Рапорты в Томск с прошениями о выделении денег на ремонт по большей части оставались без внимания. Отвергнуто было и предложение о постройке нового деревянного здания тюрьмы, как требующее увеличения расхода от 3 до 4 тысяч рублей.

Важным местом в характеристике мест заключения всегда являлось питание. В Омском остроге еда, по словам Достоевского, была «довольно достаточною». Многие могли иметь собственную пищу (говядина стоила грош за фунт, летом — три копейки), но делали это немногие, у кого «водились постоянные деньги», большинство предпочитало казенную пищу. Хлеб был общим, а не выдавался по весу и «был как-то особенно вкусен и этим славился во всем городе... Щи же были очень неказисты. Они варились в общем котле, слегка заправлялись крупой и, особенно в будние дни, были жидкие, тощие», с огромным количеством тараканов⁷.

В Кузнецком тюремном замке заключенные жаловались, что тюремное начальство не дает им возможность пользоваться картошкой, капустой и другими овощами, которые они собственными руками выращивают на «огромном» тюремном огороде⁸.

С другой стороны, позамечаниям современников, в тюрьме зачастую питались лишь немногим хуже, чем дома, хотя это-то как раз и неудивительно. Контингент заключенных был довольно стабильным: крестьяне, инородцы, чернорабочие, те, кто и на воле обходился без излишеств.

Государство выделяло на содержание заключенных определенные суммы. Несомненно, что все деньги до арестантов не доходили —

казнокрадство и тогда было хорошо знакомым явлением в России. В документах засвидетельствованы случаи воровства среди тюремной администрации Томской губернии и описаны меры пресечения и наказания — от штрафа, снятия с должности до заключения в тюрьму. Последнее, впрочем, случалось довольно редко.

В меню арестантов входили крупы, мясо (второй сорт либо ливер), сало, овощи, хлеб как одни из самых дешевых продуктов⁹. В праздничные дни арестанты получали «улучшенную» пищу. Правда, что подразумевалось под словом «улучшенная», сейчас сказать сложно.

Выручало еще и местное население, активно приносившее передачи родственникам, и благотворительные организации. Достоевский пишет, что подаяние — это «еще один доход, хотя и не обогащавший арестантов, но постоянный и благодетельный»¹⁰.

Двор острога скорее напоминал рынок. Арестанты ходили свободно по всему острогу, «ругались», пели песни, работали на себя, курили трубки, пили вино... а по ночам иные заводили картеж».

Во 2-й половине XIX века в тюрьмах России стараниями Попечительного о тюрьмах общества стали появляться библиотеки. Книги, как правило, были нравственно-религиозного содержания. Библиотеки несли в себе две функции — заполнение «досуга» заключенных и их нравственное исправление. Впрочем, библиотеки продолжали оставаться большой редкостью.

В числе прочих условий, необходимых для нравственного исправления арестантов, главное место занимало, по мнению правительства и комитетов, «предохранение их от праздности»¹¹. В связи с этим, заключенные Кузнецкого тюремного замка активно занимались хозяйственными работами. Например, очисткой базарной площади, отхожих мест и труб в городских общественных зданиях¹². Некоторые исполняли обязанности поваров, хлебопеков и квасоваров при тюрьме, за что получали жалование¹³. Женщины стирали белье, изготавливали корпий, заменяющий в условиях войны вату. Об этой деятельности в Санкт-Петербург уходили ежемесячные отчеты¹⁴.

Для каторжан же работа была не занятием, а обязанностью: арестант отрабатывал свой урок или отбывал законные часы и шел в острог. Работа «показалась мне вовсе не так тяжелою, каторжною, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и каторжность этой работы не столько в трудности и беспрерывности ее, сколько в том, что она — принужденная, обязательная, из-под палки», писал Достоевский. «Если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека... то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы»¹⁵. Сам Достоевский, не владевший каким-либо ремеслом, был зачислен в разряд чернорабочих.

Зимой, когда рано темнело и казенная работа прекращалась, арестанты, чтобы заполнить пустые вечерние часы, придумывали себе собственную работу. «Почти каждая казарма превращалась в огромную мастерскую. Собственно труд, занятия не запрещались; но строго запрещалось иметь инструменты, а без этого невозможна работа. Но начальство в иных случаях смотрело на это не очень пристально. Многие из арестантов приходили в острог ничего не зная, но учились у других и потом выходили на волю хорошими мастеровыми»¹⁶.

Однако в уголовных тюрьмах, каковым являлся Кузнецкий тюремный замок, физический труд не был обязательным, как в каторжных. Более того, в острогах Томской губернии «мастерских... (в том числе, в Кузнецком) нет, и, по словам губернского начальства, в них нет надобности. Так как большинство заключенных принадлежит к людям порочным... арестанты зачастую даже самой легкой работе предпочитают карцер. Само же заключение в тюрьме не считают ни позором, ни стеснением, пока продолжается холодное время года. Большинство говорит, что лучше сидеть в остроге, чем на свободе»¹⁷.

Гернет в своих исследованиях писал, что лозунгом всего тюремного управления в царской России было требование сделать острог местом одних лишений и страданий¹⁸. Омская и Кузнецкая тюрьмы мало чем отличались в этом отношении от других тюрем Западной Сибири.

Примечания

1. НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 18 а.
2. Гроссман Л. Достоевский. М., 1965. С. 155.
3. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома. М., 1996. С. 288.
4. Там же.
5. Материалы по вопросам о преобразовании тюремной части в России. СПб., 1865. С. 623.
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 123. Л. 12.
7. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 302—303.
8. ГАТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 965. Л. 15.
9. Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. В 2-х ч. Ч. 2. С. 474—475.
10. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 299—300.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 29. Д. 4. Л. 4.
12. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3749. Л. 13.
13. Томские Губернские ведомости. Томск. 1875. № 20.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 29. Д. 4. Л. 4.
15. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 301.
16. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 297.
17. Материалы по вопросам о преобразовании тюремной части в России. СПб., 1865. С. 624.
18. Гернет. История царской тюрьмы. 1946. Т. II.

Л. П. Смокотина,
главный хранитель КОКМ

Нас позвал Айрекс

По приглашению Государственного департамента США (UNITED STATES DEPARTMENT OF STATE), Бюро по образовательным и культурным программам (THE BUREAU OF EDUCATIONAL AND CULTURAL AFFAIRS), согласно международной программе визитов «Сотрудничество Профессиональных Объединений» (Россия Айрекс Москва), тема: «Охрана исторических и культурных памятников» («COMMUNITY CONNECTIONS PROGRAM HISTORIC PRESERVATION GROUP») по результатам отбора группа музейных специалистов из Кемеровской области с 1 по 21 декабря 2003 г. посетила США. В группу входили: Мызина Лариса, Кулемzin Анатолий, Егоров Виктор, Смокотина Любовь, Зыков Андрей, Шихалева Надежда, Портола Алексей, Бычкова Тамара, Чинянина Елена. Следует немного сказать о данной программе, которая в 2000 г. отметила свое 60-летие. Ежегодно более 4400 посетителей со всего мира принимают участие в этой программе. Программа Международных Визитов призвана способствовать росту взаимопонимания путем общения на личном и профессиональном уровнях. Участниками являются лидеры из разных стран, работающие в сфере образования, науки, экологии, государственного управления, политики, СМИ, а также вопросов менеджмента в области культуры и искусства. Эти участники отбираются в странах, где они проживают, американскими посольствами. Окончательное решение принимает Бюро образовательных и культурных программ в Вашингтоне¹.

Встретили нас в Международном торговом центре Южной Каролины в городе Чарлстон. Международный торговый центр является членом Национального совета по Международным посетителям при Госдепартаменте США. Ранее они встречали представителей из Австралии, Новой Зеландии, Испании, Китая, Нигерии, Косово, Латвии, Польши, Украины, России (Калининград).

Проезд, проживание, медицинскую страховку, стипендию — всё оплачивала принимающая сторона. Также был предоставлен микроавтобус для передвижения на время стажировки. Программа является практической, созданной для групповых занятий, с целью

ознакомления со многими аспектами исторических и культурных ценностей США.

График работы был очень насыщенным. В 7.30 или 8.00 нас собирали микроавтобус, чтобы начать занятия в 9.00, и завершалась программа после девяти часов вечера. За три недели мы посетили пять городов: Чарлстон, Колумбию, Волтеборо, Спартанбург, Нью-Йорк, приняли активное участие более чем в тридцати мероприятиях, посетили десятки музеев и плантаций, встречались с руководителями Департамента штата Южной Каролины по защите исторических памятников, были гостями исследовательского центра Авери (изучение афро-американской истории и культуры).

Подобно нашему Золотому кольцу в США успешно работает так называемый «Коридор Национального Достояния Южной Каролины»². Впервые он был определен в 1996 г. конгрессом США как область национального достояния. Это означает, что все жители, компании и администрация области объединяют усилия с целью сохранения исторических особенностей местности и защиты наследия. «Коридор Национального Достояния Южной Каролины» простирается на 240 миль по всему штату, начиная с гористого района Окони, вдоль реки Саванны, и заканчивается портовым городом Чарлстон. Четырнадцать административных областей Южной Каролины работают с целью сохранения природных ландшафтов, памятников истории и архитектуры края. Территория, выделенная в коридор, показывает развитие и жизнь штата от плантаций до городских центров, а также влияние на историю Южной Каролины и становление Америки как нации.

Пребывание в Департаменте штата по охране исторических памятников (город Колумбия) было очень плодотворным. Встреча с профессионалами, занимающимися регулированием и планированием деятельности по охране памятников старины, разрабатывающими федеральную политику в области охраны, ведущими регистры исторических памятников, а также ведающими политикой и выдачей государственных субсидий в области охраны, выявила высокий уровень их работы. Там работает 62 человека. Отдельных кабинетов нет, большой зал разделен на секции, словно лабиринты.

Беседа с руководством Чарлstonского исторического музея не оставила никого равнодушным. Вопросы и ответы были злободневными. Нам было показано занятие с детьми начального школьного возраста, которое вела Мари Миддлтон. Занятие было посвящено древнему Египту. В ходе занятия дети переодевались, участвовали в ролевых играх, погружались в «колодец истории». Здесь невольно вспоминаешь нашу соотечественницу Ванслову Елену Гавриловну с ее программами. Осмотр экспозиции с прекрасными коллекциями серебра, оружия, палеозоологии дает полное представление о музее.

Не оставила равнодушными всех присутствующих детская выставка. В зале представлены фотографии детей начала ХХ в., здесь же одежда детей, пинетки, вееры, лайковые перчатки, сумки, куклы, игрушки. Центральное место занимает маленькая елка, украшенная гирляндами и картонными игрушками, вызывающая ностальгию и умиление.

В частном детском музее Чарлтона поражает всё: театр теней, комната дракона, творческие мастерские, игровые комнаты, большое лего, водяной зал, целый зал занимает рыбацкая лодка «Анна-Мария», на которой «ловят» креветок малыши, одетые в сапоги и плащи. Музей новый, очень популярный, план посещения — 185 детей в день — ежедневно перевыполняется.

Дважды возвращались мы в художественный музей Гиббса. Этому способствовала знающая, влюбленная в свое дело экскурсовод. С нею мы посмотрели выставку современного искусства, которая стала понятна благодаря ее пояснениям, и увидели классическую экспозицию женского портрета, построенную на сопоставлении портретов мастеров прошлого и наших современников. Из технических музеев поражает военно-морской музей, размещенный на авианосце. Мощь и сила техники, порядок и многоаспектность показа, эффект присутствия, память о всех, кто причастен к военно-морскому флоту, поражают воображение.

Более четырех часов езды в одну сторону заняло посещение завода «BMW» и музея завода в Спартанбурге. Нам выдали очки и наушники, и мы увидели, как рождаются машины. В день изготавливают 600 машин, запас деталей рассчитан на 2—4 часа работы, привычных для нас складов нет. На заводе работает 5 тысяч человек, но все процессы автоматизированы, в этом им помогают 120 роботов. Самый современный цвет машины — металлик, стоимость новой модели от 34 до 45 тысяч долларов.

Экскурсии в форт Самтер, в аквариум Южной Каролины, на океан, тур на лошадях Мейсон и Диксон, просмотр фильма в кинотеатре «IMAX», яхт-клуб, крабовый клуб — далеко не полный перечень наших мероприятий. Но неизменным было ежедневное посещение нами «KING BUFFET», где мы обедали. За 6 долларов нам предлагался шведский стол, однако все напитки (чай, колу) надо заказывать отдельно, в стоимость «буфета» они не входят. Мой рацион состоял из неизменных крабов, креветок, устриц и раков. На гарнир я брала сырье шампиньоны, кукурузные початки, маслины, стручковую фасоль, на десерт — ананасы, апельсины, дыню, лимон, консервированный виноград, семечки, орехи,— со взбитыми сливками.

Последние три дня мы провели в одном из крупнейших мегаполисов мира — Нью-Йорке, проживали в отеле «Holiday Inn Midtown».

Когда готовилась к поездке, удалось прочитать немало книг и почерпнуть сведения о музеях Нью-Йорка. Посетить все желаемые музеи за три дня — задача невыполнимая. Существует так называемая «музейная миля» — 5-я авеню, протянувшаяся с самой южной оконечности Манхэттена на север. В районе, где она окаймляет восточную сторону Центрального парка, и расположены ведущие музеи. Их адресными координатами являются пересечения 5-й авеню со стритами — улицами, проложенными с запада на восток. Так, Метрополитен-музей — 82-я стрит, музей Гуггенхайма — 88-я стрит, немного подальше музей коллекции Фрика.

Метрополитен-музей выделяется из собратьев грандиозностью коллекций, занимаемых площадей и импозантностью — настоящая империя музеев³. Хотелось бы пожить здесь месяц-другой, не выходя из его стен. Тем более, что для этого созданы все условия: среди экспозиции — жилой дом, есть всевозможные магазины, рестораны и кафе, не говоря уже о туалетах, оборудованных специальными столиками для пеленания детей. Громадное количество представленных бесценных экспонатов сделало его визуальной энциклопедией искусства всех времен и народов, охватывающей период в пять тысячелетий: от ранней истории до XX в. Поэтажные планы, экскурсии на любом языке, включая язык глухонемых, кафе и бар, магазины и библиотека, всевозможные образовательные программы, концерты и лекции. Для посетителей на машинах — паркинг, к инвалидам особое внимание. Хотите рисовать — пожалуйста, хотите написать письмо или открытку с видом музея и отправить домой — пожалуйста. Выбор отдельных коллекций для осмотра заложен планом их размещения, также как и последовательность знакомства для посетителей, впервые переступивших порог музея. Если двигаться по часовой стрелке слева направо, то экспозиционные залы первого этажа расположены в такой последовательности: греческое и римское искусство, далее — искусство Африки, Океании и Америки; искусство XX в. занимает угловой блок со стороны Центрального парка; европейская скульптура и декоративно-прикладное искусство, а также средневековое искусство — в американском крыле. Второй этаж дополняет экспозиции первого, но там есть и самостоятельные экспозиции: XIX век — европейская живопись, скульптура, музыкальные инструменты, китайское искусство. Огромные масштабы, потоки света, мраморные арки и полы, острова зелени, низкие круговые скамейки и множество народа без ощущения тесноты, так как в залы ведут несколько путей. Две тысячи картин окружают посетителя. Неизгладимое впечатление на меня оставили «Святой Иероним в облачении кардинала» Эль Греко, «Две девочки у рояля» Ренуара, представлены мне малоизвестные Джордж Беллоуз, Мэри Кассат, Томас Икенс, Томас Хартбентон, Джон Сингер, Саржент,

Джеймс Уистлер, Джордж О'Кифф, Уинслоу Хоммер. В этом музее имеются уникальная коллекция часов на ходу и коллекция, состоящая из 36 тысяч образцов текстиля. Средневековые шпалеры, роскошный бархат эпохи Ренессанса, китайские халаты, изысканные французские кружева. Созданный недавно современный центр изучения и консервации текстиля позволяет по-новому взглянуть на его сокровища. Помещения оклеены бескислотной бумагой, полки из алюминия, хранятся ткани в рамках, в подвешенном состоянии, а ковры и шпалеры в скатанном виде помещены в цилиндрические контейнеры. Так как врагами текстиля являются свет, пыль, кислоты и перемещения, то старые костюмы все реже и реже можно увидеть в экспозициях. На входе в музей рассматривают сумки, посетители могут не раздеваться, твоим входным билетом является металлический жетон, ежедневно меняющий цвет, который крепится на одежду. Когда покидаешь музей, жетон можно оставить для утилизации.

Музей Соломона Роберта Гуггенхайма (1861—1940) — один из ведущих музеев современного искусства на планете⁴. Существует несколько музеев Гуггенхайма: в Нью-Йорке, Лас-Вегасе, Вене, Бильбао, Берлине, что можно назвать глобальным соединением музеев. В июне 2000 г. в нашей стране создан благотворительный фонд «Эрмитаж-Гуггенхайм». Таким образом, мы становимся ближе и понятнее друг другу. Здание музея Гуггенхайма представляет собой четыре спиральных корпуса, расширяющихся к верху и нависающих друг на друга. Войдя в главную галерею по спиральному пандусу более 400 метров длиной, поднимаешься к стеклянному куполу. Диаметр здания увеличивается кверху почти незаметно, так как пандус по мере подъема расширяется. Овальная форма чаши здания, похожего на кокон, повторяется в форме галерей и лифтов. Осмотр организован с верхнего уровня, куда попадаешь лифтами от контроля, а экспозиции располагаются вдоль стен и перегородок, образующих замкнутые отсеки в виде раковин. Музей вмещает много людей, при этом нет толкотни, а посетители не мешают друг другу рассматривать произведения искусства. Мой входной билет № 2419482, где указано даже время, позволил мне увидеть шедевры маститых Поля Сезана, Пабло Пикассо, Василия Кандинского, Марка Шагала, Пита, Мондриана. Этот музей представлял ретроспективные выставки таких мастеров как Бекон, Гамильтон, Биссьер, Сото, Беус...

Музей коллекции Фрик⁵. Об этом музее я впервые услышала в 1997 г. Частная картинная галерея Фрика впечатляет подбором шедевров живописи старых мастеров и просто красивых вещей, обстановкой и комфортом. Особняк был построен в 1913 г. для промышленника Генри Клея Фрика. Сдержанная архитектура фасадов и роскошь интерьеров, включая фонтаны, пальмы и живые цветы, но при этом все продумано до мелочей: подсветка картин, маршрут осмотра, бе-

зопасность. Полотна Рембрандта, Ван Дейка, Гейнсборо, Мемлинга, Вермеера, Тернера и других великих мастеров прошлого очаровывают, здесь нет ни одной «проходной» вещи. Это одна из крупнейших частных коллекций картин европейских мастеров XIV–XIX столетий в мире. Перед осмотром экспозиции предлагают посмотреть фильм о Генри Клее Фрике, который мне показался похожим на И. Тургенева. Служитель в стильной униформе бордового цвета на чистейшем русском языке ответил на наши вопросы, рассказав, что он потомок Грязнова.

Завершить обзор хочется музеем-символом — статуей Свободы, официальное название которой — «Свобода, которая просвещает мир». Немного истории. В 1865 г. Эдуард Де Лабулье предложил увековечить память о дружбе между Францией и Соединенными Штатами. Для разработки проекта был рекомендован молодой скульптор Фредерик Август Бартольди. Моделью ему вначале служила мать. Сложные инженерные устройства были разработаны Густавом Эйфелем, автором знаменитой башни в Париже. Статуя признана национальным памятником в 1924 г., спустя 38 лет после ее открытия. Статуя Свободы закрыта для посещения.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что почти каждый американец, если он окончил школу, побывал в музеях. Музеи — неизменная часть школьной программы. Причем для педагогов важны не имена отдельных художников и их произведения, а в первую очередь атмосфера музея, связанная с искусством среда, к которой должен адаптироваться ребенок. Пусть сидит на полу, в Америке это почти правило, пусть иной раз пробежит на залам. Как ни странно, раскованность внешняя не становится нормой поведения, как и громкие голоса. Заставить думать, решать какие-то свои возникающие вопросы, несомненно, удастся и педагогам, и экскурсоводам, хотя «неакадемичные» тексты их пояснений кажутся очень непривычными. Среда в музее и человеческая среда — это ощущение тех, кто собирал удивительные вещи, ими любовался, старался сохранить, чтобы дать, наконец, и нам приобщиться к своей радости. Наверное, этот момент сохраняет и доносит до посетителей принятая в том же Метрополитен-музее развеска произведений не по векам и школам, а по собирателям и их коллекциям — развеска, к которой присоединяются и предметы обстановки. Разве не так была представлена в свое время в Румянцевском музее коллекция Юрия Михайловича Мосолова (1838—после 1915 г.), включающая мебель и предметы дизайна. Только так человек начинает ориентироваться во всех жанрах, школах и направлениях, не замыкаясь в рамках любой специализации. Вместо суровых и пожилых музейных смотрителей вас повсюду встречают приветливые люди в стильной униформе. Американские музеи тщательнейшим образом относятся к обслуживанию особых категорий посетителей — инвалидов и пожилых

людей. Для старшего поколения на лестницах металлические поручни. Они не служат украшением, но в выборе между красотой и комфортом американцы неумолимы: только комфортность, и прежде всего для тех, кто в ней особенно нуждается. Пандусы и лифты для инвалидных колясок, перила и места сидения для пожилых людей — с этими категориями посетителей встречаешься повсюду. Посетители получают в музее почти бесконечные возможности выбора — как в силу организации пространства, так и благодаря огромному количеству аудио-, видео- и компьютерной техники, значительно расширяющей горизонты обзора. В зданиях множество экранов разного формата и большое количество источников звука, которые удивительным образом не мешают друг другу. Здесь создана динамичная — движущаяся и звучащая экспозиция, в то же время нигде не возникает ощущения беспорядочного мелькания и шума.

Программа разработана с целью улучшения взаимопонимания между американским и другими народами⁶. Необычным было проживание в американских семьях, добровольно принимающих стажеров. Первые и последние дни мы проживали в гостиницах, затем в семье профессора Пола Нельсона и его жены Сью, позже в семье инженера Дана Йохмана и акушерки Сандры. Помимо основных профессиональных знаний, интересно было познакомиться с жизнью и бытом средней американской семьи. Так как эмоции и удивление меня переполняют, то позволю себе тезисами отметить самое-самое. Американское жилье не тянется к дорогам, по возможности отступает от их свистящих скоростей. Водить машину без страховки на случай аварии запрещено по закону, самая дешевая страховка 50 долларов в месяц. Дети с 16 лет могут водить машину с ограничением во времени с 11 вечера до 6 часов утра. Дома строят из древесно-стружечных плит. Первоначально выстроенные дома не принято достраивать и перестраивать. Насколько для новых русских важно только что возведенное сооружение, настолько в Штатах ценен возраст. Американское правило — реставраторы не будут восстанавливать и поновлять живопись, не станут заменять растрескавшуюся филенку. Старина это старина. Много объектов культуры мы увидели, и всегда удивлял в грузных дубовых балках потолок и кирпичная кладка внутренней стены. Не отгораживают своих частных владений от улицы заборами. Забор ставится только между соседскими участками. Вдоль улицы заборов нет, номеров на домах тоже нет. Американцы получают корреспонденцию в почтовые ящики, похожие на чехлы швейных машин, нередко разрисованные и с фамилиями получателей. Для скорости почту, запечатанную в целлофан, бросают на порог или на лужайку возле дома. Лес вплотную подступает к террасам и стенам. К этому непросто привыкнуть, но американцы не расчищают землю вокруг домов, не стараются избавиться от дикой

природы, заменить ее на цветники и грядки. До дома ведет асфальт или грунтовая дорога, свободный подъезд для автомобилей, а дальше нога ступает на нетронутую землю, скользит по ковру опавшей хвои или тонет в сплошном ковре трав. Белки, чайки, утки, цапли — повсюду. Американский дом — это кухня, от которой высокой стойкой отделяется остальное помещение. В него входит галерея следующего этажа. Кирпичная стена у камина поднимается до самой скошенной на семиметровой высоте кровли. Лестница в спальню, а там комоды (укладка для белья). Нет шкафов, нет стенок, однако в каждой комнате есть шкаф «по-американски», он называется клозет, то есть кладовая. Там нет пыли, нет старых вещей. В клозете аккуратные ряды вешалок, полок. На кухне в раковину встроено устройство, подобное электрической мясорубке, оно размалывает пищевые отходы. Поэтому в раковину можно сбрасывать все остатки с тарелок без боязни засорить ее. Посудомоечные и сушильные машины есть практически в каждом доме. Очень интересен в американских домах характер приема. Вас не станут угождать независимо от времени вашего прихода. Для брекфеста, ланча, диннера существует определенное время. Оказаться в их часы в чужом доме без предварительного приглашения — бес tactность. В другой же час хозяйка не станет вовсе готовить. Перед началом трапезы — молитва, и сидящие за столом по очереди говорят, за что они благодарят бога в этот день. По воскресеньям большинство семей посещают церкви. Во время проповеди людей очень много. В церкви ходит молодежь, семьи с детьми, пожилые люди. Для детей существует воскресная школа. Верующие люди в Америке совершенно искренне пытаются строить свою жизнь в соответствии с христианским учением. В общеобразовательных школах религиозное обучение запрещено, поэтому дочь Дана и Сандры Кэри обучается в воскресной школе. Возят школьников на специальных желтых автобусах. В школе, в старших классах, изучают около девяти предметов, которые преподаются в одно и то же время. Между уроками спортивные игры. Почти везде отсутствуют пешеходы, так как у каждого члена семьи есть свой автомобиль. Продукты питания дороже наших аналогов в 3—5 раз. В супермаркеты ездят один раз в неделю, не растранижают время. Дни недели у всех расписаны. Календари на кухне на холодильнике. Очень много фотографий. Создается впечатление, что фотосвидетельства любого действия человеку много дороже реальных переживаний. Постоянно слышишь «excuse me» — «извините». В самом густом людском потоке тебя никто не толкнет, не заденет, а, оказавшись на близком расстоянии, непременно извиняется. Это также естественно, как бросаемые в лифте или в магазине «good morning» — «доброе утро». Привычные темы наших разговоров — недомогания, лекарства, народная медицина, врачи, жалобы на детей и близких, сетования по поводу растущих цен

и работы,— все это составляет безусловное табу в коренных американских семьях. Секрет контактности с молодежью, детьми — никаких воспоминаний взахлеб, рассказов о «нашем времени», просто они продолжают активную жизнь, и им всегда есть, что рассказать о сегодняшнем дне. Немолодые супружеские пары, освободившиеся от забот о детях, переживают вторую молодость с неожиданно трогательной заботливостью друг о друге, гордостью друг другом, откровенной привязанностью, которую никто не скрывает и к которой уважительно относятся окружающие. Смысл одной из американских поговорок сводится к тому, что возраст требует контактов, а не наоборот. Великое множество детских игрушек, которое так модно помещать в спальнях независимо от возраста их обитателей, трепетно берегут ощущение детства.

Со слов моей американской семьи: минимальная пенсия — 700—900 долларов в месяц, заработка среднего американца около 25 тысяч долларов в месяц. Квалифицированный строитель получает 25 тысяч, шофер на междугородних рейсах — 21 тысячу, учитель — 19 тысяч, авиапилот — 50 тысяч, полицейский — 35 тысяч, продавец в книжном магазине — 10 тысяч, секретарь — 18 тысяч, судья — 80 тысяч долларов. Если семья получает на двоих 11 тысяч долларов в месяц, то это бедность.

Наше пребывание совпало с главным религиозным праздником — Рождеством Христовым. За две недели украшают фасады домов яркими гирляндами, игрушками фарфоровыми, деревянными, ватными, из проволоки, стекла. В дизайне преобладают рождественские мотивы. Миниатюрные фигурки Девы Марии, Иосифа и новорожденного Иисуса, Санта-Клауса в санях с его северными оленями, которых зовут Вихрь, Комета, Молния, Гром, Вертунья, Прыгун, Танцовщица, Купидон, крылатые ангелочки. Традиционные венки из ели на входной двери, банты, разноцветные фигурки гномов, снеговиков. Государственный звездно-полосатый флаг у двери, а то и флаги с Санта-Клаусами или ананасами (символ доброжелательности, открытости людей). Стволы деревьев, крыши обвивают светящиеся гирлянды. Сама рождественская ночь тихая, использование хлопушек во многих штатах запрещено. Ни единого хлопка, ни единого выстрела. Только тишина, а в ней звучат многочисленные церковные гимны, прославляющие родившегося Спасителя наших душ — Иисуса Христа. В этот период времени люди одеты ярко, на одеждах присутствуют рождественские сюжеты, у большинства на головах красный колпак Санта-Клауса. Везде звучат рождественские мелодии. Приобретение и сказочная упаковка подарков становится самым любимым занятием американцев в этот период. В каждом доме, под елкой, можно увидеть десятки подарков разного размера для вручения.

В сердце каждого кузбасского выпускника этой программы навсегда останется добрая память о нашей путеводной звездочке, прекрасной переводчице, всегда ровной и доброй, хрупкой сотруднице Юлии Майнер. Неизгладимое впечатление оставил Марк Кондон, директор Международного торгового центра Южной Каролины, большой знаток истории и экономики штата, деятельный, доброжелательно улычивый, отец изумительных двойняшек. Имея собственный остров Меридиан, он на один день подарил его всем нам. Эти люди помогли обойтись нам без «культурного шока», сделали нас немного профессиональнее, расширили наш кругозор, научили любить их Америку.

Примечания

1. Тимашева И. Музейные библиотеки будущего// Мир музея. 2004. № 4 (200). С. 44.
2. Смокотина Л. «По приглашению Айрекса»// Культура Кузбасса. 2004. № 6.
3. Молева Н. «Мет» и многие другие»// Мир музея. 1996. № 4 (150). С. 65.
4. Томас М. Мессер. Музей Гуггенхайма в Нью-Йорке// Museum. 1990. № 163 (1). С. 17.
5. Кудрявцев Б. По залам коллекции Фрика// Мир музея. 2004. № 2 (198).
6. «Америка глазами сибирячки» (интервью К. Ивачева с Л. Смокотиной)// С тобой. 2004. № 8, 1 февр.

Л. Ф. Кузнецова,
засл. работник культуры РФ, ст. научный сотрудник
Кемеровского областного краеведческого музея

О создании выставки «Герои войн начала ХХ века»

Подготовка каждой выставки требует большого и кропотливого труда. Особенно по темам, оставленным без внимания историками. К их числу относятся войны начала ХХ века — Русско-японская 1904—1905 гг. и Первая мировая 1914—1918 гг. В 2004 году исполнилось 100 лет с начала войны с Японией, и 90 лет назад Германия, напав на Россию, развязала Первую мировую войну. В связи с этими датами в Кемеровском областном краеведческом музее решено было создать выставку.

Сегодня особое внимание уделяется военно-патриотическому воспитанию молодежи. Новый 2004/2005 учебный год в образовательных учреждениях нашей области, как и по всей стране, идет под знаком подготовки к 60-летию победы над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Событие, безусловно, важное. Но воспитание патриотизма — это воспитание уважения ко всей военной истории, а этого, к сожалению, в нашем обществе пока нет. На наш взгляд, участники войн начала ХХ достойны того, чтобы их знали и ими гордились.

Исторические оценки военных действий России начала ХХ века в советской историографии носили негативный характер, поэтому в музейных экспозициях их показ носил общий характер и не был персонифицирован. Поражение России, по мнению марксистско-ленинских историков, процесс закономерный, и виновницей всего была «прогнившая», не способная к руководству российская монархия. Военные победы достигались за счет гибели тысяч солдат, отправленных на бойню. Патриотизм называли не иначе как «квасным» и его проявление относили только к господствующим классам. В армии таковым являлся офицерский корпус, отношение к которому было презрительным. Заложено оно было новым советским строем в годы Гражданской войны. Это была братоубийственная война, поставившая по разные стороны баррикад недавних товарищ по оружию. Политическое противостояние обернулась трагедией для народа. Одна часть общества, принявшая идеологию большевизма на долгие годы предала забвению другую, побежденную — участников белого движения. Только в последние годы это противостояние слабеет. Все чаще звучат объективные оценки событий Гражданской войны и ее деятелей, большая часть из которых — участники войн начала ХХ века.

Потомки героев войн начала XX века на открытии выставки. 2004

Цель выставки — как можно объективнее воссоздать историю тех лет и главными действующими лицами сделать героев этих войн, поскольку, подвиги во имя Отечества и слава русского оружия — основа для воспитания патриотизма. Современное поколение должно знать не только героев-дедов, бравших в 1945 г. Берлин, но и прадедов, противостоявших Японии и Германии в начале XX века.

В создании выставки приняли участие потомки героев, сохранившие материалы о своих доблестных предках и энтузиасты-коллекционеры С. Н. Купрюшкин, занимающийся сбором материалов о георгиевских кавалерах, А. В. Толкачев, собирающий материалы о Германии, и Г. И. Рогов, краевед и известный коллекционер денежных знаков (бон). Предоставленные ими материалы обогатили выставку. Они оказали и консультативную помощь, поскольку настоящий коллекционер не только собирает, но и изучает коллекцию.

Значительная часть представленных на выставке материалов из фондов нашего музея. Наряду с вещественными предметами: наградами, памятными медалями, холодным и огнестрельным оружием начала ХХ в., у нас хранится богатый иллюстративный материал того периода — альбом «Русско-японская война 1904—1905 гг.», изданный в 1906 г., в котором более 350 листов с фотографиями, снятыми на фронте в районах действий маньчжурской русской армии, почтовые открытки с изображением кораблей русского флота, массовым тиражом выпускавшиеся в 1904—1906 гг., и раритеты сегодня. По I мировой войне — периодические издания тех лет — более 40 номеров журнала «Летопись войны 1914—15—16 гг.», еженедельно издававшегося с августа 1914 г. В каждом выпуске в официальном отделе публиковались ежедневные сообщения Верховного главнокомандующего о ходе военных действий на всех фронтах. Военная тематика широко освещалась в журналах «Солнце России» и еженедельнике «Нива», в котором особый интерес представляет рубрика «У наших союзников». Чаще всего печатали материалы о современной технической оснащенности английских и французских войск — танках, самолетах, дальнобойных орудиях. Один из номеров посвящен защите при газовой атаке. Есть и почтовые открытки, с военной тематикой. Оформленные вторым планом, они проиллюстрировали общий ход военных действий.

Солдатские Георгиевские кресты. Начало XX в.

Центральное место отведено наградам. Ордена жаловали офицерам. Для низших чинов высшими знаками отличия были Георгиевские кресты 4-й, 3-й, 2-й степени. Учреждены они в 1856 г. к 1915 г. их число достигло миллиона. Носили их на гвардейской ленте. Солдат, получивший все три степени, именовался георгиевским кавалером. Зачастую после третьей или второй степени рядовым присваивали первое воинское звание — унтер-офицера.

Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. учреждены наградные и памятные медали «В память Японской войны 1904—1905 гг.», «В память похода эскадры адмирала Рожественского», «Красный крест в память Русско-японской войны» (1906 г.), Крест защитников Порт-Артура (1914 г.).

Немалый интерес представляют собой памятные жетоны, выпускавшиеся как в России, так и в Германии. Посвящены они были военачальникам, главам государств или отдельным военным событиям.

Георгиевские кавалеры или награжденные крестом — главные действующие лица. Их число невелико — немногим более 10, но люди удивительной судьбы и участники значительных событий.

В войне с Японией участвовал матрос с канонерки «Кореец» Илья Павлович Сырельщиков. 27 января 1904 г. Крейсер «Варяг» и «Кореец» близ порта Чемульпо первыми приняли на себя удар японской эскадры из 10 кораблей. На предложение сдаться открыли огонь, сражение продолжалось до темноты, японцы отошли, а русские корабли вернулись в порт, где на глазах у моряков из разных стран мира потопили орудия «Варяга» и взорвали канонерку, чтобы не досталась врагу. В 1949 г. И. П. Сырельщиков был еще жив и сам рассказывал об этом журналисту И. А. Балибалову, который этот рассказ опубликовал в газете «Кузбасс».

В семейных архивах внучек Ильи Павловича — С. П. Зуевой и Л. Т. Половцевой как реликвии хранятся не только эта газета и фотографии деда, но и его солдатский молитвенник. Русская армия, как

и вся Россия, была глубоко верующая в Бога. Каждый полк имел своего священника и походную церковь, где отпевали погибших и молились о победе. Георгиевские кресты и медали деда, как вспоминают внучки после его смерти сдали в Никольскую церковь г. Кемерово, какова их дальнейшая судьба — неизвестно.

На миноносце «Стерегущий», защищавшем Порт-Артур, служил уроженец д. Еловка Тутальской волости Василий Николаевич Новиков. Первая же встреча с японской эскадрой для команды миноносца оказалась роковой. Возвращаясь из разведки, миноносцы «Решительный» и «Стерегущий» встретились с японской эскадрой и приняли бой. Корабль В. Н. Новикова был подбит, но продолжал отстреливаться. Команда «Решительного» отвлекала огонь на себя, но силы были неравные, командир приказал на полном ходу идти за подмогой в Порт-Артур. Оставшийся «Стерегущий» продолжал бой, а когда закончились снаряды, уцелевшие матросы, как пишет А. Н. Степанов в своей книге «Порт-Артур», в том числе и В. Н. Новиков, открыли кингстоны и затопили корабль. Подмога пришла вовремя — матросов спасли. После войны в Петербурге команде «Стерегущего» поставлен памятник. Два года назад в рубрике «История Сибири, Кузбасса в датах и событиях» («Золотые купола» в газете «Кузбасс») я подготовила материал по Русско-японской войне, и вскоре в музей пришел правнук Василия Николаевича — Андреев Андрей Анатольевич, принес и передал нам подлинные фотографии В. Н. Новикова и снимок деда Ф. Новикова, сделанный в Ленинграде у памятника команде «Стерегущего».

И еще одна фотография защитника Порт-Артура — Ивана Семеновича Щеглова из рода основателей города Кемерово.

Работая над поколенной росписью Щегловых, мы с канд. ист. наук И. Ю. Усковым искали ныне живущих потомков. Одной из них оказалась Л. Е. Горелова, она-то и привела к нам Зою Николаевну Щеглову и Федора Ивановича Фролова, у которых сохранились фотографии не только погибшего в Порт-Артуре Ивана Семеновича, но и участников I мировой войны — Василия Алексеевича и братьев Федора и Гавриила Егоровичей. Все они представители ягуновской и кур-исkitимской ветвей большой щегловской семьи. Василий Алексеевич три года провел в австрийском плену, откуда в 1916 г. прислал фотографию. Гавриил Егорович родился в 1876 г., повзрослев, решил стать профессиональным военным, в 1896 г. зауряд-прапорщик Щеглов женился. Прошел две войны. Храбрость и отвага одного из основателей нашего города отмечена Георгиевскими крестами 3-х степеней.

Среди героев I мировой войны наибольший интерес представляют комплекс полного георгиевского кавалера Андрея Алексеевича Брыкова. Его сын Александр Андреевич не только хранит фотографии отца, но и ведет поиск его документов. Из Российского исторического

архива ему прислали послужной список подпрапорщика Брыкова с описанием всех его подвигов. Он был призван на фронт рядовым в составе 31-го Сибирского стрелкового полка, воевал в Восточной Пруссии. За два года, с 1914 по 1916 г. дослужился до подпрапорщика. Погиб в 1918 г. Его сыновья — участники Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В семейном альбоме Кувшиновых сохранились не только фотографии деда Ивана Ефимовича в действующей армии (сделаны они в Галиции в 1914—1915 гг.), но и солдатская ложка с датой 1918 г. Знаменательна она тем, что изготовили ее из корпуса немецкого самолета, сбитого в годы войны. Иван Ефимович прожил долгую трудовую жизнь. Тридцать лет проработал кузнецом на станции Мундыбаш, удостоен правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени. Умер в 1976 г. в возрасте 85 лет.

В ходе подготовки к выставке в Государственном архиве Томской области выявлены новые имена награжденных Георгиевскими крестами. Среди них: 4-ю степень получил Степан Васильевич Дудинский из д. Сухово Верхотомской волости¹; Георгиевского креста 4-й степени за № 583689 и медали удостоен умерший от ран ефрейтор 8-го стрелкового полка Прокофий Сергеевич Пономарев из с. Гурьевка Салаирской волости Кузнецкого уезда²; Никандру Семеновичу Овчинникову, стрелку 9-го Сибирского стрелкового полка из с. Летяжного Тундинской волости Мариинского уезда пожалован Георгий 4-й ст. № 150558 с лентой³ и т.д.

Рядом с копиями наградных документов фотографии наших земляков, солдат русской армии, хранящиеся в фондах музея. Собирались они, как правило, в экспедициях по местам боев в годы Гражданской войны. Например, на одном из снимков (из с. Чумай) видим несколько человек в военной форме, на обороте надпись: «Участники Чумайского восстания 1918 года», хотя снимок сделан гораздо раньше. Родственники, как правило, почти ничего не могли сказать о военном прошлом солдат, охотнее рассказывали о службе в Красной армии, поэтому большая часть снимков для нашей выставки безымянна. Но, собранные вместе, они создают галерею портретов солдат — наших земляков, сражавшихся на фронтах войны. Многие из них, уходя на фронт, оставляли многодетные семьи.

О том, как жили их дети, рассказывает большой блок архивных документов.

19 июля 1914 г. крестьянским начальникам, городским головам (старостам и волостным старшинам Томской губернии разослали циркуляры, в которых «согласно ст. 66 закона 25 июня 1912 г. по призрению (милосердие, участие. — Л. К.) нижних чинов и их семейств должно быть произведено точное обследование на местах личного со-

стала семейств призванных»⁴. Предлагалось учредить попечительства, призванные наладить учет семей военнослужащих для обеспечения их государственными пособиями.

Практика создания попечительств и комитетов началась еще в 1904 г., на выставке представлены отчеты по Анжерским, Судженским копям и Телеутской инородческой управе за 1904 г⁵. Нуждающихся в пособии было немного — от одного до пяти в каждой деревне.

В 1914 г. из Томской губернии мобилизовано на фронт до 30 % мужского дееспособного населения. Вновь образованные попечительские структуры приступили к работе. Число нуждающихся семей увеличилось в несколько раз. Из «отчета Таежного городского комитета, по признанию семейств призванных по мобилизации нижних чинов» за июль 1915 г. в кассу поступило 20 рублей от трех именитых горожан. Пособие выдано 45 женам запасных из расчета 1 рубль на человека. всего 130 рублей. Выданной суммы не хватало, часто подавали прошения с просьбой повысить пособие, но помогали немногим. Остальные кормились со своего хозяйства⁶.

Особое внимание уделялось раненым иувечным солдатам, вернувшимся с фронтов. В каждой волости занимались их трудоустройством, не оставались без помощи и их дети.

Большую работу в Томской губернии вели общества Красного креста, общественные организации. Школьники Мариинска собирали теплые вещи, вязали носки и варежки и отправляли их на фронт. Делали то, что почти полвека спустя будут делать их дети.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что созданная в музее выставка «Герои войн начала ХХ века» вызовет у краеведов и преподавателей истории не только интерес, но и желание продолжить поиск новых материалов.

Примечания

1. ГАТО, ф.3, оп.2, д.7002, лл.3—4.
2. Там же.
3. Там же, лл.343 об.
4. ГАТО, ф. 3, оп.23, д. 192, л.1.
5. ГАТО, ф.117, оп.1, д.17, лл.14—19.
6. ГАТО, ф. 3, оп.23, д. 192, л. 42—45

Т. Д. Чернова,

зав. сектором Кемеровского областного краеведческого музея

Новый общественный городской медицинский музей

В последние годы в обществе активно пробуждается интерес к истории, что приводит к созданию новых различных общественных музеев, в частности школьных музеев, музеев предприятий и организаций. Организаторы общественных музеев очень часто за методической помощью обращаются к нам — работникам государственных музеев. Совместное сотрудничество приводит к появлению новых общественных музеев.

Так, например, 12 февраля 2004 г. в городской клинической больнице № 2 г. Кемерово открылся общественный музей. Открытие музея приурочено к 70-летнему юбилею больницы. На торжественном открытии музеиной экспозиции собрались ветераны и работники больницы, руководство больницы, сотрудники Кемеровского областного краеведческого музея, представители администрации Кировского района г. Кемерово и почётные гости.

Идея создания музея принадлежит администрации больницы. В 2002 году по инициативе администрации больницы история создания каждого отделения была оформлена в виде летописи в альбоме с фотографиями и документами. С лета 2003 года была проведена большая работа по подготовке музейной экспозиции под руководством главного врача МУЗ «ГКБ № 2» Чернобай Н. А. и Рыбиной М. П. — заместителя директора по кадрам МУЗ «ГКБ № 2». Методическую помощь в создании музея оказал Кемеровский областной краеведческий музей в лице Черновой Т. Д. — заведующей сектором отдела современной истории.

Общими усилиями был осуществлён сбор документального материала и предметов музейного значения, их систематизация, заказ специальных витрин с дополнительным освещением. Витрины универсальные в работе с выдвижными панелями для фотоальбомов, низ-тумба с закрывающимися на ключ шторками. Первоначально под музей было выделено небольшое помещение площадью менее 20 квадратных метров. Но с учётом рекомендаций Черновой Т. Д. было принято решение — разместить музейную экспозицию в конференц-зале, с тем чтобы у широкого круга людей была возможность её посетить, а у администрации больницы проводить экскурсии, мероприятия.

Идея администрации о создании собственного музея нашла всестороннюю поддержку в коллективе, особенно среди ветеранов. Многие работники из собственных семейных архивов передали в музей свои реликвии. Экспонаты продолжают поступать и по настоящий момент.

Экспозиция музея больницы № 2. Кемерово, 2004

На торжественном открытии заведующая отделением ФТО Ставницер Н. Г. передала в дар музею редкие книги, среди них — терапевтический справочник 1937 года издания. Старшая медсестра отделения ультразвуковой диагностики подарила музею сборник собственных стихов «Женщины России» (М., 2002 г.). Начальник управления здравоохранения Шпилянский Э. М. пополнил экспозицию музея книгами по здравоохранению города Кемерово и Кемеровской области.

В экспозиции музея Кемеровской городской клинической больницы № 2 представлены уникальные документы, такие как книги приказов 1935—1936 гг., 1940—1942 гг. Много любопытного можно почерпнуть из этих документальных источников. Например, в штатном расписании в 1940 г. были следующие должности — конюх по скорой помощи, старший конюх, коновозщик, кузнец, ваннница, сушильница. В приказе № 23 от 31 мая 1940 г. есть сведения о создании первого рентгенкабинета и назначении на должность 1-го заведующего этим кабинетом Тарасова А. В. Есть и такие приказы, характерные для того исторического отрезка времени: «в связи с арестом НКВД считать уволенным...» (пр. № 55 п.2 от 15/10—1940 г.). В экспозиции представлено множество фотоальбомов, в которых помещены материалы по истории отдельно взятых отделений больницы. В Книгу Почёта, открытую в честь 60-летия образования СССР, постановлением президиума райкома Союза медицинских работников от 27.05.1983 г. внесены имена 35 заслуженных работников больницы. В экспозиции музея неслучайно представлены и материалы по Горбуновой М. Н. (её имя носит городская больница № 1),

именно в этой больнице она начинала свою трудовую деятельность. Среди предметов привлекают внимание и саквояж «докторский» из семьи Кошкина А. С. — заведующего отделением реанимации, потомственного врача; и лампа настольная 1950-х годов с поста медсестры детской больницы № 3, переданная в музей заместителем главного врача по педиатрии Крёковой Н. П.; и наркозный аппарат «Наркон-П» для проведения ингаляционного наркоза 1975 г. выпуска в рабочем состоянии; и хирургические инструменты из травмпункта (травматологическая служба, которую более 30 лет возглавлял Гаврилко И. И., выделилась в самостоятельную из хирургического отделения в 1962 году). Из отделения переливания крови были предоставлены: первый аппарат для определения гемоглобина по методу Салли, первая система для взятия крови, первые индикаторы для контроля стерильности. В витринах также помещен список династий работников больницы, который возглавляет главный врач МУЗ «ГКБ № 2» Чернобай Н. А., материалы по городскому конкурсу на звание «Лучший врач года», фотографии с праздника посвящения в профессию молодых специалистов в ноябре 2003 г. и многое другое.

История больницы — это 70 лет созидания, становления и работы не одного поколения медицинских работников больницы. И создание музея — это закономерный акт для коллектива, который не забывает своего прошлого и думает о будущем.

Радует и то обстоятельство, что администрация больницы видит перспективы развития своего музея, планирует в будущем разместить его во вновь отремонтированном терапевтическом корпусе и ввести в штат специальную единицу, с тем чтобы не только проводить большую просветительскую и воспитательную работу, но и организовывать правильный учёт и хранение, осуществлять сбор экспонатов.

Т. И. Кимеева,
директор Музея физкультуры и спорта
Кузбасса, канд. культурологии

Проблемы комплектования, хранения и экспонирования коллекций музея физкультуры и спорта Кузбасса

Спортивное наследие, являющееся частью всемирного культурного наследия, представляет собой несомненную ценность, и необходимо сохранять его, чтобы лучше понять пройденный путь, разобраться в настоящем, задуматься о будущем. Тема спорта сегодня весьма актуальна, а музей спорта предоставляет реальную возможность показать публике связь между прошлым и будущим. Едва ли можно создать историю XX века и начала века XXI, не принимая во внимание спорт как социокультурное явление.

Деятельность музея физкультуры и спорта может развиваться в двух направлениях. Первое включает комплектование и хранение коллекций, а также обработку всей информации, связанной с историей физической культуры и спорта. Музей должен выполнять роль источника информации и исследовательского центра, куда могут обратиться как преподаватели вузов, где имеются программы образования в области физической подготовки и спорта, так и историки. Таким образом, музей приобретет статус центра документации и информации по истории физкультуры и спорта Кузбасса. Второе направление развития музея связано с использованием имеющихся материалов и полученной с их помощью информации для удовлетворения запросов широкой публики — как спортсменов, так и любителей спорта.

На наш взгляд, музей данного профиля должен быть не только хранителем славы легендарных побед. Его предназначение гораздо шире. Задача музея в том, чтобы собирать как можно больше информации в таких особых областях человеческой деятельности, как физкультура и спорт. Успехи и результаты спортивных состязаний лишь одна сторона дела. Перед музеями спорта открыта и такая возможность — сбор и экспонирование художественных произведений, посвященных спорту. Чтобы музей спорта имел свое лицо, свой неповторимый характер, можно широко представлять в экспозиции народные виды спорта и игры. Это могут быть: русская народная спортивная игра городки, телеутская игра, связанная с метанием утяжеленной на конце палки энбранкай, шорские соревнования в стрельбе из лука и т.д.

Собранные и систематизированные материалы должны стать основой для более глубокого их изучения специалистами, использующими

П. Толстиков, А. Кисlyх в музее спорта.
1999 г.

быть приспособлен тематический классификатор, основанный на сложившейся в отечественном музееведении классификации памятников материальной культуры. Такой электронный каталог удобен и доступен для неискушенного пользователя и является хорошим способом рационализации работы по комплектованию, составлению типологической классификации памятников из музейных коллекций.

В перспективе нельзя исключать возможность «подключиться к сети» других музеев, придерживающихся аналогичного подхода, создать дополнительные программы или организовать временные выставки. Коллекции из запасников, кроме временных выставок, можно использовать для специальных тематических лекций или экскурсий.

В музее физкультуры и спорта, где каждый из спортсменов, сдавший в музей свои экспонаты, хотел бы их видеть представленными в экспозициях, вполне применимой явились бы открытая форма хранения. Она помогла бы избежать перенасыщенности материалов в экспозициях. Определенным слоям посетителей как заинтересованным посетителям (бывшим спортсменам, студентам спортивных факультетов вузов и колледжей, ученикам спортивных школ), можно предоставить открытый доступ к большей части коллекций музея.

Для этих целей в фондохранилище можно использовать небольшие секционные шкафы, представляющие собой вариант экспозиционной витрины, или старые стеклянные витрины для демонстрации определенных коллекций. Предметы в них следует группировать по видам спорта, производя отбор таким образом, чтобы представить коллекции во всем их разнообразии. В этом случае появится возможность показать больше экспонатов и обеспечить более широкий доступ к самым различным коллекциям. Дополнительную информацию заинтересо-

те же методы, что и в музеях других профилей.

Многие виды деятельности каждого музея, в том числе и музея физкультуры и спорта, связаны с коллекциями, хранящимися в запасниках. Поэтому следует уделять постоянное внимание организации повседневной работы музейных хранилищ. Хранитель должен знать, какие коллекции хранятся в запасниках, вести на них картотеку, постоянно обновляя и пополняя ее новейшими данными. Для этой цели с учетом специфики музея физкультуры и спорта может

ванные посетители могут получать, воспользовавшись установленным здесь же компьютером.

Открытая форма хранения, которая не является экспозицией в общепринятом смысле этого слова, является дискуссионной в современном музееоведении¹, но для музея данного профиля она была бы, на наш взгляд, приемлемой и удобной. Она привлекательна тем, что познакомит читателя с большим количеством экспонатов и даст представление о богатстве музейных коллекций, а также удовлетворит требованиям взыскательных бывших владельцев коллекционных материалов.

Примечание:

1. Слейтер Д. Открытое хранение: эксперимент в Музее Гленбоу// Museum. 1996. № 2. С. 13—18.

И. Ю. Усков,
канд. ист. наук

Новый документ по истории старинного села

Роспись Томского ведомства Пачинского села Предтеченской церкви священника Федора Исаева сына Рагозина обретающимся при оной церкви в приходе нижеявленных чинов людей со изъявлением против коего имен о бытии их во святую четыредесятницу у исповеди и святых таинств причастия и кто ж исповедовался токмо, а не причастился и кто не исповедовался за 1742 год.

Духовные и их домашние

1. Поп Федор Исаев сын Рагозин 42, жена Матрена Левонтьева 36, дети их: Михаил 4, Ирина 13, Анна 4.
2. Дьячок Григорий Иванов сын Пырсиков 34, жена Гликерия Герасимова 36, дети их: Андреян 9, Михайло 6, Анна 3; тесть его крестьянин Герасим Мартынов сын Мартынов 74.

Дети боярские и их домашние

3. Степан Яковлев сын 51, жена Ульяна Андреева 50, дети их: Тимофей 15, Алексей 9, Марья 22, Агафья 9, Домна 8.

Конные казаки и их домашние

4. Игнатий Федоров сын Саламатов 64, жена Ульяна Яковleva 64, дети их: Дмитрий 38, Фекла 17; Дмитриева жена Анна Карпова 34, сын их Яков 4.
5. Тимофей Васильев сын Макаров 54, жена Улита Алексеева 64, дети их: Максим 34, Петр 23; Максимова жена Агриппина Григорьева 34.

Казачьи дети и их домашние

6. Петр Васильев сын Вяткин 64, жена Варвара Ивановна 64.
7. Иван Григорьев сын Некрасов 44, жена Матрена Иванова 40.
8. Егор Ильин сын Безсонов 44, жена Прасковья Иванова 46, дети их: Осип 18, Дмитрий 19, Тит 11, Катерина 22.
9. Иван Григорьев сын Монастырев 22, братья его Захар 13, Иван 9, Василий 8, сестра девица Евдокия 19; мать их вдова казачья жена Катерина Васильева 54, сноха их Пелагея Арсентьева 26.

10. Федор Семенов сын Монастырев 26, жена Татьяна Данилова 26, мать его вдова казачья жена Евфимия Остафьева 64.
11. Матвей Иванов сын Киселев 54, жена Дарья Яковleva 44, дети их: Прокопий 26, Иван 7, Улита 31; Прокопьева жена Анна Прокопьевна 20.
12. Василий Иванов сын Киселев 74, жена Федосья Исаева 86, дети их: Федор 19, Степанида 21.
13. Андрей Иванов сын Колмогоров 64, жена Матрена Федорова 60, дети их: Федор 30, Григорий 25, Василий 15, Гаврило 14, Алексей 10, Феодосия 11; Федорова жена Марфа Петрова 26, дети их: Татьяна 4, Евдокия 1; Григорьева жена Ефимия Васильева 29, дети их: Федор 2, Анисья 1.
14. Козьма Григорьев сын Бутаков 46, жена Дарья Васильева 46, сын их Василий 16, жена Прасковья Васильева 20; мать его вдова казачья жена Матрена Андреева 92.
15. Козма Андреев сын Безсонов 45, жена Васса Дмитриева 38, дети их: Федор 21, Иван 6, Денис 3, Ирина 16, Наталья 12, Неонила 14, Марья 6.
16. Андрей Федоров сын Безъязыков 30, жена Ульяна Никифорова 24, дочь их Нина 4.
17. Иван Иванов сын Колмогоров 54, жена Марья Осипова 44, дети их: Герасим 6, Настасья 12, Ефимия 8; племянник казачий сын Федор Петров сын Колмогоров 34, жена Марья Иванова 35, дети их: Ефрем 8, Яков 6.
18. Федор Данилов сын Путимцов 49, жена Агафья Иванова 41, дети их: Тимофей 7, Марья 9; брат родной Алексей 34, жена Татьяна Федорова 26, сын их Петр 3, мать их вдова казачья жена Федосья Яковлевна 84.
19. Степан Семенов сын Третьяков 22, жена Матрена Григорьева 31; бабка его вдова казачья жена Ирина Григорьева 94, внучка ее Пелагея 32.
20. Захар Алексеев сын Шукунов 84, жена Анисья Иванова 80, дети их: Федор 28, Ирина 26; Федорова жена Матрена Малафеева 25, сын их Никита 6.
21. Павел Андреев сын Безъязыков 54, жена Васса Петрова 44, дети их: Михаил 6, Федор полгода, Анна 9, Марья 8.
22. Матвей Андреев сын Засухин 54, жена Агриппина Тимофеева 51, дети их: Иван 34, Василий 14; Иванова жена Ирина Осипова 36.
23. Матвей Дмитриев сын Засухин 34, жена Матрена Иванова 34.
24. Федор Васильев сын Макаров 50, жена Евдокия Михайлова 44, дети их: Иван 8, Иван же 5, Федосья 14, Марья 12, Настасья 8, Февронья 6.
25. Прокопий Иванов сын Соломин 44, жена Евдокия Андреева 43, дети их: Домна 24, Анна 21, Настасья 10; брат родной Афанасий 39, жена Прасковья Петрова 34, дети их: Марко 15, Василий 13, Афанасий 5.
26. Гаврило Васильев сын Соломин 44, жена Феодора Павлова 44, дети их: Дмитрий 8, Илья 5, Анна 6.
27. Степан Васильев сын Соломин 43, жена Соломия Федорова 43, сын их Михайло 16; мать его вдова казачья жена Евгения Панкратова 64.
28. Иван Иванов сын Червев 32, жена Евдокия Григорьева 32, дети их: Домна 6, Татьяна 3.
29. Василий Макаров сын Давыдов 74, жена Варвара Кириллова 54, сын их Лукьян 31, жена Устинья Федорова 27, дети их: Григорий 7, Маремьяна 8, Алексей 10, Евдокия 18, Евдокия же 22, Дарья 8.
30. Илья Петров сын Безсонов вдов 83, дети его: Кирилл 53, Марья 44; Кириллова жена Прасковья Иванова 34.
31. Степан Васильев Вяткин 43, жена Прасковья Яковлевна 44, дети их: Григорий 6, Мавра 11, Евдокия 9; племянник его казачий сын Филипп Михайлов сын Вяткин 32, сестра девица Акулина 24.
32. Аврентий Яковлев сын Пичугин 42, жена Меланья Михайлова 32, дети их: Прокопий 8, Матрена, Евфросинья; брат родной Иван 33, жена Анисья Васильева 31.
33. Григорий Иванов сын Некрасов 44, жена Евдокия Лукьяннова 44.

34. Алексей Васильев сын Вяткин вдов 66, дети его Иван 22, Тимофей 38, Ефимия 24; Тимофеева жена Васса Иванова 40, дети их: Исакий 11, Евдокия 8, Агафья 5.
35. Иван Васильев сын Вяткин 33, жена Агафья Павлова 56, дети их: Конон 24, Савва 23, Пелагея 21, Анна 16, Гликерия 11; мать вдова казачья жена Наталья Зиновьева 61.
36. Дмитрий Карпов сын Некрасов 62, жена Настасья Зинова 60, дети их: Никита 23, Иван 22, Иван же 16, Ирина 14, Улита 12, Ирина 10.
37. Петр Савельев сын Шелковников 66, жена Васса Иванова 66, дети их: Афанасий 34, Максим 32, Михей 30, Марья 18; Афанасьевы жена Евфимия Семенова 31, дети их: Илья 12, Анна 7, Варвара 6; Максимова жена Марья Иванова 40.
38. Лукьян Карпов сын Некрасов вдов 70, дети его: Петр 36, Алексей 28; Петрова жена Гликерия Матвеева 45; Алексеева жена Марина Петрова 26.
39. Федор Яковлев сын Вяткин вдов 77, дети его: Осип 44, Василий 33; Осипова жена Васса Лукьяннова 52, дети их: Дорофей 18, Василий 10, Ефросинья 16, Агриппина 12, Анна 11; Васильева жена Устинья Иванова 30, сын Семен 5.
40. Алексей Борисов сын Балахнин 33, жена Акулина Васильева 32, дети их: Соломия 6, Анна 4.
41. Иван Елизаров сын Изенев 50, жена Устинья Алексеева 42, дети их: Дорофей 9, Иван 8; мать вдова казачья жена Наталья Арефьева 76.
42. Кирилло Иванов сын Некрасов 63, жена Матрена Дорофеева 62, дети их: Егор 29, Петр 21; Егорова жена Настасья Иванова 32.
43. Гаврило Иванов сын Некрасов 57, жена Федора Васильева 62, дети их: Афанасий 13, Марфа 21.
44. Федор Яковлев сын Киселев 42, жена Марья Миронова 40, дети их: Матвей 12, Кирилло 6.
45. Григорий Иванов сын Некрасов 32, жена Евдокия Лукьяннова, дети их: Афанасий 23, Мавра 11, Евдокия 12.
46. Григорий Карпов сын Некрасов 58, жена Прасковья Федорова 63, дети их: Иван 32, Василий 22; Иванова жена Настасья Иванова 32, дети их: Харитон 6, Александр 5, Варвара 6, Марья 4.
47. Михайло Сергеев сын Калмыков 73, жена Марья Васильева 75, дети их: Матрена 26, Варвара 22.
48. Михайло Прокопьев сын Некрасов 56, жена Евдокия Гаврилова 60, дети их: Афанасий 34, Иван 26, Яков 22; Афанасьевы жена Марья Герасимова 34, дети их: Василий 8, Прасковья 20; Иванова жена Маремьяна Дорофеева 24.
49. Григорий Гаврилов сын Некрасов 26, брат Григорий же 34, сноха их вдова Прасковья Михайлова 36.
50. Никита Иванов сын Некрасов 64, жена Матрена Алексеева 54, дети их: Григорий 14, Данило 9, Неонила 10, Ирина 9.
51. Иван Дмитриев сын Некрасов вдов 62, сестра девка Акулина 61.
52. Алексей Федоров сын Буков 42, жена Меланья Васильева 34, дочь Мария 6.
53. Афанасий Михайлов сын Пинигин 51, жена Федора Иванова 40, дети их: Василий 20, Иван 17, Домна 19, Настасья 9; брат родной Захар 40, жена Фекла Петрова 26, дети их: Алексей 2, Федор полгода, Анна 4, сестра их девка Ульяна 26, мать их вдова казачья жена Васса Васильева 70.
54. Яков Деев сын Шишкин 44, жена Агафья Михайлова 36, дети их: Екатерина 8, Евдокия 5, Ирина 2.

Посадские и их домашние

55. Осип Иванов сын Буков вдов 65, дочь его Матрена 22, брат родной Михайло 46, жена Аксинья Степановна 46.

56. Василий Тимофеев сын Буков 64, жена Прасковья Яковлева 52, дети их: Кирилло 22, Марья 16.
57. Иван Тимофеев сын Буков 40, жена Васса Федорова 34, дети их: Егор 6, Агафия 10, Елена 5, Анна 4.
58. Степан Михайлов сын Козин 62, жена Меланья Филиппова 52, дети их: Иван 32, Григорий 22, Илья 12, Агриппина 17, Агриппина же 10, Евдокия 7.
59. Тимофей Осипов сын Буков 52, жена Анна Осипова 44, дети их: Василий 11, Лукиян 5, Домна 16, Евдокия 4.
60. Алексей Федоров сын Буков 52, жена Евдокия Иванова 44, дети их: Иван 17, Артемий 12, Алексей 4, Дарья 14, Анна 10, Ирина 8, Агриппина 5.
61. Иван Степанов сын Фролов 39, жена Катерина Андреева 41, сын их Иван 7, братья родные: Григорий 34, Прокопий 27, Егор 28, сестра их Васса 22; Григорьева жена Марья Иванова 31, дети их: Степан 4, Акулина 6, Федосья 5.
62. Иван Иванов сын Зарубин 43, жена Евдокия Иванова 45, дети их: Андрей 22, Петр 19, Киприян 6, Марья 8, Агафья 7.
63. Данило Иванов сын Сыров 54, жена Прасковья Васильева 42, дети их: Спиридон 28, Ерофей 22, Матрена 25; Спиридонова жена Прасковья Васильева 24.
64. Михаило Иванович сын Зарубин 64, жена Екатерина Карпова 54, дети их: Петр 24, Терентий 15, Гаврило 4, Анна 10, Наталья 7; Петрова жена Марфа Григорьева 22.
65. Василий Иванов сын Зарубин 32, жена Настасья Федорова 32, дети их: Егор 10, Киприян 8, Ирина 7.
66. Герасим Осипов сын Трегубов 52, жена Евдокия Иванова 42, дети их: Григорий 10, Семен 4; брат Иван 32, сестры их Марина 55, Агриппина 22.
67. Степан Иванов сын Кудрявцев 64, дети его: Дмитрий 14, Федор 10, Марина 24, Анна 19.
68. Иван Федоров сын Давыдов 72, жена Прасковья Федорова 42, дети их: Степан 12, Семен 7, Катерина 18; брат родной Михаило 42, жена Степанида Степанова 40, дети их: Максим 5, Варвара 8, Агафья 6, Ирина 3.
69. Онофрий Степанов сын Шелеванов 64, жена Настасья Осипова 44, дочь их Ирина 16.
70. Алексей Игнатьев сын Сизев 64.
№ 71—73 — пропущены.
74. Матвей Игнатьев сын Сизев 44, жена Варвара Ларионова 44, дети их: Александр 15, Алексей 7, Иван 4, Евдокия 17, Анна 16.
75. Иван Филиппов сын Сизев 44, жена Татьяна Михайлова 44, дети их: Андрей 14, Федор 5, Анна 6; теща его вдова крестьянская жена Татьяна Михайлова 64.
76. Матвей Иванов сын Гилев 54, жена Анна Гавrilova 44, дети их: Степан 20, Аникей 17, Михаило 12, Иван 10, Иван же 7, Ульяна 18, Феодора 10, Прасковья 5; брат родной Никифор 44, жена Наталья Ларионова 43, дети их: Трофим 22, Иван 12, Катерина 17, Татьяна 7; Трофимова жена Гликерия Иванова 22.
77. Иван Игнатьев сын Сизев 74.
№ 78—80 — пропущены.

Крестьяне и их домашние

81. Алексей Егоров сын Воронов вдов 72, дети его: Федор 34, Никифор 22, Ксения 24, Агриппина 20.
82. Иван Денисов сын Медынцов 44, жена Марфа Федотова 38, дети их: Алексей 12, Тимофей 6, Петр 5, Анисья 18.
83. Алексей Карпов сын Белянин 44, жена Варвара Иванова 42, дети их: Александр 14, Тимофей 13, Фекла 10; братья родные Андрей 30, Федор 26; Андреева жена Дарья

- Герасимова 32, дети их: Григорий 5, Наталья 6; Федорова жена Неонила Иванова 30, дети их: Николай 6, Евдокия 11.
84. Тимофей Карпов сын Белянин 54, жена Евдокия Иванова 44, дети их: Алексей 18, Михаило 17, Иван 8; Алексеева жена Ирина Иванова 22
85. Григорий Егоров сын Воронков 62, жена Марфа Карпова 64, дети их: Иван 24, Панкратий 22, Гликерия 21, Пелагея 15; Иванова жена Евфросинья Данилова 32, дети их: Иван 6, Дарья 6, Прасковья 4; Панкратова жена Софья Максимова 22, дочь их Анна 1.
86. Лукьян Иванов сын Анкудинов 42, жена Пелагея Семенова 44, дети их: Петр 12, Григорий 11, Василий 8, Прасковья 14.
87. Гаврило Егоров сын Воронков 48, жена Пелагея Михайлова 44, дети их: Тимофей 18, Константин 12, Иван 10, Кирилло 6, Степан 5, Гликерия 8, Прасковья 6.
88. Василий Захаров сын Пырсиков 34, жена Анна Петрова 34, дети их: Андрей 10, Гликерия 7, Татьяна 3.
89. Петр Никифоров сын Пырсиков 44, жена Катерина Афанасьевна 42, дети их: Василий 13, Фотей 11, Марья 12, Татьяна 9, Прасковья 6; брат родной Тимофей 42, жена Анна Леонтьева 38, дети их: Алексей 14, Алексей же 6, Лазарь 4, Агриппина 10.
90. Прокопий Захаров сын Пырсиков 44, жена Мавра Алексеева 44, дети их: Степан 15, Сергей 4, Степанида 9, Наталья 8, Васса 6.
91. Дмитрий Захаров сын Пырсиков 44, жена Агриппина Карпова 44, дети их: Иван 12, Иван же 9, Екатерина 19, Ефимия 13, Соломия 4.
92. Игнатий Иванов сын Шомшин 64, жена Марья Павлова 64, дети их: Козьма 24, Егор 22, Марья 24, Евдокия 12; Козьмина жена Мавра Васильева 24, дочь их Татьяна 3.
93. Андрей Зиновьев сын Анисимов 54, жена Елена Иванова 44, дети их: Алексей 8, Василий 9, Марина 15, Ефимия 11, Татьяна 9.
94. Афанасий Спиридонов сын Шомшин 44, жена Васса Михайлова 36, дети их: Иван 12, Иван же 5, Пелагея 6, сестра его девка Ирина 32; мать их вдова крестьянская жена Домна Степанова 72.
95. Василий Клементьев сын Кузнецов 54, жена Анна Васильева 56, дети их: Максим 10, Сергей 4, Ирина 9.
96. Степан Игнатьев сын Сизев 74, жена Акулина Софонова 62, дети их: Кондратий 26, Василий 24, Матрена 22; Кондратьева жена Степанида Федорова 42, дети их: Михаило 7, Степан 3, Васса 6; Васильева жена Гликерия Степанова 24.
97. Федор Петров сын Крылов 24, жена Ксения Леонтьева 24, мать вдова крестьянская жена Евдокия Степанова 84.
98. Арсений Ильин сын Ильиных 74, жена Прасковья Софонова 74, дети их: Гаврило 46, Алексей 33, Степан 26; Гавrilova жена Татьяна Семенова 44, дети их: Захар 14, Константин 12, Иван 9; Алексеева жена Татьяна Иванова 36; Степанова жена Дарья Федорова 28.
99. Иван Васильев сын Моховиков вдов 44, дети его: Максим 24, Степан 12, сестра девка Матрена 44.
100. Федор Козьмин сын Ливанов 44, жена Евдокия Никифорова 32, дети их: Петр 22, Федор 12, Мелания 20.
101. Илья Козьмин сын Ливанов 52, жена Наталья Данилова 44, дочь Евдокия 6.
102. Иван Филиппов сын Хромой 64, жена Ирина Михайлова 64, дети их: Алексей 34, Иван 18, Евдокия 19.
103. Андрей Ильин сын Ильиных 64, жена Софья Васильева 65, дети их: Григорий 44, Михаило 29; Григорьева жена Евдокия Петрова 36, дети их: Яков 10, Василий 5, Анна 16; Михайлова жена Анна Ильина 24, сын их Иван 3.
104. Иван Сергеев сын Ильиных 36, жена Агафья Афанасьевна 44, дети их: Николай 14, Василий 8.
105. Иван Сергеев сын Ильиных 34, жена Варвара Иванова 30, сын их Иван 4; брат родной Григорий 38, жена Евдокия Иванова 44, сын их Иван 8.

106. Матвей Дмитриев сын Старинников 50, жена Екатерина Кириллова 49, дети их: Дмитрий 15, Степан 9, Агриппина 12.
107. Михайло Дмитриев сын Старинников 43, жена Марья Карпова 44, дети их: Федор 14, Иван 13, Терентий 8, Евдокия 18, Марфа 6.
108. Семен Герасимов сын Старинников 34, жена Агафья Ларионова 34, дети их: Федор 12, Семен 9, Евдокия 13, Матрена 4, Домна 3.
109. Василий Дмитриев сын Старинников 64, жена Устинья Афанасьева 64, сын их Герасим 34, жена Федора Иванова 34, дети их: Семен 14, Дмитрий 11, Прохор 4, Неонила 12, Ирина 6, Евдокия 3.
110. Иван Лукъянов сын Старинников 34, жена Марья Прокопьевна 36, дети их: Михайло 8, Ларион 6, Федор 5.
111. Иван Дмитриев сын Толстов 54, жена Марья Яковleva 56, дети их: Сергей 21, Василий 14, Настасья 22.
112. Карп Данилов сын Тычев 54, жена Анна Федорова 43, дети их: Влас 24, Степан 8, Матрена 14, Татьяна 11; Власова жена Акулина Петрова 24.
113. Алексей Ефтифеев сын Давыдов 44, жена Матрена Иванова 42, дети их: Семен 10, Матвей 7, Пантелеимон 6.
114. Семен Сергеев сын Ильиных 20, брат Гаврило 8, сестры их: Ульяна 24, Евдокия 18, Варвара 12, Агриппина 7, мать их вдова крестьянская жена Марина Кириллова 64.
115. Леонтий Иванов сын Вагин 66, жена Катерина Иванова 62, дети их: Михайло 26, Иван 19, Фотей 17, Домна 14, Матрена 13, Ирина 11; Михайлова жена Неонила Филиппова 26, дети их: Василий 2, Фекла 4.
116. Иван Степанов сын Вагин 44, жена Васса Григорьева 34, дети их: Козьма 21, Акулина 18, Матрена 15; брат родной Петр 38, жена его Марья Лукъянова 34, дети их: Василий 18, Андриян 6, Акулина 14; сестры их девки Ирина 19, Наталья 24; Козьмина жена Анна Никифорова 22.
117. Дмитрий Михайлов сын Кунгуров 64, жена Марфа Яковleva 44, дети их: Андрей 33, Сидор 8, Иван 6, Анна 18, Марфа 11; Андреева жена Агриппина Иванова 32, Дмитриева сноха вдова крестьянская жена Евдокия Филиппова 54, дети ее: Василий 14, Прасковья 12.
118. Федор Васильев сын Кудрин 58, жена Евдокия Петрова 64, сын их Федор 15; братья родные: Борис 42, Иван 38, Семен 28; Борисова жена Татьяна Иванова 44; Иванова жена Марья Степанова 29, дети их: Игнатий 6, Леонтий 3; Семенова жена Ирина Иванова 33, сын их Степан 7.
119. Влас Малафеев сын Юншаков 32, жена Ксения Иванова 32, дети их: Никифор 6, Михайло 4, Евдокия 8, Марья 7.
120. Василий Семенов сын Кудрин 34, жена Марья Петрова 36, дети их: Степан 8, Марья 6, Акулина 5; мать вдова Евдокия Григорьева 72.
121. Григорий Степанов сын Камынин 64, жена Евдокия Федорова 66, дети их: Митрофан 32, Ларион 26; Митрофанова жена Наталья Григорьева 28, дети их: Алексей 9, Михаило 4; Ларионова жена Агафья Петрова 28.
122. Степан Степанов сын Камынин 69, жена Наталья Григорьева 69, дети их: Никифор 34, Семен 21, Матрена 27, Матрена же 18; Никифорова жена Анна Яковleva 28, дети их: Евфросинья 6, Анна 5, Матрена 4; Семенова жена Ефимия Иванова 28, дочь их Маремьяна 9.
123. Алексей Степанов сын Камынин 46, жена Капиталина Васильева 43, дети их: Степан 14, Яков 10, Евдокия 13, Акулина 9, Марфа 6, Пелагея 4.
124. Михайло Петров сын Пырсыков 34, сестра девка Прасковья 18; мать их вдова крестьянская жена Степанида Павлова 62.
125. Степан Васильев сын Марамыгин 46, жена Прасковья Яковлевна 29, дети их: Евдоким 20, Нестор 10; Евдокимова жена Татьяна Петрова 20.

126. Семен Васильев сын Марамыгин 42, жена Катерина Прокопьева 34, дети их: Яков 7, Дарья 17, Прасковья 13, Евдокия 10.
127. Осип Васильев сын Марамыгин 36, жена Настасья Гаврилова 34, сын их Михайло 7.
128. Василий Иванов сын Бушуев 74, жена Анна Юрьева 76.
129. Петр Иванов сын Бушуев 72, жена Евдокия Григорьева 64, дочь их Екатерина 24; зять его крестьянин Никифор Осипов сын Сапожников 42, жена его Ульяна Петрова 32.
130. Андрей Петров сын Бушуев 41, жена Акулина Филиппова 34, дети их: Данило 21, Степан 12, Иван 6, Ирина 15, Прасковья 11; Данилова жена Евдокия Петрова 25.
131. Федор Кириллов сын Шелыханов, жена Лукерья Андреева 44, дети их: Козьма 11, Улита 16, Прасковья 10, Матрена 5, Петр 1.
132. Лаврентий Алексеев сын Тимофеевых 26, жена Агриппина Петрова 22, дети их: Егор 6, Ирина 8; брат родной Василий 24, жена Матрена Осипова 20, мать их вдова крестьянская жена Домна Тимофеева 52.
133. Борис Егоров Юрманов 54, жена Ирина Пантелеева 50, дети их: Галактион 26, Михайло 6, Домна 14, Ксения 5; Галактионова жена Марья Федорова 22.
134. Яков Иванов сын Тимофеев 20, сестры его девки Евдокия 24, Маремьяна 14; мать их вдова крестьянская жена Агриппина Иванова 46.
135. Кондратий Леонтьев сын Маюров 34, жена Пелагея Степанова 34, сын Михайло 10, брат его Егор 16, сестра их Анна 18.
136. Андрей Иванов сын Отравин 64, жена Анна Иванова 44, дети их: Василий 34, Михайло 15; Васильева жена Екатерина Иванова 34, дети их: Марья 11, Агриппина 6.
137. Тимофей Иванов сын Тимофеев 44, жена Прасковья Григорьева 44, дети их: Иван 6, Прасковья 19, Домна 15, Марья 13, Евдокия 10.
138. Григорий Иванов сын Тимофеев 64, жена Прасковья Петрова 54, дети их: Прокопий 36, Антон 33; Прокопьева жена Екатерина Иванова 36, дети их: Гаврило 7, Игнатий 7, Евдокия 6; Антонова жена Ульяна Онисимова 28, дети их: Меланья 4, Сила 1; Григорьева сноха Анна Данилова 32, брат ее крестьянин Петр Данилов сын Дунаев 22.
139. Алексей Гаврилов сын Тимофеевых 34, жена Ульяна Иванова 22, дети их: Михайло 18, Анна 19, Наталья 8.
140. Дмитрий Григорьев сын Маюров вдов 64, дочь его девка Соломия 24; сноха его вдова крестьянина жена Марья Ильина 43, дети ее: Захар 11, Еремия 9, Софья 12, Меланья 10.
141. Никифор Иванов сын Пырсиков 44, жена Фекла Иванова 44, дети их: Андрей 15, Ларион 5, Меланья 16; брат родной Иван 38, жена Ирина Иванова 36, дети их: Петр 4, Евдокия 10, Екатерина 9; мать их вдова крестьянская жена Ирина Михайлова 72.
142. Петр Егорьев сын Юрманов 66, жена Анна Кириллова 64, дети их: Иван 38, Павел 36; Иванова жена Федосья Осипова 42, дети их: Иван 18, Яков 12, Самсон 9, Тимофей 8, Прокопий 4; Павлова жена Меланья Афанасьева 30, дети их: Иван 5, Александр 3; Петрова сноха вдова крестьянская жена Агриппина Прохорова 46, дети ее: Максим 16, Васса 17.
143. Иван Григорьев сын Юрьев 66, жена Наталья Денисова 64, дети их: Федор 36, Кирилло 34, Матвей 30; Федорова жена Акулина Дмитриева 30; Кириллова жена Прасковья Григорьева 25; Матвеева жена Анна Андреева 32; Иванов племянник крестьянин Иван 17.
144. Прокопий Васильев сын Пырсиков 24, жена Прасковья Васильева 22; братья родные: Сидор 16, Александр 14, Василий 5, Филипп 4; сестры их девки Ксения 17, Васса 8; мать их вдова Улита Степанова 52.
145. Никифор Иванов сын Юрьев вдов 64, дети его: Андрей 42, Михей 32, Татьяна 24; Андреева жена Гликерия Иванова 29, дети их: Бонифатий 15, Иван 12, Иван же 9,

- Григорий 6, Агафья 16; Никифорова сноха крестьянская жена Софья Иванова 42, дети ее: Иван 17, Иван же 9.
146. Андрей Михайлов сын Иевлев 30, жена Прасковья Григорьева 36, сын их Михайло 4.
147. Михайло Иванов сын Яренцов 64, жена Акулина Данилова 42, дети их: Никита 38, Андрей 26, Иван 16; Никитина жена Дарья Иванова 38, дети их: Федот 6, Пелагея 15, Варвара 11; Андреева жена Фекла Михайлова 24, сын их Иван 3.
148. Петр Иванов сын Масадан 80, дочери его: Дарья 19, Евдокия 15.
149. Петр Алексеев сын Юрьев 32, жена Ирина Федорова 32, дети их: Савва 14, Гаврило 10, Матрена 10, Прасковья 8, Васса 3; брат родной Козьма 42, жена Гликерия Софонова 40, дети их: Семен 16, Григорий 14, Федор 4; мать их вдова Анна Кононова 74.
150. Иван Григорьев сын Юрьев 44, жена Федосья Елфимова 42, дети их: Андреян 18, Герасим 14, Илья 7.
151. Павел Григорьев сын Фокин 24, жена Евдокия Федорова 24, сын их Иван 5; сестры его Марья 20, Евдокия 19; мать их вдова Акулина Иванова 62.
152. Федор Дмитриев сын Кардополов 45, жена Степанида Васильева 35, дети их: Тимофей 10, Пелагея 5, Феодора 4.
153. Василий Яковлев сын Баранов вдов 70, сын его Федор 34, жена Наталья Васильева 24; брат его Петр 64, жена Марья Иванова 50, дети их: Семен 16, Федор 15; Семенова жена Мавра Васильева 24.
154. Андрей Михайлов сын Тимофеевых 42, жена Феодора Степанова 42, дети их: Евдокия 13, Анна 6; братья родные: Никифор 34, Алексей 30; Никифорова жена Евдокия Григорьева 25; Алексеева жена Федосья Михайлова 30; сестра их девка Агриппина 22; мать их крестьянская жена Гликерия Дмитриева 60.
155. Дорофей Григорьев сын Пырсиков 20, сестра его девка Татьяна 22.
156. Семен Герасимов сын Мартынов 32, жена Анна Андреева 28, дети их: Анна 16, Софья 10, Наталья 7.

	д. м. п.	д. ж. п.		д. м. п.	д. ж. п.
Духовные	5	5	Посадские	94	86
Разночинцы	150	163	Поселяне	292	280

ГАТО, ф. А-173, оп. 1, д. 13.

Из истории прихода Сосновского острога

Начало истории прихода (низшей структурной единицы) Русской православной церкви в Сосновском остроге связано непосредственно с моментом его основания. Согласно записям Миллера, острог был построен в 1660 г. и в нем церковь во имя Образа Спасителя¹. В работе Д. Я. Резуна высказано предположение о том, что данный храм был построен, скорее всего, после 1657 г.² Но уже в XVIII в. главный престол был посвящен празднику Преображения Господня³, и данное посвящение уже не менялось. Храм, который существовал вплоть до начала XX в., был построен в 1846 г. и был деревянным⁴.

Приход объединял несколько населенных пунктов, на 1914 г. в состав прихода входили: село Сосновский острог, деревни Константинова (в 6 верстах от села, далее в скобках дается расстояние от села в верстах — А. А.), Усть-Сосновка (10), Килина (8), Михайлова (15), Воронова (10), Пашкова (15), Мелкова (19), Нижне-Шубина (24), Верхне-Шубина (15), Истомина (21), Ботьева (Березовка) [28], Северная (28), Маркина (Ельцовка) [15]⁵. Подобный состав прихода не был стабилен на всем протяжении его существования. Так из документов Тобольской духовной консистории известно, что в 1812 г. после ликвидации Иткаринского прихода в данный приход были переданы: деревни Асанова с населением в 38 душ мужского пола (далее — д. м. п.), находившаяся в 6 верстах от села, Анкудинова — 21 д. м. п. в 7 верстах, Басалаева — 24 д. м. п. в 15 верстах, Филонова — 42 д. м. п. в 16 верстах, Безменова — 28 д. м. п. в 20 верстах⁶.

Состав населения данного прихода мы можем восстановить на основании нескольких источников. Для XVIII в., в первую очередь, это экстракты их духовных росписей, составляемые Тобольской духовной консисторией, в которых указывалось количество душ мужского и женского пола по отдельным сословным категориям. Для второй половины XIX в. это клировые ведомости, в которых отражались краткие данные по истории прихода и его современному состоянию, в том числе и по составу населения. В справочной книге по Томской епархии за 1914 г. мы находим лишь общие данные по количеству населения.

Таблица 1

Состав прихожан⁷

Категория	1773	1775	1784	1875	1914
духовных	7/7	8/7	9/10	4/6	
военных	-	-	-	22/20	
посадских	177/178	174/183	186/173		
крестьян	476/477	494/500	509/473	541/630	
ясашных	10/12	10/12	15/15		
раскольников	1/ 2	0/2	-		
ВСЕГО	671/676	686/704	719/671	569/656	2377

Как мы видим, основу населения этого прихода составляли крестьяне (в XVIII в. около 70 %, а в XIX в. более 95 % от общего числа). В то же время из таблицы видно, что в XIX в. уже не выделяются такие группы, как ясашные и посадские, что обусловлено во многом изменением в значении данного населенного пункта, так как к этому времени он уже утратил функцию защитного сооружения от немирных народов, проживающих на данной территории, а стал обыкновенным селом.

Особое место в истории прихода занимает вопрос о священно-служителях, которые осуществляли церковные таинства в данном приходе. И здесь в восстановлении картины смены священников и псаломщиков в данном приходе особое место вновь занимают метрические книги, в которых каждая запись заверялась теми членами причта, которые совершили таинство, что и позволяет нам восстановить их смену в данном приходе, но это возможно только лишь с 70-х гг. XIX в. До этого времени сведения о священниках довольно отрывочны. Так, нам известно, что в 1760 г. в данном приходе служил священник Афанасьев⁸.

Таблица 2

Священноцерковнослужители Сосновского острога

Священнослужители	Церковнослужители
Крылов Поликарп в 1860 г.	Дьячок Назаретский Владимир в 1860 г.
Кайдалов Яков с 1871 по сентябрь 1881 г., а затем с 30 ноября 1883 г. до января 1884 г.	Псаломщик Иванов Яков с 1860 г. по 6 февраля 1871 г.
Эдемский Николай с сентября по декабрь 1881 г.	И. д. псаломщика Кузьмин Дмитрий с марта 1871 г. по 1876 г.

Священнослужители	Церковнослужители
Покровский Павел с 1882 г. по 4 ноября 1883 г.	И. д. псаломника Богатырев Яков с 30 июня 1877 г. по октябрь 1880 г.
Серебренников Михаил с 1884 г. по 15 ноября 1898 г.	Псаломщик Ушаков Стефан с 28 октября 1880 г. по 8 февраля 1881 г.
Диаконов Иннокентий с 29 ноября 1898 г. по 4 октября 1905 г.	Псаломщик Сабинин Петр с 15 апреля по декабрь 1881 г.
Парышев Иоанн с 7 октября 1905 г. по август 1907 г.	Псаломщик Серебренников Василий в 1882 г.
Тархов Константин, август — ноябрь 1907 г.	Псаломщик Павлов Александр Васильевич с августа 1883 г. по 14 марта 1885 г.
Ващинский Сергей Иоаннович с 25 ноября 1907 г. по 17 июля 1911 г. и вновь с 28 июля 1911 г. по 1913 г.	Псаломщик Авдентов Василий Яковлевич с 22 октября 1885 г. по 30 октября 1894 г.
Шавров Сергей в октябре-ноябре 1905 г. и с 1 по 18 августа 1911 г.	Псаломщик Виноградов Иван Федорович с 13 ноября 1894 г. по август 1898 г.
Бехтерев Павел с 1914 г. по 1916 г., а затем с 17 марта 1917 г. до 1919 г.	Псаломщик Федяев Павел с 26 октября по 15 декабря 1898 г.
Поливанов Сергей с января по 17 марта 1917 г.	И. д. псаломника Богатов Иван с 20 декабря 1898 г. по 16 декабря 1900 г.
Дагаев Митрофан с марта 1918 г. по 1929 г.	Псаломщик Дьяконов Петр Ильич с 25 марта по 7 октября 1901 г.
	И. д. псаломника Бассолыка Даниил с 21 октября 1901 г. по 8 июня 1903 г.
	Псаломщик Васильев Аполлон Петрович с 15 августа 1903 г. по 1913 г.
	Псаломщик Тимофей Балабанов с января по июнь 1914 г., затем вновь с 1918 г. по 1921 г.

С привлечением других источников нам удалось уточнить некоторые факты биографий священноцерковнослужителей храма Преображения Господня с. Сосновский острог.

Вот эти факты⁹.

Авдентов Василий Яковлевич. Псаломщик, с 1894 г. — дьякон. С декабря 1894 г. по 1897 г. служил в с. Пачинское. Жена — Наталья Гавриловна. Дети: 7 июня 1891 г. родился сын Александр.

Балабанов Тимофей Григорьевич. Жена — Дарья Петровна. Дети: 10 августа 1918 г. родилась дочь Евлампия.

Бехтерев Павел Гаврилович. Священник. 1868 года рождения. Окончил Вятскую духовную семинарию. В 1912—1914 гг. служил в с. Соловьихинское и был благочинным в благочинии № 40.

Богатов Иван Михайлович. Псаломщик, в 1914 г. — священник. 1881 года рождения. Окончил начальное училище и учительскую школу. Служил священником: в 1914 г. — с. Каргалинское, в 1927 г. — с. Святогорское.

Васильев Аполлон Петрович. Псаломщик. 1846 года рождения. Сын протоиерея. Окончил среднее отделение Томского духовного училища. Служил в 1864—1875 гг. в с. Тулинское, с 1917 г. по 11 марта 1918 г. был псаломщиком в Флороловской церкви с. Пашковское. Жена — Любовь Ивановна. Дети: сын Павел родился в 1903 г., умер 4 декабря 1905 г. от золотухи; сын Леонид родился 6 августа 1904 г., умер 30 марта 1906 г. от крупса; дочь Анастасия родилась 16 декабря 1906 г.; кроме того, сыновья Михаил и Анатолий, дочь Валентина.

Ващинский Сергей Иоаннович. Священник. 1877 года рождения. Окончил 4 класса Полтавской духовной семинарии. Служил с января по 7 октября 1918 г. в Николаевской церкви с. Тутальское, а с 28 октября по декабрь 1918 г. в Покровской церкви с. Александровское (благочиние № 2). Жена — Анна Семеновна. Дети: сын Владимир родился 30 июля 1910 г., дочь Лариса родилась 7 ноября 1911 г.

Виноградов Иван Федорович. Псаломщик, в 1914 г. — священник. 1874 (5) года рождения. Сын священника. Его мать Евдокия Филипповна (родилась в 1837 г., умерла 31 января 1912 г. от старости). Окончил 3 класса Томской духовной семинарии. Служил: с 6 февраля 1904 г. по 1914 г. в с. Подгороднее, а затем до 19 мая 1916 г. при Преображенском соборе г. Кузнецка. 14 февраля 1897 г. женился на воспитаннице Мариинского приюта Зое Афанасьевне Черемных (1873 г.р.). Дети: сын Николай родился 30 января 1905 г., умер 22 июля 1905 г.; дочь Евгения родилась 19 декабря 1905 г.

Дагаев Митрофан Владимирович. Священник, с июня 1922 г. — протоиерей. 1868 года рождения. Сын протоиерея. Окончил 1 класс Томской духовной семинарии. Служил в 1914 г. в с. Тоурек.

Диаконов Иннокентий Павлович. Священник. 1871 года рождения. Окончил уездное училище. Служил: в 1907 г. в с. Нелюбинское, в 1914 г. в с. Протопопово.

Дьяконов Петр Ильич. Псаломщик. Дети: дочь Мария родилась в 1900 г., умерла 25 марта 1901 г. от родимца.

Иванов Яков. Пономарь. В 1871 г. переведен за штат. Жена — Наталья Даниловна (р. 1799, умерла 14.05.1871 от чахотки).

Кайдалов Яков Александрович. Священник. 1815 года рождения. Сын священника. Окончил Тобольское духовное приходское

училище. В 1855 г. служил в с. Васюганское. Дети (в 1855 г. значилось 6 дочерей): дочь Мария (1853 года рождения) 4 февраля 1872 г. вышла замуж за крестьянина Тимофея Федоровича Прошина; дочь Ольга (1856 г.р.) 24 июня 1877 г. вышла замуж за псаломщика с. Пачинское Ивана Павловича Сиротина (1857 г.р.); сын Алексей в 1871 г. служил псаломщиком в с. Терсалгайское.

Крылов Поликарп Емельянович. Священник. 1810 года рождения, умер 11 января 1874 г. (от чахотки). Его сын Иван в 1857—1868 гг. был священником в с. Чердатское.

Назаретский Владимир Иванович. Дьячок. 1837 года рождения. Отчислен из высшего отделения Шуйского духовного училища. В 1867—1875 гг. служил в с. Верхотомское. Женат. Налагались взыскания за нетрезвый образ жизни.

Павлов Александр Васильевич. И. д. псаломщика. Жена — Юлия Ивановна. Дети: дочь Евгения родилась 21 декабря 1883 г.

Парышев Иоанн. Священник. С июля 1917 г. по июнь 1919 г. служил в с. Ново-Подзорное.

Покровский Павел Иванович. Священник. 1839 года рождения. Сын дьячка. Отчислен из 1-го класса Калужской духовной семинарии. В 1871—1876 гг. служил в с. Бергульское, в 1914 г. числится в с. Кетское. Женат. Дети: Николай, 1871 г.р., в 1914 г. служил священником в с. Бобковское.

Поливанов Сергей Владимирович. Священник. 1875 года рождения. Окончил в 1896 году Томскую духовную семинарию. В 1914 г. служил псаломщиком в с. Усманское, с 19 марта 1915 г. по 14 октября 1918 г. священник в Покровской церкви с. Александровское (благочиние № 2).

Серебренников Василий. И. д. псаломщика. С 16 февраля по 17 мая 1920 г. служил в Никольском соборе г. Мариинска.

Серебренников Михаил. Священник. Дети: Александр (1876 г.р.) 27 мая 1898 г. женился на воспитаннице Минусинской прогимназии, учительнице д. Милкавой Клавдии Александровне Васютиной (1882 г.р.).

Федяев Павел Николаевич. Псаломщик, с октября 1901 г. — дьякон, с августа 1906 г. — священник. 1876 года рождения. Окончил 4 класса Томской духовной семинарии. Служил: с февраля 1899 г. по 1901 г. в Преображенском соборе г. Кузнецка, с 25 ноября 1901 г. по 15 августа 1906 г. в Одигитриевской церкви г. Кузнецка, в 1914 г. в с. Черно-Кургинское. Жена — Екатерина Павловна. Дети: сын Анатолий родился 11 октября 1902 г.; сын Константин родился 19 сентября 1903 г., умер 1 апреля 1904 г. от поноса; дочь Зоя родилась 25 ноября 1905 г.

Шавров Сергей Павлович. Священник. 1877 года рождения. Окончил Тверскую духовную семинарию. В 1914 г. служил в с. Ярское.

Из казначейских документов и справочной книги мы можем составить картину доходов, которые получали священноцерковнослужители. Так в 1871 г. жалование за полгода составляло священнику 68,6 руб., исполняющему должность псаломщика — 11,76 руб., кроме того, заштатному псаломщику — 5,64 руб. В 1902 г. выплачивалось жалование от казны священнику — 294 руб., псаломщику — 98 руб. В 1914 г. церкви принадлежало 99 десятин земли, дома у причта были общественными (то есть выделены прихожанами), от государственной казны клир получал 400 руб., хлебная руга составляла 475 пудов, плата за требы (тайства крещения, венчания, отпевания и погребения) в год доходила до 600 руб.¹⁰

11 апреля 1917 г. крестьяне с. Сосновский Острог захватили земли, ранее принадлежавшие причту церкви¹¹. Данный факт не был чем-то экстраординарным для Западной Сибири, т. к. зачастую земли, выделенные церкви, не обрабатывались самим причтом и отдавались на обработку сельскому обществу.

Такой представляется далеко не полная картина истории прихода Русской православной церкви в с. Сосновский Острог. И перед учеными и краеведами история открыла далеко не все свои тайны.

Примечания:

1. Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.-Ф. Миллера (1734)// Источники по истории Сибири дореволюционного периода. Новосибирск, 1988. С. 75.
2. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 235.
3. ТФ ГАТО. Ф. 156. 1751 г. Д. 2, 1760 г. Д. 87, 1773 г. Д. 1, 1776 г. Д. 146, 1784 г. Д. 101.
4. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1018.
5. Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. Томск, 1914. С. 131—132.
6. ТФ ГАТО. Ф. 156. 1819 г. Д. 449.
7. ТФ ГАТО. Ф. 156. 1751 г. Д. 2, 1773 г. Д. 1, 1776 г. Д. 146, 1784 г. Д. 101; ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1018; Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. Томск, 1914. С. 131—132.
8. ТФ ГАТО. 1760 г. Д. 87.
9. ГАКО. Ф. д-60. Оп. 1. Д. 71, 85, 97, 111, 119, 132, 155, 183, 197, 266, 293, 318, 350, 389, 444, 503, 605а, 630, 709, 736, 748, 806; Оп. 4. Д. 48, 96, 138, 145, 226, 259, 269, 295, 299, 306, 335, 340, 365, 369, 467, 584; Оп. 6. Д. 28, 176, 184, 332, 369; Ф. р-71. Оп. 2. Д. 24; ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 75, 100, 978, 985, 989, 996, 1008, 1013; Бедин В. И., Кушникова М. М., Тогулев В. В. От Кузнецкого острога до Кузнецкстроя. Три тысячи имен в архивных и библиографических источниках (опыт биографического словаря). Кемерово, 1998; Памятная книжка Томской губернии 1912 г. Томск, 1912; Томские епархиальные ведомости. 1880. № 20, 1889. № 10, 1899. № 12; Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. Томск, 1914.
10. ГАКО. Ф. д-34. Оп. 1. Д. 904; Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. Томск, 1914.
11. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914—1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 151.

Четыреста десятин от царского двора

Взяться за написание этого материала меня побудили известные факты из истории села Усть-Сосново Топкинского района — существование в селе церковно-приходской школы, о которой рассказывали старожилы, и упоминание в книге «Сибирь, откуда она пошла, куда она идет»¹.

Моя очередная поездка в Томский облгосархив носила целенаправленный характер: необходимо было найти материалы о деятельности сельскохозяйственной школы в середине XIX века.

И повезло. Среди множества десятков дел попались те, которые внесли определенную ясность в историю этого вопроса^{2, 3}.

* * *

Начало было положено 28 июня 1866 года в послании Томскому губернатору. Мировой посредник Алтайского горного округа писал: «Я предполагаю устройство фермы приблизительно на 60 человек, по 12 от каждой из 5-ти волостей моего участка...» Планировалось устройство тринадцати учебных, жилых и хозяйственных корпусов, приобретение земледельческих орудий, машин, «технических вещей по ремесленному отделению», закупка крупного (65 голов) и мелкого (50) скота, птицы, атрибутов пчеловодства. В штат Третьяков предлагал агронома, двух учителей, распорядителя хозяйства.

Проблему финансирования посредник изложил в форме расклада поборов по количеству душ пяти волостей, а также за счет штрафных и пожертвованных денег «от многих знакомых жителей Томска, давших на это слово».

«Если проект мой будет признан заслуживающим внимания, — заканчивал послание губернатору чиновник-реформатор, — я просил бы позволения посмотреть... одну из ближайших к Петербургу ферм за *свой счёт* (курсив наш. — М. П.) ... что именно из её устройства было лучше применимо на моем участке...»

В августе-сентябре 1866 года господин Третьяков собирает крестьянские сходы, заслушивает мнения мира и пытается склонить его на свою сторону. «Лучшие домохозяева», кандидаты от 10 дворов, «под между собой рассуждением с общего согласия приговорили»: их детей с ведома Колыванского Горного округа в одно время посыпали в Барнаульское училище для обучения сельскохозяйственной грамоте. Но, к великой досаде, по единодушному мнению крестьян, от этого обучения было

мало пользы. Отучившись, одни «становились пьяницами, мошенниками и ябедниками, а те, кто были порядочными, не смыслил в сельском хозяйстве» и поэтому «не были полезны нашему обществу», многие определились к должности писаря. «И наша сумма, — возмущались плательщики, — заключавшаяся в порядочной цифре, пропала без возврата. То, чтобы подобного обстоятельства не случилось на будущее, мы не находим нужным учреждения вышеописанного училища».

Крестьяне Тарсминской волости (центр — с. Усть-Сосново) одной из причин отказа называли и то, что «по недавнему освобождению нас от исполнения заводских работ и поставки провиантов, не попробовали вполне своего состояния, то посему мы не сознаем пользы, которая может последовать».

Коллежский секретарь Третьяков в начале следующего года вновь собирает волостные сходы и «от разговора о грамотности переходит к пользе сельскохозяйственной школы».

Поездка в Петербург утверждает его в мысли, что «в настоящее время большинство ещё мало понимает разумное управление, причина этому происходит не столько от неразвитости и необразованности народа, сколько и от неумения... пользоваться теми удобствами земли, которых так обильно у нас в Сибири. Всмотревшись в течение 4-летнего управления... я нахожу, что необходимо выучить их хорошему и правильному ведению хозяйства, как это введено в Европе почти везде, а у нас в России вводится во многих местах. Чтобы достигнуть этого... необходимо устроить *на первый раз одну участковую* (курсив наш.— М. П.) сельскохозяйственную школу, в научение тому, что необходимо знать хорошему хозяину».

Далее он сообщает в губернскоеправление, что «крестьяне поняли это, вполне согласились с моим мнением и составили по предложению моему 59 общественных приговоров... вносить на устройство и учреждение школы один год по 50 копеек, а два года по 20 копеек с души». Общий сбор должен был составить 14 364 руб. с 15 964 душ мужского пола, живущих в четырех волостях.

Нужно отдать должное не только крестьянам, принявшим, пусть и под определенным давлением, идею создания школы-фермы, но и настойчивости Третьякова, продвигавшего свою идею в жизнь. И хотя Томский губернский совет только 31 мая 1867 года рассмотрел в подлиннике ходатайство Третьякова и дал на него свой положительный ответ, дела в далёкой Кузнецкой волости уже развивались по направлению устройства школы.

К организации школы мировой посредник Третьяков подходил серьёзно и с размахом. Чтобы школа была солидным и профессиональным учреждением, нужна материальная база. Создавать её помогали Третьякову не только крестьяне, обложенные дополнительным сбором,

но и передовые люди того времени, понимающие необходимость народного просвещения. Имена некоторых из них сохранили архивные документы.

Так, 14 мая 1867 года «томский 1-ой гильдии купеческий сын Михаил Богомолов предложил принять огнегасительную трубу со всеми к ней принадлежностями для сельскохозяйственной школы и населения села Усть-Сосновского Тарсминской волости. И... изъявил желание принять на себя труд сбора денег от многих знакомых ему лиц (думается, что этот факт был отправной точкой в истории пожаротушения техническими средствами в Топкинском районе). Потомственный почетный гражданин г. Иркутска С. К. Трапезников передал через Богомолова школе 10 рублей. Колыванский 2-й гильдии купец К. К. Кривцов — 50 рублей. За столь щедрый вклад в дело устройства школы, он получил благодарность от Томского губернатора.

За особые успехи в деле помощи школе М. Богомолов и пермский купец И. Ф. Каменский были избраны директорами-попечителями. А действительного статского советника Солодовникова, крестьянского начальника 5-го участка Алтайского горного округа А. Третьякова и тарсминского волостного старшину Мефодия Карманова избрали почетными попечителями «для правильного руководства всей школой».

Несмотря на видимые успехи в деле обустройства школы, в марте 1868 года Третьяков забил в набат. Он пишет послания губернатору и в Главное управление Западной Сибири. Устройство передовой школы совпадает с пореформенным периодом в России, освобождением крепостных и горнозаводских крестьян и, как следствие, активизацией общественно-политической обстановки в России. Именно в это время, крестьянский начальник замечает, что в села участка стали проникать с заводов и приисков различные служащие и рабочие. Под влиянием этих разночинцев крестьяне стали выражать не только опасения по поводу школы, но и высказывали открытое недовольство сборами. Истоки недовольства у крестьян были справедливыми: более 100 лет горнозаводской повинности на Алтайских заводах. Бывшие приписные к заводам крестьяне боялись, что их вместо школы причисляют обратно к заводам и они «будут обязаны возить уголь, руду и бревна». Были прямые высказывания в адрес мирских делегатов: «Кто подписывался — пусть те и платят».

Третьяков проводит тщательную ревизию деятельности волостных органов управления, снова собирает волостные сходы и беседует с крестьянами. Его действия немного утихомирили всплеск недовольства.

Одновременно Третьяков на страницах очередного послания к губернатору рассуждает о необходимости обязательного подчинения всех живущих «решению сельских приговоров». Он просит не попусти-

тельствовать их отказу в платежах: «...будет ли обратное для общества удободопустимо и не принесёт ли им вредные последствия...».

Вместе с тем, посредник оправдывает крестьян. Они не столько невежды, сколько «доверяются без контроля... таким молодцам с приисками, они вовлекают их не только в ошибки, но и в ответственность, а сами уходят из крестьянских семей...». Особо сожалеет попечитель о том, что такие слухи распространяют и священники. В заключение Третьяков выразил настроение налогоплательщиков всех времён: «...если кто-либо скажет, что они могут платить только вместо восьми рублей податей — три, то они поверят, произведут волнения и окажут упорство в уплате указанного сбора, и в добровольном они всегда отопрутся...»

В январе 1869 года сходы уже трех волостей — Тарсминской, Верхотомской и Касьминской через посредничество Третьякова выносят на рассмотрение проект Устава сельскохозяйственной школы. В феврале Устав утверждает Томский губернский совет.

И после принятия Устава министром государственных имуществ школьный документ публикуется в «Губернских ведомостях» для «всеобщего обозрения».

Согласно Уставу, помимо знаний грамматики, арифметики, экономической географии, природопользования, крестьянские дети должны были получить специальное сельскохозяйственное образование. Коневодство, растениеводство, пчеловодство и огородничество предусматривалось на собственной животноводческой и технической базе. Примечательно, что в дальнейшем школа должна была перейти на самоокупаемость.

Устав расширял и преподавательско-воспитательский штат: учителей предметов, ветеринара, фельдшера, садовника, «техников для обучения заводским и ремесленным производствам». Курс обучения в школе — 6 лет. Первый набор учащихся был разрешен уже на 01.05.1869 г. и составил 60 детей.

Лестно, что в XIX веке над документами нашей школы работал великий исследователь Сибири Н. Ядринцев. В своей книге «Сибирь как колония» (главах «История эксплуатации богатств на Востоке» и «Кустарные промыслы в Сибири») автор немало внимания уделяет ферме, организованной в Кузнецком округе Томской губернии. «Это был род крестьянского земледельческого института и вполне соответствовал местным требованиям...»⁴.

«До сих пор, — возвращается автор к истории школы, — попыток покровительства местному промыслу и особенно стремлений к развитию ремесленного образования делалось в Сибири весьма мало. Ремесленное училище существует во всей Западной Сибири только одно, в Тобольске с 20-ю учащимися. Затем опыт ремесленного образования

в Таре... где обучают детей шитью сапог и тканью ковров. В деревнях ремесленное образование нигде не предпринималось. Единственный обращающий на себя внимания опыт земледельческой и ремесленной школы в Кузнецком округе в с. Сосновском...» (с. 463).

Вновь обратимся к известным уже нам архивным документам.

1 марта 1871 года Высочайшим разрешением сельскохозяйственная школа была именована Владимирской «в память посещения в 1868 году Его Императорским Высочеством Великим князем Владимиром Александровичем». А 7 ноября 1871 года «Его Императорским Величеством Александром II в пользование школе» было передано 400 десятин кабинетских земель.

Если во время своего путешествия по Западной Сибири в 1868 году Великий князь и был в Усть-Сосново, то этот факт сам по себе не обязывает к гордости, а позволяет сделать некоторые выводы. Ферме в далёкой сибирской глубинке уделялось огромное внимание, на ней возлагались большие надежды. Школа пользовалась особым покровительством Томского губернатора.

Первоначальные затраты жертвователей на устройство школы составили 11 тыс. рублей, а все расходы доходили до 40 тысяч рублей (Ядринцев, с. 463). Эта была экспериментальная школа в пореформенной Сибири, основы которой были высказаны педагогом К. Д. Ушинским: «В школе сельской — главное место должны занимать обработка полей, огородов, уборка сена, удобрение земли... Этот курс вводит детей в науку, но не как в мёртвую гряду книг, а как живое изъяснение мира, исполненного жизни»⁵.

1872 год стал критическим для Владимирской школы. Общественные приговоры крестьян переводят ферму в разряд сельского приходского училища. Ревизия, сделанная крестьянами, нашла лишь 1/3 всего оборудования и неудовлетворительный уровень образования своих детей. «Не изгнившее» имущество и часть построек распроданы, из 130 колодок для пчёл осталось 11. Выписанные из Варшавы механизмы «преданы порче и переломаны». Породистые быки «были употреблены в пищу».

Читая материалы архива по закрытию школы, я пыталась найти причины этого безрадостного события. Возникло даже сомнение в честности Третьякова, который в 1870 году приказом МВД был командирован за границу, после чего его имя даже не упоминалось. А потом я впервые испытала чувство облегчения от смерти человека, которого, мне казалось, знаю давно. Господин Третьяков скончался в октябре 1871 года. Вслед за ним умер Соловьевников, а затем отказался от звания директора-попечителя М. Богомолов.

Школа осталась практически сиротой, под руководством управляющего Рылова, который «вместе с другими техниками» устроил в Русаково кожевенный завод на казенные средства.

Не нашла поддержки школа и в лице нового крестьянского начальника 5-го участка Хаова.

А крестьяне повели себя следующим образом — отстранили от должности не устроившего их учителя Архипова. Несмотря на протесты купца Каменского, «уволили» его от звания попечителя и выбрали новых — из своего сословия — волостного старшину Бобарыкина и крестьянина Карманова.

Не успел ещё Хаов отослать рапорт в губернию, как крестьяне-учредители добровольно стали собирать средства на школу (мука, чай, картофель, деньги) и отдавать своих детей в «новую» школу.

С 1873 года сельскохозяйственное и ремесленное училище переходит в духовное ведомство и становится церковно-приходской школой.

* * *

Теперь, зная некоторую часть уникальной истории своего села, пытаюсь понять: почему уже через семь лет идея, в которую вложены немалые средства, так и не получила своего продолжения?

То, что Усть-Сосново выбрано не случайно для строительства школы — несомненно. И долгая жизнь этого старинного сибирского поселения — совсем другая история. Думается, сложись иначе судьба школы — совершенно другой могла стать и жизнь Усть-Соснова в последующих столетиях.

Сельскохозяйственная школа была рождена в недрах самой педагогики России XIX века. И чтобы понять её крах, нужно окунуться в историю разработки вопросов начальной школы пореформенного периода.

Н. А. Корф, В. Я. Стоунин, целая плеяда российских педагогов рассматривали методы и приемы внедрения в школы сельскохозяйственного и ремесленного обучения (Медынский, с. 268, 274).

Школа начала свою жизнь, когда министром просвещения был либерал А. В. Головнин. Закрылась, когда руководил всем просвещением в России одновременно министр внутренних дел Д. А. Толстой. Как здесь не вспомнить о волнении крестьян и озабоченности чиновника Третьякова о необходимости полного повиновения «всех живущих» решениям местной власти? Поневоле на ум приходят слова «революция» и «реакция».

Высокий уровень преподавания не был нужен основной массе населения. Такого мнения придерживался и К. А. Победоносцев, министр просвещения и по совместительству обер-прокурор Священного синода. И поэтому, приоритет отдавался ЦПШ, где воспитывались верноподданнические настроения⁶.

Впрочем, какой бы не был итог работы школы, её история вызвала резонанс по всей Томской губернии. Это был «единственный заслуживающий внимания опыт». И даже в конце XX века опыт устрой-

тва Владимирской сельскохозяйственной школы не «прошёл мимо» Института гуманитарных исследований при Алтайском университете⁷. А на страницах областной печати краткая история Усть-Сосновской школы-фермы вышла под новой рубрикой «Кузбасс в нововведениях и реформах»⁸.

Литература

1. Шинкарёв Л. Сибирь, откуда она пошла и куда она идёт. М., 1974.
2. ГАТО, ф. 3, оп. 48, д.13, Переписка об открытии школ с целью обучения детей.
3. ГАТО, ф. 3, оп. 48, д. 48, Дело Канцелярии Томского по крестьянским делам Присутствия.
4. Ядринцев Н. Сибирь как колония, в географическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб., 1892.
5. Медынский Е. Н. История русской педагогики. М., 1938.
6. Кузнецова Л. Из истории просвещения в Сибири// Развыскания. Кемерово, 1992. Вып. 2.
7. Предпринимательство на Алтае в XVIII веке — 1920 г. Барнаул, 1993.
8. Пермина М. Четыреста десятин от царского двора// Кузнецкий край. 1993. 13 мая.

Из истории создания Судженских копей (конец XIX—начало XX вв.)

В 1911 году в Омске состоялась выставка, на которой была представлена Судженская каменноугольная копь А. А. Михельсона. Это предприятие получило высшую награду выставки, о чем свидетельствует уникальный по своему содержанию документ — проспект, подготовленный для этой выставки¹.

Из содержания проспекта видно, что копь представлена «лучшим углем всей Сибири и Урала и не уступала углю Юга России. Судженский уголь получил распространение на рынок». И неудивительно... После «испытания на пароходах котлах Томских казенных винных складов и прочее» он признан самым экономичным топливом и широко использовался для нужд «промышленных предприятий, железных дорог, пароходов, доходных домов и частных квартир».

Экономичность определялась низкой ценой по сравнению с древесиной — основным топливным сырьем в то время. Одна кубическая сажень сосновых дров заменялась 85—95 пудами угля и стоила в Томске и Ново-Николаевске 18 рублей, в Каинске — 21 руб., в Мариинске 12,5 руб. Соответственная стоимость отопления Судженским углем в Томске составляла 11 рублей, в Ново-Николаевске — 12,82 руб., в Каинске 16,20 руб. и в Мариинске 9,59 руб. Немалую роль в низких ценах играла близость к потребителям — «центральные склады находятся на Судженских копях, а также имеются свои склады и агенты в Томске, Ново-Николаевске, Омске, Челябинске». О предлагаемом топливе и переустройстве дровяного отопления на каменноугольное предлагалось обращаться в контору копей, в главную контору в Москве и к агентам в городах, где были склады.

Владельцем копей был Лев Александрович Михельсон. Родился он в 1868 году в городе Тульчино на Украине, в дворянской семье коллежского асессора А. М. Михельсона. В возрасте 20 лет после окончания юридического факультета Московского университета впервые приехал в Сибирь, в город Иркутск. Приехал в качестве адвоката по делу торгового дома забайкальских купцов братьев Бутиных. Вскоре он вошел в состав «администрации торгового дома Бутиных», а затем, вытеснив Бутина, завладел всем его имуществом. Так началась предпринимательская карьера А. А. Михельсона. Уже в молодые годы он увидел, какие возможности для быстрого обогащения дает Сибирь.

В конце 1880-х годов широко обсуждался вопрос о строительстве Сибирской железной дороги. Молодой предприниматель Л. А. Михельсон тонко уловил складывающуюся в Сибири экономическую конъюнктуру. Он был одним из промышленных буржуа, «выращенных» на строительстве Транссиба.

Снабжение Сибирской железной дороги шахтами Донбасса обошлось бы очень дорого, а огромные запасы каменного угля в Кузбассе были разведаны еще до начала строительства дороги.

Л. А. Михельсон решил вложить свои капиталы в каменноугольную промышленность Кузбасса. Свой выбор он остановил на районе Судженки — самом богатом и перспективном с угленосными площадями по рекам Алчедат и Мазаловский Китату.

В фондах Анжерского краеведческого музея хранятся акты об отводе каменноугольных копей, переданные нам после закрытия шахты «Судженская». Акты 11 копей — Николаевской², Алчедатской³, Георгиевской⁴, Николае-Ивановской⁵, Таежной⁶, Гусиной⁷, Степановской⁸, Августовской⁹, Китатской¹⁰, Натальинской¹¹, Ивановской¹² — дают достоверную картину формирования такого предприятия как «Судженская каменноугольная копь Л. А. Михельсона». В одном из документов читаем: «По свидетельству от 6 сентября 1896 г. за № 3497 они (копи) были открыты дворянином Иваном Ивановичем Зеленским и им же переданы по договору от 23 ноября 1896 г. Перфильеву и Ременникову... для разработки».

Далее 29 марта 1897 г. к ним по договору присоединился Л. А. Михельсон и каждая копь дана им «в пользование, впредь до совершенной выработки каменного угля, с правом перехода по наследству и переуступки другому на законном основании».

С 7 июня 1897 г. коллежский секретарь Николай Иванович Перфильев, омский купец Георгий Ильич Ременников и дворянин Лев Александрович Михельсон присутствуют на разработке каменных (углей) копей.

Далее по тексту следует, что Л. А. Михельсон 28 августа 1897 г. с Н. И. Перфильевым, а 18 ноября и 13 декабря 1897 г. с купцом Г. И. Ременниковым через нотариальные конторы Москвы и Санкт-Петербурга балласт по реестру, принадлежавший Перфильеву и Ременникову (в каждой каменноугольной копи участие каждого по одному паю их четырех), передали дворянину Михельсону. Документ оформлен и подписан в г. Томске 5 марта 1899 года.

Покупка месторождений была совершена за бесценок — 20 тысяч рублей серебром.

Л. А. Михельсон получил в собственность 12 отводов на каменный уголь площадью 1034 десятины по рекам Алчедат и Мазаловский Китат, а с 10 июля 1899 г. еще дополнительно отводы в четыре квадратных

версты угленосной земли, где обнаружено 19 мощных и залегающих недалеко от поверхности пластов угля высокого качества.

9 июля 1899 г. Л. А. Михельсон разработал Устав и учредил акционерное общество. Но акции на рынке реализовать не удалось, так как новая отрасль хозяйства Сибири не привлекала предпринимателей и вплоть до 1917 г. Л. А. Михельсон был единственным владельцем Судженских копей. И дела его шли не так уж плохо. В проспекте 1911 года приведены данные по добыче угля:

«первое пятилетие — 260 тысяч пудов,
второе пятилетие — 3,4 миллиона пудов,
последнее (неполное) — 14,3 миллиона пудов».

Примечания

1. АКМ. оф.24708.
2. АКМ. оф18040.
3. АКМ. оф2947.
4. АКМ. оф18042.
5. АКМ. оф18039.
6. АКМ. оф 18037.
7. АКМ. оф18041.
8. АКМ. оф 18036.
9. АКМ. оф 18034.
10. АКМ. оф 18038.
11. АКМ. оф 18035.
12. АКМ. оф 18043.

Ю. П. Горелов,
канд. ист. наук, преподаватель КГУ

Сибирские священники в Русско-японской войне (1904—1905 гг.)

Никакая идеология, пусть даже и пролетарская, невластна над памятью народа. Не должны быть забыты имена тех, кто ценой собственной жизни защищал честь попавшего в беду Отечества. Среди таких людей были и служители православной церкви, многие из которых достойно себя проявили в годы неудачной для России Русско-японской войны.

В царской армии начала XX века присутствие духовенства отмечается в передовых частях, госпиталях, флотских экипажах. Священники в возрасте до 50 лет воодушевляли солдат в боях, организовывали чествования отличившихся героев, празднование торжественных дат, а также погребение погибших. В таких мероприятиях, наряду с военным духовенством, активное участие принимали и попавшие на фронт гражданские священнослужители Н. Н. Саралев (Барнаульский полк), В. А. Архангельский (томский ополченец), А. И. Шубин (защитник Порт-Артура) и другие¹.

В условиях поголовной религиозности населения церковные обряды имели важное психологическое воздействие. Исходя из воинских традиций духовенство благословляло участников битв иконами святых защитников Родины. Например, сибирские полки в качестве подарков для этих целей из родных мест наиболее часто получали иконы святых апостолов Петра и Павла, Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, образ Спаса Нерукотворного и другие. Полученными святынями солдаты дорожили, с ними шли в бой, умирали, возвращались домой после плена². Кроме того, главный штаб во главе с А. Н. Куропаткиным и полковыми священниками для поднятия воинского духа регулярно использовали иконы на воинских торжествах с отдачею почестей раненым и георгиевским кавалерам³.

В Русско-японской войне среди воинских частей отмечается даже присутствие самостоятельных церковных подразделений. Кроме санитарных, благотворительных и попечительских организаций, там находились и отряды «Братьев милосердия во имя Христа». Братья выполняли обязанности современной службы спасения, а также обеспечивали эвакуацию и безопасность раненым. Глава петербургских отрядов митрополит Антоний осенью 1904 г. в письмах к сибирским губернаторам гарантировал, что все их региональные пожертвования на его отряды пойдут на укрепление материально-технической базы подразделений, спасение раненых и другие оборонные нужды⁴.

В это же время в стране после неудачных морских сражений стали собираться пожертвования на усиление военно-морского флота. Активное участие в проведении таких сборов принимает и сибирское духовенство. Значительные суммы для этих и других оборонных целей собрали своими приходами омские священнослужители К. Лапин, И. Попов, М. Макаров, Ф. Троицкий и другие⁵.

Тяжелое положение с ранеными заставляло военных постоянно изыскивать дополнительные госпитальные площади, медицинское оборудование, мобилизовывать в армию гражданский медперсонал. Регулярную помощь в решении этих вопросов в Омской и Иркутской госпитальных комиссиях стало оказывать местное духовенство. Большинство своих монастырей, приютов, школ оно передало под нужды искалеченных воинов⁶. Только в окрестностях Иркутска летом 1904 г. по крестьянским дворам ими было размещено до тысячи выздоравливающих воинов, а в самом городе открылся Епархиальный лазарет⁷. В Читу с одним из отрядов Красного Креста прибыл молодой врач, позднее ставший лучшим хирургом своего времени и крупным деятелем сибирской православной церкви, В. Ф. Войно-Ясенецкий (в годы Великой отечественной войны — лауреат Сталинской премии за разработку лечения гнойных ран). В лазарете на 200 мест он был заведующим хирургического барака и, несмотря на административную должность, успешно делал самые сложные операции⁸.

Участвовало духовенство и в решении других значимых оборонных проблем. Например, в отрядах Красного Креста по разным причинам велико было убийство (свыше 40 %) младшего медперсонала. Помогая решению данного вопроса, священник Е. Макаренко Алтайского округа нанял на работу санитарами около сотни своих прихожан. Крестьяне оказались трезвыми и мастеровыми людьми и принесли огромную пользу многим лечебным учреждениям⁹.

В ходе войны противники в основном соблюдали международные договоренности о гуманном содержании военнопленных. Огромную работу в этом направлении вместе с правительством проводила и русская церковь. Японская православная миссия епископа Николая «Утешение верующих» регулярно доставляла пленным продовольствие, теплую одежду, наборы книг, нательных крестиков и других предметов религиозного культа. Всего в июне 1905 г. 38 тысяч русских военнопленных с Родины получили 70 тысяч рублей, 15 фунтов стерлингов, четыре тысячи шестьсот посылок¹⁰.

Достойно проявляли себя сибирские священники и на полях сражений. Часто, когда требовала боевая обстановка, они брали командование на себя. В апрельском сражении 1904 г. под Тюренченом, при потере всех офицеров, два батальона стрелков вывел из окружения священник 11-го Восточно-Сибирского полка С. Щербаковский. По его приказу

вперед поставили военный оркестр, погрузили раненых на носилки и затем под звуки боевого марша батальоны пошли на прорыв. Японцы не выдержали штыкового удара и пропустили русских. При атаке несколько раз был ранен командир-священник, убито много бойцов и половина музыкантов. За этот подвиг отец Стефан Щербаковский был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени¹¹.

Мужеством и самоотверженностью отличался в боях и священник 12-го Барнаульского полка Николай Слободской. За Русско-японскую войну он получил орден Святой Анны 3-й степени и золотой наперстный крест на Георгиевской ленте. Аналогично воевал священник 8-го Томского полка Петр Курдюмов. Сослуживцы сообщали о нем, что с полей сражений он уходил, как правило, последним, так как всегда старался оказать всяческую помощь тяжелораненым и умирающим воинам¹².

В целом изучение событий Русско-японской войны позволяет нам говорить о том, что для большинства сословий Сибири, в том числе и духовенства, эта война не была империалистической, а стала во многом народной и патриотической.

Примечания

1. Исакова Е. В. Храмы-памятники русской военной доблести. М., 1991. С.54; ГАТО. Ф.170. Оп. 1. Д.4343 и др.
2. Исакова Е. В. Указ. соч.
3. Дневник А. Н. Куропаткина// Красный архив. 1935. Т.1. С.80.
4. ГАЧО (Читинский). Ф.1. Оп.1. Д.14194. Л.16.
5. ГАОО (Омский). Ф. 99. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 12—236.
6. РГВИА (воен.-истор.). Ф.970. Оп. 3. Д. 897. ЛЛ. 75—94, 111—119; Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 106.
7. Сибирская жизнь. 1904.14 июля.
8. Кассирский И. А. Воспоминания о профессоре В. Ф. Войно-Ясенецком// Наука и жизнь. 1989. № 5. С.78.
9. Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время Русско-японской войны. Т. 1. С.86—87.
10. Синтара Накамура. Японцы и русские. М., 1983. С.241; Вестник Маньчжурских армий. 1905. 27 июля; Сибирская жизнь. 1904. 18 августа.
11. Черемисов В. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. СПб., 1909. С.50.
12. Ростов Н. Д. Земли Алтайской верные сыны. Барнаул, 2003. С. 129.

О праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. в Томской губернии

В августе 1912 года в России торжественно отмечали столетний юбилей Отечественной войны 1812 года. «В ознаменование столетней годовщины Отечественной войны и в память подвигов славных предков, и принесших в жертву Отечеству свою жизнь и достояние» была учреждена юбилейная медаль. В соответствии с утвержденным положением медалью этой награждались:

1. Все воинские чины, состоявшие на службе 26 августа 1912 года в тех войсковых частях, которые участвовали в Отечественной войне 1812 года от начала её до окончательного изгнания неприятеля из пределов России (т. е. с 12 июня по 25 декабря 1812 г.)

2. Лица, принимавшие участие в парадах на Бородинском поле и в Москве в дни празднования юбилея.

3. Все лица, принимавшие видное участие в разработке вопросов, связанных с празднованием столетия Отечественной войны, и по устройству юбилейных празднеств.

4. И все прямые потомки, по мужской линии, офицеров и соответствующих гражданских чинов, участвовавших в Отечественной войне 1812 года, как мужского, так и женского пола.

В Государственном архиве Томской области сохранилась переписка Губернского Управления по поводу выявления и дальнейшего награждения этой медалью лиц, проживающих в Томской губернии. Изучение архивных данных позволяет достаточно полно ответить о количестве и поименном составе награжденных в соответствии с третьим из указанных пунктов, а именно тех, кто активно принимал участие в организации и проведении юбилейных торжеств в Томской губернии и ее уездах.

Некоторая особенность этой медали в том, что имеющие право на награждение в соответствии с Положением должны были самостоятельно «спрашивать» награждение в ходатайстве перед своим начальством. Далее все это сводилось в рапорты Уездных Исправников и Председателей Уездных Съездов крестьянских начальников, направляемых Томскому губернатору, которые рассматривались на заседании Губернского управления, итоги рассмотрения были сведены в «список лиц предполагаемых к награждению медалью», поданный, очевидно далее губернатору.

Памятная медаль 1812 г.

Представленные в Губернское Управление документы, помимо списков активных участников и организаторов этих торжеств в каждом уезде, включают и непосредственное описание этих патриотических мероприятий. Из одного из таких рапортов — Председателя Кузнецкого Уездного Съезда крестьянских начальников Миролюбова Аркадия Павловича можно получить представление о том, как проходило в Кузнецком уезде это юбилейное торжество. Есть смысл привести полностью этот документ, направленный в Томск 30 октября 1912 года.

«Его превосходительству Г. Томскому Губернатору. Имею честь донести ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, что активное участие в деле устройства юбилейных торжеств в г. Кузнецке и его уезде в память Столетия Отечественной Войны принимали участие: Крестьянские начальники 1 уч. А. П. Миролюбов, 2 уч. Б. Н. Пермикин, 3 уч. Л. А. Шавров, Заведывающий водворением переселенцев в Кузнецком подрайоне П. Н. Копылов, Кузнецкий Уездный Исправник И. И. Загарин, Податный Инспектор Кузнецкого участка А. О. Ширкевич, Настоятель местного Спасо-Преображенского Собора Протоиерей отец Виссарион (Минералов В. Т.), Городской Староста Порфирий Семенович Тытыяков, Кузнецкий Уездный Воинский начальник капитан Николай Степанович Сухов, Учитель-Инспектор А. М. Кутузов и Секретарь Уездного Съезда Ф. М. Яременко. Участие со стороны указанных выше лиц в устройстве празднования Столетнего юбилея Отечественной Войны выразились: 1) в разработке программы юбилейных торжеств которая телеграммой Вашего Превосходительства от 14 августа с.г. была одобрена и при устройстве выполнена в точности, 2) организации самых торжеств на местах и 3) непосредственное участие на этих торжествах.

Разрабатывали план празднования юбилея Отечественной Войны: Крестьянские начальники 1 уч. А. П. Миролюбов, 2 уч. Б. Н. Пермикин, 3 уч. Л. А. Шавров, Заведывающий водворением переселенцев

Памятная медаль к столетию 1812 г.

в Кузнецком подрайоне П. П. Копылов, Кузнецкий Уездный исправник И. И. Загарин, Податной инспектор Кузнецкого участка А. О. Ширкевич, О. Протоиерей В. Т. Минералов, Городской Староста П. С. Тытыяков, Воинский начальник Н. С. Сухов, учитель-инспектор Городского Училища А. М. Кутузов и Секретарь Съезда Ф. М. Яременко. Они же, за исключением Секретаря Уездного Съезда Ф. М. Яременко, организовали по выработанному плану и торжества на местах. Непосредственное живейшее участие в торжествах принимали также все указанные лица, за исключением Крестьянских Начальников 1 уч. А. П. Миролюбова, 2 уч. Б. Н. Пермикина, 3 уч. А. А. Шаврова и Заведывающего водворением переселенцев в Кузнецком подрайоне П. Н. Копылова, так как эти лица в виду весьма срочного дела по обследованию положения урожая трав и хлебов, пострадавших от ненастяя и заморозков в сем 1912 году, при всем своем желании не имели возможности принять живое и непосредственное участие в самых торжествах. Дни 25 и 26 августа они провели в своих участках, спешно объезжая и обслеживая пострадавшие селения. Однако при обзродах своих участков они, тем не менее, принимали участие в устройстве юбилейных торжеств, распоряжаясь лично и давая советы к приготовлениям этих торжеств.

Сами торжества в г. Кузнецке выразились в следующем. Под непосредственным руководством Уездного Исправника И. И. Загарина и Городского Старосты П. С. Тытыякова 25 августа после заупокойной литургии в местном соборе было устроено торжественное шествие на могилу ветерана Отечественной Войны Меретеева. 26 августа они же устроили парад местному Вольно-Пожарному Обществу, а Воинский Начальник Н. С. Сухов совместно с Учителем-Инспектором Городского Училища А. М. Кутузовым парад нижним чинам местной команды и хорошо подготовленными Кутузовыми потешными из воспитанников Городского Училища. Днем при участии представителей от волостей

уезда состоялось торжественное заседание. Вечером Воинским Начальником Н. С. Суховым были устроены солдатские игры, которые, кстати сказать, настолько были занимательны, что население города были от них в восторге.

В уезде в с. Салаирском Руднике и Тогуле были устроены торжественные шествия крестных ходов к памятникам Императора Александра II. Население принимало участие в торжествах с приподнятым патриотическим чувством. В некоторых селениях уезда во время этих торжеств по инициативе должностных лиц крестьянского общественного управления были устроены подписки на портреты в Бозе почивающем Императора Александра I.»¹

А вот из Мариинского уезда пришел более лаконичный ответ на запрос из Томска. «Доношу Вашему Превосходительству, что лица которые принимали бы видное участие в разработке вопросов, связанных с празднованием столетнего юбилея Отечественной войны и могли быть удостоенными награждением юбилейной медалью, во вверенном мне уезде нет». За уездного исправника... (подпись не разборчива).

В итоге рассмотрения Губернским Управлением было отобрано 50 человек, предлагаемых к награждению по Томской губернии, в том числе по Кузнецкому уезду были: Председатель Кузнецкого Уездного Съезда, титулярный советник Аркадий Павлович Миролюбов и Кузнецкий Уездный Исправник, надворный советник И. И. Загарин. По Мариинскому уезду: Председатель Мариинского Уездного Съезда классный асессор Николай Александрович Тихобаев.

В число награжденных по Томской губернии входят:

Архиепископ Томский и Алтайский Макарий, Епископ Барнаульский Евфимий, Настоятель Томского Троицкого Собора Протоиерей Мстиславский, Настоятель Бийского Собора Протоиерей Лебедев, секретарь Его Высокопреосвещенства Арх. Макария Беневоленский.

Вице-Губернатор полковник А. Г. Загряжский, ректор Томского Университета И. А. Базанов, директор Томской мужской гимназии статский советник Н. Н. Бакай, директор Народных училищ Рамзевич. Начальник Томского Округа Путей сообщений инженер В. П. Попов, его помощник надворный советник Г. Н. Сидоренко.

Начальник Томского Губернского Жандармского Управления полковник Мазурин. Городские головы: г. Томска — И. М. Некрасов, г. Барнаула — Н. П. Переломов, г. Новониколаевска — В. И. Жернаков.

Председатели Уездных Съездов Крестьянских Начальников: Бийского — А. П. Строльман, Барнаульского — Р. Н. Щербаков, Томского — П. И. Троицкий, Змеиногорского — В. А. Щигорин.

Томский Полицмейстер М. П. Шеремет, Новониколаевский — Бойчевский, Колыванский — барон фон-дер Остен-Сакен. Шесть

уездных исправников (кроме Мариинского). Приставы пяти участков г. Томска. И некоторые другие лица².

Интересно проследить документооборот, сопровождающий вручение медалей.

3 декабря 1912 г. из Министерства внутренних дел Санкт-Петербурга в г. Томск Губернатору «вследствие представления от 23 минувшего ноября за № 9 Департамент Общих Дел препровождает при сем к Вашему превосходительству пятьдесят экземпляров светло бронзовой медали Высочайше установленной в память столетия Отечественной войны 1812 г., с соответствующим количеством Владимирской ленты, для выдачи лиц, поименованным в приложение к вышеупомянутому представлению списке, прося о получении таковых знаков отличия не отказать уведомить. К сему Департамент присовокупляет, что препровождаемые при сем медали предназначаются исключительно для выдачи лицам, имеющим право на бесплатное их получение. Лица же указанные в пункте Е Положения о сей медали (потомки офицеров участников войны. — С. К.), должны приобретать таковые за свой счет, почему Департамент просит не отказать вернуть медали, оказавшиеся излишними, обратно, для сдачи их казначайскую часть Главного Управления Генерального Штаба»³.

В начале февраля 1913 года медали, орденская лента и свидетельства на право ношения были доставлены в Томск. Медаль при препровождении награжденному сопровождалась письмом. «Томский губернатор Его Превосходительству Н. В. Попову Начальному Томского округа путей сообщения. 4 февраля 1913 г. Милостивый Государь, Николай Васильевич. Препроваждая ВЫСОЧАЙШЕ утвержденную в память столетия Отечественной войны светло-бронзовую медаль и свидетельство за № 2257 на право ношения таковой, прошу о получении меня уведомить. Примите уверение в моем к Вам уважении и преданности»⁴.

Каждый награжденный по получении медали уведомлял о её получении. Вот, например, ответ Ректора Томского Университета от 9 февраля 1913 г. «Его Превосходительству П. К. Гран, Господину Томскому Губернатору. Милостивый Государь Петр Карлович. С чувством глубокой признательности имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что препровожденные мне при письме Вашем от 4-го февраля светло-бронзовая медаль в память столетия Отечественной войны и свидетельство за № 2246 на право ношения таковой, мною получены. Пользуясь случаем, прошу принять уверение в искреннем уважении и совершенной преданности. И. Базанов»⁵.

Очевидно после первоначального рассмотрения Губернским Управлением были получены еще ходатайства о награждениях, которые решено было удовлетворить, и в Министерство внутренних дел были отправлены отношения № 2455 и 4542 о препровождении

дополнительного числа медалей, вследствие которых в марте 1913 г. в Томск были отправлены еще 9 медалей⁶.

Очевидно, в целом по России поток отношений для получения медали не прекращался, и это привело к появлению следующего документа полученного канцелярией Томского губернатора в апреле 1913 г.

«Вследствие поступающих до сего времени от Гг. Губернаторов и Градоначальников ходатайств о высылке знаков светло-бронзовой медали, учрежденной в память столетия Отечественной войны 1812 г., Департаментом Общих Дел было сделано надлежащее сношение с Главным Управлением Генерального Штаба, которое уведомило, что оно лишено возможности исполнить означенное требование за полным израсходованием всего заготовленного им запаса юбилейных медалей.

В виду сего, если Ваше Превосходительство не предполагаете сделать, от себя заказ в потребном количестве медалей на Монетном Дворе, то казалось бы наиболее правильным из лиц, коим испрашивается медали по пункту А (лиц, принимавшим видное участие в разработке торжественных мероприятий.— С. К.) Положения, состоящим в классных чинах, предоставлять лишь право на ношение медали, с предложением приобретать ее за свой счет, а для низших служащих — покупать таковыя за счет хозяйственных или иных сумм учреждений, что, при весьма невысокой продажной цене юбилейных медалей в память войны 1812 г. (от 25—50 коп. за экземпляр), затруднительным бы не представилось.

Что же касается порядка взимания гербового сбора по переписке, возникающей по вопросам о праве на ношение сказанной юбилейной медали, то, согласно разъяснению Департамента Окладных Сборов Министерства Финансов, оплате гербовым сбором в размере 75 коп. с листа подлежат лишь ходатайства, возбуждаемые отдельными лицами о своих правах на ношение названной медали, что не может быть распространено на лиц, получающих медали распоряжением начальства по своему служебному положению или по своей деятельности, без каких либо особых ходатайств с их стороны.

Об изложенном сообщаю Вашему Превосходительству для сведения и надлежащего руководства»⁷.

Всего на С.-Петербургском монетном дворе в 1912 году было отчеканено 442 000 медалей⁸ но уже к началу 1913 года все они были израсходованы и дальнейшее награждение производилось только выдачей свидетельства на право ношения юбилейной медали, сами медали заказывались награжденными у частных мастеров.

В ГАТО сохранилась и переписка по поводу одного награждения прямого потомка офицера, участника войны 1812 г. «Томский губернатор. 1-ое отделение Губернского Управления. Сентября 29 дня 1913 г. Барнаульскому Уездному Исправнику. Прилагаемое свидетельство

на право ношения медали в память столетия Отечественной войны предлагаю выдать проживающей в г. Барнауле дворянке Марии Гавриловне Басараевой, под росписку, которую доставить в Губернское Управление, предварительно истребовав от нее две гербовых 75 к. марки»⁹.

Таким образом, сохранившиеся в архиве документы позволяют представить, как в Томской губернии происходили юбилейные торжества по случаю столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г., кто принимал участие в их подготовке, проведении. Становится наглядной и часть системы награждения существовавшей в России и в Томской губернии в частности, сопутствующее награждению делопроизводство.

Примечания

1. Государственный архив Томской области (ГАТО), Фонд 3, опись 2, дело 6709, лист 33.
2. Там же, лист 46.
3. Там же, лист 45.
4. Там же, лист 51.
5. Там же, лист 56.
6. Там же, лист 72.
7. Там же, лист 81.
8. Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи XIX–XX веков. Каталог. М., 1996. С. 272.
9. ГАТО, Фонд 3, опись 2, дело 6709, лист 90.

Фотографы Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Большое количество представителей буржуазии Томской губернии второй половины XIX—начала XX веков выбрало в качестве направления приложения своих капиталов сферу услуг. Данная рыночная ниша в России являлась вотчиной частного капитала, в первую очередь мелкого и среднего. Государство не брало на себя обязанности по содержанию и развитию социально-культурной инфраструктуры. Оказание фотоуслуг стало прерогативой прежде всего мелких и средних предпринимателей.

В 30—40-е годы XIX столетия во Франции и Англии появляются первые фотографии. Фотодело быстро распространилось по миру. Фактически с первых дней своего существования оно стало известно и в России. «Моментальные портреты и пейзажи» сразу же стали весьма популярны. Фотостудии и фотосалоны стали обычными на улицах губернских, а затем и уездных городов Российской империи. Томская губерния не являлась исключением. Первые «фотографические заведения» появились в Барнауле. В 1863 году здесь открывается фотография надворного советника Г. П. Васильева, в 1865 году инженера-технолога П. П. Мечникова¹. Во второй половине 60-х годов XIX века открываются фотосалоны С. А. Лейбина, Ф. Крассовского, И. И. Мосмана, А. М. Пескина в Томске².

Первые фотографии часто открывались чиновниками, специалистами горного дела, которые часто посещали столицу, были в курсе всех модных веяний, культурных и технических новинок³. Однако, уже скоро положение переменилось. В приложении к статье приводится список владельцев фотографических заведений Томской губернии второй половины XIX—начала XX веков, составленный по данным губернских статистических органов, представляемых в Главное управление по делам печати МВД и сведениям сибирских торгово-промышленных календарей. Учитывая уровень развития статистики России того времени, список нельзя назвать полным, однако он позволяет выявить ряд показательных тенденций.

Совершенно очевидно, что данную рыночную нишу заполнили в основном представители мещанского сословия. Из 125 владельцев фотографических заведений 50 (40 %) являлись мещанами, 12 (9,6 %) — действующими и отставными чиновниками либо их женами, 10 (8 %) — крестьянами, 6 (5 %) — купцами и потомственными почетны-

ми гражданами, 3 (2,4 %) — дворянами, 12 (9,6 %) — представителями других сословий. Сословная принадлежность 31 владельца (24,8 %) осталась неустановленной. Вместе с тем, поскольку фотографические заведения владельцев не установленной сословной принадлежности возникли в конце обозреваемого периода, когда чиновники, купцы, потомственные почетные граждане и дворяне практически покинули данную сферу бизнеса, есть все основания полагать, что большинство этих владельцев представляли сословие мещан и крестьян.

Мещан, крестьян, представителей других сословий (иностранцев, аптекарей, студентов и др.) мы относим к слою мелкого и среднего предпринимательства. Среди владельцев фотографических заведений их было как минимум 57,6 %, а без учета лиц, сословную принадлежность которых установить не удалось, — 76,6 %. Последняя цифра, на наш взгляд, достаточно объективно характеризует минимальную долю представителей мелкого и среднего бизнеса на рынке фотоуслуг Томской губернии во второй половине XIX—начале XX веков. Данному факту есть простое объяснение. Уставы о цензуре весьма лояльно относились к открытию фотосалонов, а губернские правления, в том числе Томское, неоднократно получали циркулярные разъяснения, подтверждавшие право каждого желающего «заниматься фотографией без особого разрешения губернского начальства»⁴.

С другой стороны, содержание фотосалонов являлось весьма прибыльным занятием, что отмечалось в переписке казенных палат с Департаментом Торговли и мануфактур⁵. Владельцы фотографических заведений практически не платили налогов. Казенные палаты выражали озабоченность сложившимся положением вещей: «... эти заведения даже при значительных оборотах и прибылях требуют самого ничтожного количества служащих и рабочих... число фотографий... с выдающимися относительно оборотами совершенно освобождены от всякого обложения...»⁶. Некоторые предприниматели владели несколькими фотоателье, причем в разных населенных пунктах: С. Ф. Николаев в Томске и Барнауле, Г. П. Басарев в Барнауле и Каинске, П. А. Афанасьев в Барнауле, Бийске и Кривощеково, В. М. Панаев в Барнауле и Бийске, В. А. Шаниор в Бийске и Кузнецке, А. В. Шаниор в Томске и Бийске, Е. В. Ермолина и А. В. Скворчинский в Бийске и Каинске⁷.

В начале XX века количество фотосалонов выросло, они появились практически во всех более или менее значительных населенных пунктах (см. приложение). Цена предоставляемых услуг была невысокой, а качество вполне приемлемым даже у «разъездных» фотографов, что отмечалось местной прессой⁸. Наиболее известным и преуспевающим фотографом Томской губернии был Сергей Иванович Борисов, проживавших в Барнауле. Качество его работ соответствовало мировым стандартам. Он был настоящим фанатом своего дела, фотохудожником,

запечатлевшим тысячи картин жизни Алтая. Творческие интересы С. И. Борисов удачно совмещал с предпринимательской деятельностью. Его фотографические открытки с видами Барнаула и Горного Алтая пользовались большой популярностью у обывателей и издавались как в России, так и за рубежом⁹. Доходы Борисова были достаточно велики, чтобы размещать собственную рекламу в сибирских справочных изданиях¹⁰.

Срок действия фотографических заведений не был одинаков. Одни из них, проработав год-два, закрывались, не выдерживая конкуренции, однако были и такие, которые работали не одно десятилетие, в частности, фотографии С. Ф. Николаева (Томск, Барнаул), В. А. Шаниора (Бийск, Кузнецк), А. В. Шаниора (Томск, Бийск), Н. П. Величко, Н. С. Юнышева, В. Ф. Ваккера, И. М. Шепелева (Томск), С. И. Борисова, Т. П. Новоселова (Барнаул), П. А. Афанасьева (Барнаул, Бийск, Новониколаевск), Е. В. Ермолиной (Бийск, Каинск), Н. А. Ермолина (Бийск), М. В. Емельянова, А. Е. Дудоладова, К. Ф. Белова (Каинск), М. Шустера (Мариинск)¹¹.

Приложение к статье показывает, что нередко создавались целые династии профессиональных фотографов-предпринимателей.

К началу первой Мировой войны в Томске, Барнауле, Новониколаевске действовало одновременно как минимум от 8 до 14 фотографических заведений. В других городах от 2 до 6¹². Оказание фотоуслуг стало специфической сферой приложения капиталов для достаточно большого количества представителей мелкого и среднего предпринимательства.

Приложение

Фотографы Томской губернии второй половины XIX—начала XX в.13

№	Владелец заведения	Сословная принадлежность владельца	Год основания заведения
	1	2	3
Томск. Вторая половина XIX в.			
1	Лейбин Соломон Абрамович	Мещанин	1867
3	Мосман Иосиф Иванович	Прусский подданный	1868
4	Пескин Анисим Моисеевич	Купец 2-й гильдии	1869
5	Алтакова	Жена чиновника	1870
6	Паршин Семен Васильевич	Купец 2-й гильдии	1870
7	Цандер Адельберт	Цеховой	1873
8	Николаев Станислав Федорович	Дворянин	1876
9	Шаниор Людвиг Войцехович	Мещанин	1879
10	Кесскер Исаак Ермолаевич	Мещанин	1880
11	Гилевич Иосиф Петрович	Временный купец	1881
12	Ершинский Юлиан Устинович	Дворянин	1883

№	1	2	3
13	Лейнарт Карл Августинович	Мещанин	1883
14	Прокопьев Наум Филиппович	Мещанин	1883
15	Картамышев Василий Петрович	Студент	1884
16	Дубровин Аполлон Павлович	Купец	1887
17	Милевский Петр Адамович	Мещанин	1887
18	Снельман Петр Адамович	Неизвестна	1887
19	Величко Николай Петрович	Мещанин	1890
20	Юнышев Николай Сергеевич	Мещанин	1891
21	Иванов Н. С.	Фельдшер	1892
22	Спасский Николай Алексеевич	Обер-офицерский сын	1893
23	Брильянщиков Леонтий Семенович	Мещанин	1896
24	Ваккер Вальдемар Федорович	Мещанин	1896
25	Добринский Александр Михайлович	Потомственный почетный гражданин	1896
26	Константинов Николай Козмич	Мещанин	1896
27	Иванов Александр Семенович	Мещанин	1897
28	Шепелев Иван Никифорович	Крестьянин	1898

Томск. Начало XX в.

1	Величко Николай Петрович	Мещанин	1890
2	Юнышев Николай Сергеевич	Мещанин	1891
3	Ваккер Вальдемар Федорович	Мещанин	1896
4	Иванов Александр Семенович	Мещанин	1896
5	Шепелев Иван Никифорович	Крестьянин	1898
6	Альберт	Неизвестна	1902
7	Янкевич Осип Иванович	Мещанин	1902
8	Коркин Василий Егорович	Крестьянин	1904
9	Лавров Николай Андреевич	Крестьянин	1904
10	Хаймович Артемий Аронович	Мещанин	1906
11	Иванова Анна Александровна	Жена фельдшера	1907
12	Майоров Василий Ефимович	Крестьянин	1907
13	Пейсаход Шмуль Лейбович	Мещанин	1907
14	Ткаченко Александр Лаврентьевич	Мещанин	1907
15	Янкевич Иосиф Иванович	Мещанин	1907
16	Коркин В. Е.	Неизвестна	1910
17	Лейбов В. Л.	Неизвестна	1910
18	Пейсаход М. С.	Неизвестна	1910
19	Козлов Г. И.	Неизвестна	1913
20	Пейсаход А.	Неизвестна	1913
21	Пеньков А.	Неизвестна	1913
22	Пеньков П.	Неизвестна	1913

№	1	2	3
Барнаул. Вторая половина XIX в.			
1	Васильев Георгий Петрович	Надворный советник	1863
2	Мечников Петр Петрович	Инженер-технолог	1865
3	Велижанин Петр Петрович	Отставной горный кондуктор	1870
4	Богословский Спиридон Михайлович	Отставной коллежский секретарь	1876
5	Николаев Станислав Федорович	Дворянин	1882
6	Анисимов Владимир Павлович	Дворянин	1883
7	Басарев Гавриил Петрович	Мещанин	1889
8	Борисов Сергей Иванович	Мещанин	1894
9	Хромов Иван Тимофеевич	Мещанин	1899
Барнаул. Начало XX в.			
1	Борисов Сергей Иванович	Мещанин	1894
2	Хромов Иван Тимофеевич	Мещанин	1899
3	Новоселов Тимофей Петрович	Мещанин	1901
4	Бочкарева Анна Петровна	Мещанка	1902
5	Парамонова Александра Никандровна	Мещанка	1903
6	Третьяков Александр Васильевич	Мещанин	1903
7	Ромин Василий Максимович	Мещанин	1905
8	Блавинский Иосиф Иосифович	Отставной чиновник	1906
9	Афанасьев Павел Акинфиевич (Иокимович)	Крестьянин	1908
10	Вахрушин Петр Иванович	Мещанин	1908
11	Роганов Николай Иванович	Мещанин	1908
12	Юзин Константин Васильевич	Мещанин	1908
13	Мохов К. Е.	Неизвестна	1910
14	Новоселов И. П.	Мещанин	1910
15	Павловский Б. И.	Неизвестна	1910
16	Панаев Василий Михайлович	Мещанин	1910
17	Роганов Ф. И.	Неизвестна	1910
18	Славинский	Неизвестна	1910
19	Кричман	Неизвестна	1912
Новониколаевск (Кривошеково). Вторая половина XIX в.			
1	Шаль Рудольф Самуилович	Мещанин	1895
2	Афанасьев Павел Акинфиевич (Иокимович)	Крестьянин	1895
3	Кочешев Алексей Иванович	Мещанин	1896
4	Тельминов Ларион Терентьевич	Крестьянин	1896

№	1	2	3
5	Заболотнов Иван Герасимович	Мещанин	1899
Новониколаевск (Кривошеково). Начало XX в.			
1	Шаль Рудольф Самуилович	Мещанин	1895
2	Заболотнов Иван Герасимович	Мещанин	1899
3	Иванов Александр Иванович	Мещанин	1901
4	Овчин Петр Яковлевич	Мещанин	1902
5	Замолоцкий	Неизвестна	1906
6	Овчин П. Г.	Неизвестна	1912
7	Ермолов	Неизвестна	Не известен
8	Лунц Р. П.	Неизвестна	Не известен
Бийск. Вторая половина XIX в.			
1	Ефремов Всеволод	Мещанин	1880
2	Шаниор Людвиг Войцехович	Мещанин	1880
3	Афанасьев Павел Акинфиевич (Иокимович)	Крестьянин	1882
4	Ермолин Николай Александрович	Мещанин	1889
5	Шаниор Владимир Людвигович	Мещанин	1895
6	Ермолина Елизавета Васильевна	Мещанка	1899
Бийск. Начало XX в.			
1	Афанасьев Павел Акинфиевич (Иокимович)	Крестьянин	1882
2	Ермолин Николай Александрович	Мещанин	1889
3	Шаниор Владимир Людвигович	Мещанин	1895
4	Ермолина Елизавета Васильевна	Мещанка	1899
5	Скворчинский Адам Венедиктович	Прусский подданный	1902
6	Суслова Л.	Жена штабс-капитана	1902
7	Бермен	Германский подданный	1908
8	Голубев Яков Осипович	Не известна	1908
9	Зилотин Иван Андреевич	Мещанин	1908
10	Панаев Василий Михайлович	Мещанин	1908
11	Шамьер	Неизвестна	1908
12	Шаниор Виктор Людвигович	Мещанин	1908
13	Залогин И. О.	Неизвестна	1910
Каинск. Вторая половина XIX в.			
1	Емельянов Меркурий Васильевич	Мещанин	1876
2	Басарев Гавриил Петрович	Губернский секретарь	1883
3	Дудоладов Александр Ефимович	Коллежский асессор	1897
Каинск. Начало XX в.			
1	Емельянов Меркурий Васильевич	Мещанин	1876
2	Дудоладов Александр Ефимович	Коллежский асессор	1897

№	1	2	3
3	Ермолина Елизавета Васильевна	Мещанка	1902
4	Скворчинский Адам Венедиктович	Прусский подданный	1902
5	Белов Константин Федорович	Мещанин	1903
6	Иванов Прокопий Прокопьевич	Мещанин	1904
7	Емельянов И. М.	Мещанин	1911

Мариинск. Вторая половина XIX в.

1	Мельников	Коллежский секретарь	1873
2	Безносов (Бессонов) Дмитрий Николаевич	Старший учитель мариинского приходского училища	1874
3	Мальцев Дмитрий Семенович	Мещанин	1893
4	Андреева Елизавета Александровна	Мещанка	1894
5	Корсак Сусанна Михайловна	Жена губернского секретаря	1895
6	Шустер Монс Шавелевич	Мещанин	1895
7	Вишняк Моисей Яковлевич	Мещанин	1899

Мариинск. Начало XX в.

1	Шустер Монс Шавелевич	Мещанин	1895
2	Вишняк Моисей Яковлевич	Мещанин	1899
3	Водовозов Ицка Аронович	Мещанин	1907
4	Жмурин-Виноградов Иван Евдокимович	Крестьянин	1907
5	Апанасенко Иван Харитонович	Неизвестно	Неизвестен
6	Апанасенко Харитон Антонович	Неизвестно	Неизвестен
7	Киселев-Загорянский В. И.	Неизвестно	Неизвестен

Кузнецк. Вторая половина XIX в.

1	Михеев (Михалев) Виктор Иванович	Подпоручик кузнецкой местной команды	1886
2	Шаниор Владимир Людвигович	Мещанин	1895
3	Будрина Мария Васильевна	Потомственная почетная гражданка	1896
4	Либерман Леопольд Христофорович	Потомственный почетный гражданин	1896

Кузнецк. Начало XX в.

1	Либерман Леопольд Христофорович	Потомственный почетный гражданин	1896
---	---------------------------------	----------------------------------	------

Колывань. Вторая половина XIX в.

1	Тельминов Ларион Терентьевич	Крестьянин	1896
2	Вигиняк Шмуль Янкелевич	Мещанин	1896

Тайга. Вторая половина XIX в.

1	Тимченко Л.	Неизвестно	1895
---	-------------	------------	------

№	1	2	3
Тайга. Начало XX в.			
1	Меер Л.	Крестьянин	1907
2	Шмелинг А. И.	Мещанин	1907
Татарск. Начало XX в.			
1	Козьменко И. И.	Крестьянин	1907
Боготол. Начало XX в.			
1	Канов Ф. И.	Неизвестно	1912
Камень-на-Оби. Начало XX в.			
1	Пуксов В. И.	Крестьянин	Не известно
Славгород. Начало XX в.			
1	Иващенко Г.	Не известна	1912
Змеиногорское. Вторая половина XIX в.			
1	Хапалов Михаил Гаврилович	Мещанин	1895
Змеиногорское. Начало XX в.			
1	Корсак Александр Петрович	Отставной титулярный советник	1907
Усть-Чарышская Пристань. Начало XX в.			
1	Иващенков Григорий Михайлович	Крестьянин	1907
Бердское. Начало XX в.			
1	Третьяков Александр Васильевич	Мещанин	1907

Примечания

- ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1145. Л. 20; Д. 1882. Л. 146, 23, 64а.
- Там же. Д. 1145. Л. 34.
- Метельницкий К. Н. Из истории развития фотодела в Барнауле (по материалам фондов Алтайского краевого краеведческого музея)// Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул, 1993. С. 100.
- ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4979. Л. 2; Д. 6781. Л. 10.
- РГИА. Ф. 20. Оп. 9. Д. 588. Л. 1—2.
- Там же. Л. 3.
- ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1882. Л. 146, 35а, 46, 53; Д. 2202. Л. 1, 32; Д. 2651. Л. 5; Д. 3674. Л. 3, 13, 15; Д. 3782. Л. 4, 32; Д. 5280. Л. 34; Д. 6350. Л. 12, 60; Д. 6442. Л. 40; Оп. 4. Д. 2554. Л. 43; Оп. 14. Д. 76. Л. 17; Оп. 15. Д. 3. Л. 17. Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1913 год. Томск, 1913. Отд. IV. С. 68; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1910 год. СПб., 1910. Отд. V. С. 40; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. СПб., 1911. Отд. V. С. 40.
- Сибирский коммерсант. 1910. 10 марта.
- Метельницкий К. Н. Указ. соч. С. 103—107.
- Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1913 год. Отд. IV. С. 57; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1910 год. Отд. V. С. 11.
- ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1882. Л. 2а, 146, 35а, 46, 52; Д. 2206. Л. 1, 3; Д. 2651. Л. 3, 4, 5, 13, 15, 26; Д. 3674. Л. 2, 3, 4, 6, 13, 15, 17; Д. 3782. Л. 5, 11, 17, 32; Д. 5280. Л. 3, 26, 34; Д. 6350. Л. 2, 5, 6, 12, 30, 34, 43, 60; Д. 6442. Л. 39, 40, 69; Там же. Оп. 4. Д. 2554. Л. 43, 126, 155, 189; Там же. Оп. 14. Д. 76. Л. 6, 17, 35; Там же. Оп. 15. Д. 3. Л. 17, 23; Сибирский торго-

- во-промышленный ежегодник на 1913 год. Отд. IV. С. 57, 62, 68, 131, 452; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Томск, 1899. Отд. III. С. 178; То же на 1910 год. Отд. V. С. 57, 255; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. Отд. V. С. 131.
12. РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 246. Л. 6, 15, 23, 40, 48, 56, 80; ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 4071. Л. 27, 46, 50, 59, 66, 75, 83, 95; Обская жизнь. 1910. 2 февр.; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. Отд. V. С. 40.
13. Источники: ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1145. Л. 20, 26, 34, 35, 46; Д. 1882. Л. 2а, 4, 146, 15, 22, 23, 27, 35а, 46, 52, 53, 64, 64а; Д. 2202. Л. 1, 3, 16; Д. 2651. Л. 4, 5; Д. 3322. Л. 62—74, 170—183; Д. 3674. Л. 3, 6, 11, 13, 15, 17; Д. 3782. Л. 4, 5, 11, 17, 32; Д. 5280. Л. 3, 6, 12, 13, 20, 26, 34; Д. 6350. Л. 2, 6, 12, 13, 28, 34, 36, 43, 44, 49, 60; Д. 6442. Л. 30, 39, 40; Оп. 4. Д. 2554. Л. 4, 43, 51, 58, 68, 84, 92, 126, 155, 182, 189; Оп. 14. Д. 76. Л. 2, 6, 10, 13—15, 21, 22, 35; Оп. 15. Д. 3. Л. 2, 4, 5, 10, 11, 17, 23; Сибирский коммерсант. 1910. 10 марта; Вольский З. Вся Сибирь. СПб., 1908. С. 514—515; Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1913 год. СПб., 1913. Отд. IV. С. 57, 62, 68, 83, 195, 197, 237, 297, 385, 400, 452; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Томск, 1900. Отд. III. С. 173, 178; То же на 1910 год. СПб., 1910. Отд. V. С. 11, 15, 17, 255; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. СПб., 1911. Отд. V. С. 40, 131, 177.

Из истории православия на территориях, прилегающих к городу Березовский (бывших Арсениевской, Барзасской и Подонинской волостей)

В пятидесяти километрах к северо-востоку от областного центра, города Кемерова, расположен город Березовский.

Долгие века на месте этого города шумела труднопроходимая барзасская тайга. Гуляли в ней привольные ветры, напоенные ароматом хвойной зелени. В низинах холмов и пригорков гнездились молодые ягодные кустарники. По склонам таежных логов сбегали хрустально чистые ручьи, среди лесных зарослей текли реки, к ним собирались на водопой дикие звери, слетались птицы...

И пришел в этот девственный край человек — в поисках благополучного места для жизни и за природными богатствами: каменным углем, древесиной, кедровым орехом, ягодами, грибами, лекарственными растениями, диким зверем.

Переселенцы приезжали с Украины, Белоруссии, из губерний Центральной России: Пензенской, Курской, Калужской, Тульской, Орловской... Селились люди в основном хуторами. Из отдельных поселений постепенно вырастали деревни. Происходило это, например, так. Некто Арсений, выходец из семьи белорусских переселенцев, построил на лесном косогоре для себя избушку, чтобы заниматься разным таежным промыслом. От имени этого охотника и родилось название поселка Арсениевский. Невдалеке от него строились хутора и деревеньки Сосновка, Вотиновка, Васильевка и многие другие.

Народ кругом жил разный. Переселенцы из Европейской России, обосновавшиеся в поселке Дмитриевском, соседствовали с чувашами, основавшими поселок Усть-Кайсас, переименованный в 1912 году в Кучумовский. Соседнюю Родниковку населяли поляки и белорусы. В поселках Придорожном и рядом Александровском около 30 дворов были татарскими. И жили все в округе, уважая друг друга, никаких межрелигиозных разногласий не возникало. Верили в народную мудрость: как потопаешь, так и полопаешь. Поэтому трудились все от мала до велика, и работящие семьи, где было достаточно мужских рук, быстро создавали крепкие хозяйства. А чтобы не томились душеньки переселенцев от духовной жажды, по их же инициативе создавались в наиболее заселенных деревнях храмы, церкви.

Так, в 1908 году по ходатайству жителей новообразованного поселка Дмитриевского Главное управление землеустройства и земледелия

обустроило в нем церковь в честь святителя Николая. Была церковь «зданием походная», «утварью бедная». Все имущество ее помещалось в двух чемоданах. Одним из первых настоятелей походной церквушки был священник Виталий Агафонович Сердобов, направленный в нее 21 августа 1912 года архитектором Томским Макарием. Проходили год за годом, укреплялся приход, богатели и обживались переселенцы. Постепенно были построены молитвенное здание, крытое тесом, и два жилых дома для клира¹.

Подобным образом создавалась церковь и в поселке Арсениевском, который, оказавшись в центре окружных деревень, вскоре стал волостным центром. В 1912 году в поселок из Москвы прибыла походная церковь, а с ней и походная колокольня. Первым священником стал тридцатилетний Василий Алексеевич Георгиевский, а псаломщиком — Иосиф Ювженко в возрасте двадцати одного года. Оба молодых человека прибыли из Центральной России. А так как на месте их нового служения не было у них даже своего жилья, из казны Томской Консистории выдавалось им в год по 225 рублей квартирных. Храм, куда по воле Божьей прибыли отец Василий и Иосиф, не имел ни усадебной, пахотной земли, ни погоста, ни часовен, ни церквей, ни молебных домов, а только 99 десятин лесной заросли, никаких доходов не приносящей. Утвари и той было недостаточно. Не хватало книг «для церковного круга», церковная библиотека лишь «заводилась». Все начал наживать приход силами и средствами прихожан. Они и церковь деревянную стали возводить, и строить дом для священника².

Божьи храмы создавали не только православные, но и иноверцы, поселившиеся в нашем крае. Например, в поселке Придорожном Златогорской волости местные жители — магометане — обратились в Томскую Духовную Консисторию с просьбой разрешить строительство мечети в поселке. Вскоре разрешение на строительство мечети от Томских духовных властей было получено³.

А вот в Рудниковке большинство жителей исповедовали католицизм, и к ним иногда приезжал из Тайги ксендз. Но этого общения было явно недостаточно, и католики приходили в православную церковь поселка Кучумовский на богослужения. Препятствий в том им никто не чинил.

В поселке Кучумовском (в народе его называли и просто Кучум) был храм, а в 1913 г. образовалась женская монашеская община.

О событиях, связанных с образованием этой общины, а также о ее настоятельнице монахине Вере хотелось бы рассказать особо.

Была это неординарная женщина, подвижница, добровольно взявшая на себя миссионерское служение в сибирской глубинке, где осели переселенцы — чуваши. Память о ней хранят только архивные документы. Не будь их, затерялось бы ее имя во времени, поскольку уже и поселка Кучумовского считай что нет...

А разворачивались события так.

Все 500 жителей Кучума были ревностными православными христианами. Своими силами построили молельный дом, который обошелся им в 150 рублей, купили колокола за 38 рублей и других необходимых для прихода товаров еще на 150 рублей. А вот со священником Александром Христенко, присланным в их приход, что-то не ужились. Ни в чем конкретном не обвиняя батюшку, они писали в Томскую Духовную Консисторию: «Не понравилось отцу Александру у нас в поселке Кучумовском жить, потому что мы чуваши». Скорее всего, хоть прямо об этом не говорилось, кучумовцы хотели слышать в церкви родной язык, поскольку русским владели не все...

И вот однажды в Томскую Консисторию из Казанской Духовной Консистории пришло письмо с сообщением, что некая «монахиня Александровского Кошлоушского чувашского женского монастыря Казанской Епархии Вера, уволенная... 25 сентября 1910 года в отпуск на один год на богомолье в Иерусалим, по истечении этого срока в монастырь не явилась и в настоящее время проживает, как уведомило Мариинское полицейское управление, в поселке Кучумовском Томской губернии Мариинского уезда Златогорской волости. Она устроила здесь сборище, наименовала общиной и переманила к себе из Александровского монастыря послушниц...» Далее Казанская Консистория настоятельно просила «воздействовать на монахиню Веру», чтобы она вернулась в родной монастырь.

Сообщение о появлении в поселке Кучумовском «беглой» монахини взволновало церковные власти. Расследовать происходящее поручено было благочинному 11-го округа протоиерею Владимиру Поливанову. Он лично посетил Кучум, а затем в рапорте писал, что монахиня Вера приехала в поселок в 1910 году с целью создания общины и по просьбе жителей поселка для совершения служб на чувашском языке. У монахини, сообщал он, имеется несколько богослужебных книг на чувашском языке, по которым она с послушницами совершает в воскресенье и праздничные дни службы в молельном доме. С нею проживают еще 14 сестер. Работают сестрицы и на свою общину, и на стороне, по найму...

Что-то начало проясняться. Но окончательную ясность в происходящее внесли «покорнейшие прошения» самой беглянки, написанные лишь в 1914 году в Томскую и Казанскую Духовные Консистории: «Милостью Бога, сим покорнейше прибегаю в Казанскую Духовную Консисторию, так как получаю нахождение наше с сестрицами в очень пространной Сибири, в Томской губернии Мариинского уезда Барзасской (ранее Златогорской) волости, вблизи поселка Кучума... Собравшиеся тамошние сестры в количестве 15 человек, находя неудобным вести наставления для незнающих русский язык, обратились ко мне, монахине Вере, в 1910 году с просьбой на поселение. И по прибытии мной к ним со слезами просили остаться

у них навсегда и ходатайство вести об открытии общины... В канун декабря 1912 года, надеясь на милость Бога, обратились с прошением к Его Императорскому Величеству о милостивейшем разрешении открыть нам на имя наследника Цесаревича и Великого князя Алексея женскую общину. По благодати Божией удостоились получить ответ через отца благочинного 11-го округа Мариинского уезда, который, лично посещая нас, обрадовал о будущем нашей общины... Истекло уже около четырех лет. Просрочился данный мне Казанской Духовной Консисторией на скитальчество вид... Поэтому землеприпадая настоящим ходатайством, прошу выслать мне вид с упоминанием моего имени...»⁴

Из всех последующих писем, рапортов, распоряжений явственно вырисовывается образ монахини, ревностной православной чувашки, не испугавшейся ни сибирских морозов, ни трудностей ради своих «собратьев-чуваший», так нуждающихся в духовном окормлении. Но и в хитрости женщины не откажешь: прикрылась отпуском на богоявление в Иерусалим, а сама уже через месяц прибыла в Кучум. Все документы говорят о том, что прибыла она первой, а потом сманила послушниц Казанского монастыря. Монахиня же Вера утверждает, что общежитие стало образовываться еще до ее приезда. К тому же обитель стала создаваться ни больше ни меньше как в честь Цесаревича Алексея. Разве Государь Император против этого устоит или кто в Священном синоде возражать станет?

Ровно за два года до революции, 2 ноября 1915 года, по указу Его Императорского Величества, на заседании Святейшего Синода обсуждается вопрос о кучумовской общине, а в 1916 году принимается решение: «выделить 300 десятин земли» и «учредить женскую общину с наименованием оной «Алексеевской». Это самая последняя страница в архивном «кучумовском деле». Было ли выполнено постановление Священного синода, выдели ли землю женской общине — неизвестно. Началась революция, затем Гражданская война, а за ней — долгий боевой период... Сегодня на месте поселка Кучумовского — три покосившихся избенки, о молельном доме и кельях, приютившихся в одной версте от поселка, вообще помину нет...⁵

С горечью и сожалением думаем мы сегодня о том, что ни в одной из деревень в окрестностях современного города Березовского (да мало ли таких мест по всей России) не сохранилось ни одного церковного памятника, построенного еще в годы первых поселений. После революции все они были закрыты и постепенно разрушились. И только летописи в пыльных молчаливых архивах музеев и библиотек свидетельствуют о фактах исторического прошлого нашего края.

Однако, изучая послереволюционную историю Сибири и Кузбасса, можно найти немало сведений о восстановительном периоде, который начал осуществляться на нашей земле в 1930-е годы. Наверное, мало

кто знает, что, помимо восстановления промышленности, делались попытки восстановить и поруганные революционной горячностью религиозные чувства. Но политика эта проводилась как-то непоследовательно. И непоследовательность эта, наверное, следствие равнодушного и даже нетерпимого отношения к своему историческому прошлому. Свидетельством этого равнодушия и нетерпимости может служить судьба храма Покрова Божьей Матери села Барановка.

Село Барановка в 90-е годы XIX века было одним из крупных. Но если в других селах едва обустроившиеся переселенцы начинали хлопотать о строительстве храма или хотя бы молельного дома, в Барановке решение об открытии православного храма сельский сход принимает уже только во время восстановительного периода. В 1923—1924 годах на самом высоком месте в центре села, по всем правилам церковного зодчества, была построена церковь. Скоро привезли бронзовые колокола, и на престольный праздник, в день Покрова Божьей Матери, жители услышали колокольный звон. В течение десяти лет в Покровском храме совершались богослужения. Сюда приходили верующие с окрестных деревень и поселков. Но вот летом 1935 года председатель сельсовета и два активиста, вероятно, по приказу вышестоящих органов поднялись на церковные купола и стали снимать кресты. На это воровское зрелище сбежались смотреть жители села, многие умоляли не разорять церковь. Снятые с куполов церкви кресты и иконы разобрали деревенские жители. Бронзовые купола были увезены в Кемерово. Так была прервана духовная жизнь Барановского храма. Само здание, сколько могло, еще служило людям. Сначала здесь устроили зернохранилище, потом оно было переоборудовано под клуб. В дневные часы в нем работали детские кружки, а по вечерам крутили кинофильмы. Продержались святые стены без молитвы до 1948 г.

И вот в канун 31-летия Октябрьской революции, в ночь с 6 на 7 ноября, храм загорелся. Пожар был страшным. В конце концов его удалось потушить, но здание уже не подлежало восстановлению...⁶

Зазвонят ли когда-нибудь вновь над Барановкой церковные колокола? Но самое главное — явится ли заново отстроенная церковь через много лет для наших потомков архитектурным памятником родного края, свидетельством культурного и исторического опыта прежних поколений? Или об этом опыте они, как и мы сегодня, будут узнавать из немых архивов и документов?

Примечания

1. ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 4009, лл. 142—149; д. 4443, лл. 149—151
2. ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 4117, лл. 140—144; д. 4380, лл. 158—163, д. 4001, лл. 161—166
3. ГАТО, ф. 170, оп. 7, д. 659, лл. 1—5.
4. Кузбасс, 2001, 28 июля
5. ГАТО, ф. 170, оп. 7, д. 538, лл. 1—47.
6. Кузбасс, 1999, 29 декабря.

Установление власти Советов в Кузбассе

В условиях двоевластия в стране эсеро-меньшевистские лидеры столичных Советов изменили интересам революционного народа. Они стали всецело поддерживать Временное правительство, допустив расстрел июльской демонстрации рабочих и матросов в Петрограде и арест ряда большевистских лидеров. Двоевластие кончилось. Преследования большевиков докатились и до Сибири. Здесь против них выступил в печати Г. И. Потанин — глава Сибирского областного правительства, стремившегося превратить Сибирь в автономную область России¹.

Большевики, рассчитывавшие ранее на переход власти к Советам мирным путём, сняли лозунг «Вся власть Советам». Однако в Кузбассе, как и в ряде других районов Сибири, Советы продолжали действовать вместе с земствами, повсеместно создававшимися Временным правительством. Практически двоевластие здесь оставалось. И официальные органы власти — земства — вынуждены были считаться с Советами.

Так, начальник 6-го участка милиции 29 июля 1917 года жаловался исполному Кузнецкого уездного Совета на то, что рабочие химзавода и Кемрудника примыкают к большевикам и заявляют, что милиция должна подчиняться Совету. Исполнком Кузнецкого уездного Совета пытался было извиняться. Но затем Кузнецкий съезд представителей профсоюзов и Советов высказался за увольнение милиционного начальника.

Под лозунгом «Вся власть Советам» 26 августа прошёл митинг рабочих Анжерских и Судженских копей. Но над митингующими парил и лозунг «Долой смертную казнь», введённую Временным правительством. В поддержку Советов высказался Кузнецкий районный съезд рабочих². Такие явления наблюдались там, где большевикам удавалось развернуть активную работу, порвать с меньшевиками, с которыми состояли в единых организациях, и продолжать отстаивать интересы трудовых коллективов.

Активизации работы большевиков способствовала деятельность партийного пропагандиста Я. Е. Бограда, направленного в Кузбасс из Красноярска Средне-Сибирским бюро РСДРП. Его выступления начались 18 августа на собрании социал-демократов станции Тайга. Лекции и речи на собраниях и митингах рабочих были на темы: «Июльские события в Петрограде», «Шесть месяцев революции» (Февральской), «Кто такой Ленин и почему его так травят буржуазные партии» и др. Я. Е. Боград выступил в Анжерке, Судженске, Кольчугино,

на Кемеровском химзаводе, на станции Топки. Вместе с тем активную работу в Кузбассе вели видные деятели М. И. Сычев (Франц Суховерхов), М. М. Рабинович, И. Н. Кудрявцев³. Работал в Кузбассе и посланный ЦК большевиков в Западную Сибирь В. М. Косарев⁴.

Партийные организации большевиков, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гневно осуждали корниловщину и заявляли о своей готовности бороться с контрреволюцией. К осени 1917 года в партийных организациях Кузбасса насчитывалось до 2000 человек⁵. На открывшейся 8 сентября Томской губернской партийной конференции представителям из Кузбасса принадлежало 42 процента делегатских мест. На конференции отмечалось решительное размежевание с меньшевиками и превращение единых большевистско-меньшевистских партийных организаций в большевистские.

Происходившая в стране активизация работы большевиков, продолжение Временным правительством губительной войны и разгром корниловщины послужили решающими факторами, обусловившими поворот в деятельности Советов. 31 августа 1917 года Петроградский, 5 сентября Московский Советы рабочих и солдатских депутатов приняли решения в поддержку большевиков. Началась в стране полоса большевизации Советов.

Дружно включились в эту кампанию Советы рабочих и солдатских депутатов Кузбасса. 5 октября 1917 года Совет рабочих и солдатских депутатов Гурьевского завода высказался за переход власти к Советам, против войны и за разгон Государственной думы. Но он ещё ориентировался на установление в России «федерально-демократической республики без президента». Собрание рабочих Анжерских и Судженских копей, заслушав доклад представителя ЦК РСДРП, поддержало позицию большевиков и высказалось за полное подчинение министров Советам и переход к ним всей полноты власти в стране⁶.

Важную роль в сплочении Советов на платформе большевиков сыграл состоявшийся в Иркутске 16—23 октября 1917 года Первый Общесибирский съезд Советов. Он избрал руководящий советский орган — Центросибирь — Центральный исполнительный комитет Советов Сибири. Съезд призвал всех рабочих, солдат и крестьян сплотиться вокруг Советов и активно бороться за их власть⁷.

На созывавшийся II Всероссийский съезд Советов в числе 18 делегатов от Западной Сибири был направлен представитель Кузнецкого уездного Совета рабочих и солдатских депутатов А. И. Исаев. Съезд закрепил завоеванную 25 октября 1917 года победу вооружённого восстания, провозгласил переход всей власти в стране в руки Советов и избрал вождя революции В. И. Ленина председателем первого в мире рабоче-крестьянского правительства — Совета народных комиссаров. Ещё до формирования Советского правительства, 26 октября 1917

года, шахтёры Анжерки и Судженки в принятой резолюции приветствовали победу восстания в Петрограде и настаивали «на немедленном переходе всей власти в руки Советов».

30 октября 1917 г. Среднесибирское областное бюро совместно с Красноярским комитетом большевиков призвало к передаче всей власти Советам.

А 2 ноября была опубликована резолюция исполкома Центросибири с приветствием Второму съезду Советов и призывом к рабочим, солдатам и крестьянам к установлению власти Советов⁸.

Опираясь на победу революции в центре, шла победа Советской власти по всей стране. Стали брать в свои руки власть Советы в рабочих посёлках и городах Кузбасса. 4 (17) ноября 1917 года было опубликовано сообщение о том, что объявил себя органом власти Совет Мариинских золотых приисков⁹. 11 (24) ноября взял власть в свои руки Совет рабочих Кемрудника и химзавода.

Процесс перехода власти к Советам пытались затормозить и сорвать сибирские областники. Они, вопреки резолюции Центросибири, опубликованной 2 (15) ноября, и обращению к рабочим, солдатам и крестьянам от 15 (28) ноября о переходе власти к Советам, стремились под флагом защиты Учредительного собрания и провозглашения Сибири автономной областью России сохранить здесь буржуазный строй. Но состоявшийся в городе Омске 2—10 (15—23) декабря III Западносибирский съезд рабочих и солдатских депутатов провозгласил переход власти к Советам. Вслед за этим взял власть в свои руки 20 декабря (2 января 1918 года) — Судженский Совет, 15 (28) января 1918 года — Анжерский, 18 (31) января — Гурьевский Совет.

Советы и рабочие Кузбасса поддержали распуск Учредительного собрания, отказавшегося признать завоевание Советской власти. Собрание рабочих Центрального и Лотерейного рудников Мариинских золотых приисков в принятой им 21 января (3 февраля) 1918 года резолюции записало: «Утвердить навсегда власть Советов, как в центре, так и на местах. Во главе признать Совет Народных Комиссаров в лице председателя товарища Ленина и других комиссаров»¹⁰.

Активность Советов усилилась, когда Томский губернский комитет рабочих и солдатских депутатов 28 января (10 февраля) 1918 года разослал на места телеграмму, в которой сообщил, что он распустил Сибирскую думу и при этом было арестовано 30 человек. Совет рабочих депутатов Кольчугинского рудника 31 января (13 февраля) объявил: «Вся власть на руднике принадлежит Совету рабочих депутатов» и что «вся милиция, военная охрана и Красная гвардия будут в ведении и распоряжении Совета»¹¹. На многочисленных митингах и собраниях рабочие Тайги, Анжерки, Кемеровского химзавода, Кемеровского рудника, Прокопьевских разведок и других промышленных центров

Кузбасса решительно поддержали роспуск Учредительного собрания и заявляли о своей решимости с оружием в руках защищать власть Советов, своё правительство. Некоторые Советы создавали для этого отряды Красной гвардии.

Вслед за промышленными центрами по решению прошедшего в городе Омске 17—24 января (30 января—6 февраля) 1918 года III Западносибирского съезда Советов крестьянских депутатов Советская власть стала устанавливаться и в деревне. В феврале-марте 1918 года проводились выборы в Советы крестьянских депутатов и распускались усиленно насаждавшиеся Временным правительством земские учреждения и созданные при нём в ряде мест комитеты порядка и безопасности.

В селе Щеглове действовала земская управа, которую возглавлял знатный житель Ширяев. Здесь продолжалась борьба прибывших на строительство химзавода и на шахты рабочих — неприписных граждан с коренными — приписными жителями села. Ещё в 1916 году во время пребывания депутата Государственной думы Дурова неприписные просили преобразовать село в город, чтобы получить одинаковые со старожилами права участвовать в общественных делах, а также право на землю и земельные угодья¹². Но в те времена этот вопрос не был решён. А в начале 1918 года глава сельской управы Ширяев грубо отказывался уравнять прибывшую «шваль» со старожилами.

Для решения своих вопросов неприписные при помощи С. Ф. Голкина и других большевиков с химзавода создали инициативную группу, которая подготовила собрание неприписных. На него пришли и старожилы. Состоялось собрание в магазине купца Домрычева. Выступавшие с возмущением говорили о позиции земской управы и заявляли о необходимости создать, как и в других местах, свой Совет. Представитель большевиков химзавода Прокопчук разоблачал приспешника земцев эсера Илью Кузнецова. Собрание избрало комитет во главе с Г. Д. Шуваловым, который с помощью организационно-пропагандистской группы должен был подготовить собрание всех жителей села для решения вопроса о власти. Развернулась в селе широкая агитационная работа, в ходе которой разоблачалась позиция сельской управы, других «хозяев» села и поддерживающих их эсеров. Настойчиво разъяснялось, что провозглашённая в стране Советская власть уравняла в правах всех граждан и дала землю крестьянам. Значительная часть крестьян стала с пониманием относиться к требованиям новых жителей села и осознавать необходимость перемен во власти, как это уже было осуществлено на Кемруднике и химзаводе, где действовал свой Совет рабочих депутатов.

В таких условиях волостные гласные на своём собрании 23 января (5 февраля) 1918 года приняли постановление упразднить волостное

земство. Земская управа передала все дела Кемеровскому Совету и сложила свои полномочия. В селе было собрано общее собрание всех жителей. На собрании после жарких дебатов со сторонниками старых порядков было принято постановление, подтверждающее роспуск земской управы. Вместо неё был создан сельский Совет. Так в селе Щеглове была установлена Советская власть.

В состав Совета избрали 21 человека. Среди них оказалось только семь человек, недоброжелательно относившихся к Советской власти. Председателем Совета избрали Петруничева. От большевиков в него вошли Р. Н. Хомутников, С. Ф. Голкин, Г. Д. Шувалов и др. Сельский сход избрал делегатов на волостной съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов¹³.

Тем временем в Кузнецке была создана инициативная группа во главе с А. Г. Петраковым. Её представители разъезжали по деревням и рабочим посёлкам, организуя выборы делегатов на уездный съезд Советов. Он был назначен на 25 февраля по старому стилю, то есть на 9 марта 1918 года. Чтобы сорвать съезд Советов, земская управа решила созвать свой земский уездный съезд на 11 марта и объявила, что съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов не состоится. Но делегаты на него были избраны и прибыли в Кузнецк.

Уездный съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов открылся 9 марта (25 февраля по старому стилю) 1918 года.

Главным на съезде был вопрос о власти. Несколько сторонников земства выступили за его сохранение. Особенно ратовал за земство прибывший из села Щеглова эсер Нестеров. Но съезд единодушно принял решение об упразднении созданного в декабре уездного земства и переходе во всём Кузнецком уезде власти к Советам.

При обсуждении земельного вопроса против советской политики выступил анархист И. П. Новосёлов. Однако съезд поддержал советский закон о земле. Дебаты были по лесному, административному, финансовому вопросам, по которым побеждала большевистская точка зрения.

11 марта, в назначенный управой срок, прибыли делегаты на земский съезд. Но земство было уже упразднено. И они явились на съезд Советов. Их попытка взять руководство съездом в свои руки не удалась.

Съезд избрал исполнительный комитет Кузнецкого уездного Совета во главе с А. Г. Петраковым. Вместе с тем было решено выделить из Кузнецкого уезда Щегловский уезд и преобразовать его центр — село Щеглово — в город¹⁴.

Острая борьба между Советом и земской управой шла в г. Мариинске. И случилось так, что управа вынесла постановление разрешить свободную продажу спирта, а Совет не смог противостоять этим её действиям. Местный гарнизон необходимых мер не принял. Только вызвав

Съезд Советов Щегловского уезда. 9 мая 1918 г.

для помощи отряд Красной гвардии из Анжерки, продажу хмельного зелья удалось прекратить. Срочно был переизбран состав Совета. Новый Совет решил прекратить деятельность управы и предать её суду ревтрибунала.

Исполнительный комитет нового Мариинского Совета объявил о созыве уездного съезда Советов. Но из волостей и селений равного представительства обеспечить не смог. Где два делегата избирались от волости, а где только от одного селения. 14 марта около 150 делегатов собрались в Мариинске. Но из-за неравного представительства они признали съезд неправомочным и решили созвать новый съезд.

Рассмотрев сообщения из Мариинска, президиум Томского губернского и городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 19 марта утвердил решение Мариинского Совета об упразднении земской управы и решил расформировать марийский гарнизон. Исполком нового Мариинского Совета ввёл налог на собственников. Но ввиду возможного их саботажа объявил город на военном положении, создал революционную судебную коллегию, реорганизовал милицию и укрепил отряды Красной гвардии.

Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Мариинского уезда работал с 31 марта по 8 апреля 1918 года. 2 апреля он принял резолюцию о поддержке Советской власти, 6 апреля — о создании Красной армии, отрядов Красной гвардии, упразднении и разоружении

милиции. В избранный на съезде исполнительный комитет Совета вошли 17 представителей от городского Совета рабочих и солдатских депутатов и 17 представителей от крестьян¹⁵.

Учитывая, что земства во многих местах Томской губернии открыто противодействовали власти Советов, да и в некоторых местах уже были ликвидированы, исполком губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 28 марта 1918 года постановил все земские учреждения в Томской губернии распустить¹⁶.

В то же время 30 марта губисполком поддержал решение Кузнецкого уездного съезда Советов о разделении уезда и постановил: «Образовать новый уезд в составе волостей: Барачатской, Больше-Ямской, Верхотомской, Вновь-Стрельнинской, Вознесенской, Зарубинской, Кемеровской, Крапивинской, Косьминской, Лебедянской, Мунгатской, Морозовской, Подонинской, Смоленской, Титовской, Тарсминской, Барзасской. Образуемый уезд наименовать Щегловским и образовать из с. Щеглова Верхотомской волости уездный город Щеглов»¹⁷.

По такому вопросу требовалось решение центральных властей. И 21 апреля 1918 года Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов утвердил решение местных властей Томской губернии. Эта дата официально считается днём создания города Щеглова. Но его провозглашение намечалось на уездном съезде Советов.

Губисполком назначил проведение учредительного съезда Советов нового уезда на 9 мая 1918 года и призвал население принять участие в его подготовке. Делегаты на уездный съезд избирались на волостных съездах Советов. В Щеглове на съезде Советов Верхотомской волости при его открытии почти полдня ушло на выборы президиума и председателя съезда. Наконец председателем съезда был избран большевик Степан Гулевич.

Волостной съезд заслушал доклады об итогах Кузнецкого уездного съезда, о подготовке предстоящего съезда Щегловского уезда и по другим текущим вопросам. По обсуждаемым вопросам разворачивались острые дебаты. Представители эсеров и имущих людей заявляли, что они крестьяне, им город не нужен и они не хотят стать мещанами. В результате съезд избрал волостной Совет, в который вошли преимущественно большевики и их сторонники. Председателем исполнительного комитета волостного Совета избрали Степана Гулевича. Были избраны и делегаты на уездный съезд.

Большую помощь в подготовке уездного съезда оказал присланный представитель из губернского центра И. М. Ситников. На съезд собралось более 150 делегатов. При открытии съезда, как и на волостном съезде, развернулась борьба по вопросу о выборах его президиума. Особенно резко выступал эсер Нестеров и его сторонники. Но кан-

дидатура Нестерова не прошла. В президиум съезда были избраны четыре представителя от фракции большевиков, два — от левых эсеров и один беспартийный.

В честь открытия уездного съезда Советов в Щеглове состоялась демонстрация. Но в ней приняло участие всего около 400 человек. Остальные жители находились в состоянии ожидания решений о судьбе села. Против преобразования его в город выступил снова эсер Нестеров со своими сторонниками Кузнецовым и Ивлевым, выражавшими интересы именитых местных воротил Балаганского, Домрычева, Ефремова, Ширяева, Корчуганова, братьев Сайдашевых, Вейса и др. Но съезд одобрил решения об образовании нового уезда и нового города.

На следующий день на съезд заявила группа хулиганов во главе с известным пьяницей Ивановым — Васькой Хрипатым. Она пыталась добиться отмены решений съезда, заявляя, что они не хотят стать мещанами. Хрипата поддержал Нестеров и его друзья-эсеры. Но хулиганов удалось удалить со съезда, и его работа продолжалась.

При выборах уездного исполкома вновь была предпринята попытка выдвинуть кандидатуру Нестерова. Но и на этот раз её отвергли. В состав исполнительного комитета Щегловского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов было избрано 17 человек. Из них четыре рабочих, пять служащих и восемь крестьян. Председателем исполкома избрали большевика Степана Рукавишникова. В составе исполкома было ещё семь большевиков: заместитель председателя Григорий Шувалов, секретарь исполкома Роман Хомутников, а также Сергей Голкин, Иван Беляев, Пётр Принцев и др. Попал в исполком и один эсер — Фастовец и один анархист — Ильинский.

Для размещения исполкома, его отделов и других учреждений заняли дом Корчуганова, второй дом Луговского, пустующие магазины Домрычева и братьев Сайдашевых. 23 мая уездный исполком решил преобразовать Щегловский сельский Совет в городской Совет. Город Щеглов обрёл свой орган власти¹⁸.

Новые Советы в Кузбассе создавали новый советский аппарат управления, Красную гвардию и налаживали новую жизнь.

Примечания

1. Сибирская жизнь. 1917. 17 июля.
2. Установление советской власти в Кузбассе (1917—1919). Сб. документов. Кемерово, 1957. С. 129—131; Борьба за власть советов в Томской губернии (1917—1919). Сб. док. и мат. Томск, 1957. С. 107, 137—138.
3. Шуранов Н. П. В. И. Ленин и Кузбасс. Кемерово, 1983. С. 21—22.
4. Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917—август 1918 гг.). Кемерово, 1966. С. 79.

5. Подсчитано по данным: Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. С. 578—581.
6. Установление советской власти в Кузбассе... С. 136.
7. Кадейкин В. А. Указ. соч. С. 75—76.
8. Установление советской власти в Кузбассе... С. 140.
9. Знамя революции. 1917. 4 нояб.
10. Установление советской власти в Кузбассе... С. 179.
11. Там же. С. 183, 185.
12. ГАКО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
13. За власть Советов. Сборник воспоминаний. Кемерово, 1957. С. 28—36; ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 26. Л. 15—16.
14. За власть Советов. Указ. соч. С. 45—46.
15. Установление советской власти в Кузбассе. С. 214, 260—263; Борьба за власть советов в Томской губернии. С. 273—274, 276—278.
16. Борьба за власть советов в Томской губернии. С. 276.
17. Цит. По Балибалов И. А. Кемерово вчера, сегодня, завтра. Кемерово, 1982. С. 23.
18. За власть советов. Указ. соч. С. 37—42, 47—48; ГАКО. Ф-П-483. Оп. 1. Д. 26. Л. 16—17; Д. 62. Л. 4.

К вопросу о Кузнецком восстании 1919 г.

Кузнецкое восстание с 1 на 2 декабря 1919 г. событие неоднозначное и до конца не изученное. Большинство исследователей периода Гражданской войны в Кузбассе, рассматривая основные события, лишь упоминают о восстании в Кузнецке и, наоборот, подробно анализируют деятельность Г. Ф. Рогова и его отряда. А тем временем Кузнецкое восстание интересно не только тем, что оно являлось, по сути, первопричиной приглашения партизан Рогова в Кузнецк. Оно интересно и тем, что это было восстание колчаковских солдат, принявших решение перейти на сторону противника. Ситуация конца 1919 г. в Кузнецке не была уникальна для того времени. Во многих сибирских городах происходили сходные события, образуя единую картину Гражданской войны. Следовательно, частный пример Кузнецкого восстания поможет представить, каким образом происходило крушение правления Колчака и восстановление советской власти в Сибири.

Тем не менее единственную попытку проследить причины и условия восстания предпринял А. Б. Казанцев в статье «К вопросу о восстании солдат кузнецкого гарнизона» в сборнике «Краевед Кузбасса» за 1972 г. Акцент в исследовании автором был сделан на анализе этапов распространения большевистских идей в Кузнецке и росте партизанского движения на Алтае и в Кузбассе во второй половине 1919 г. В результате, по мнению А. Б. Казанцева, «в условиях прогрессирующего разложения колчаковской диктатуры... военный гарнизон Кузнецка... оказался наиболее слабым звеном в колчаковской обороне».

А вот сопоставить, «наложить» воспоминания непосредственных участников и свидетелей Кузнецкого восстания впервые попытались организаторы исторической секции музеяного совета НКМ 2 ноября 1957 г. На секции в основном рассматривались наиболее спорные моменты восстания в ночь с 1 на 2 декабря 1919 г.

Воспоминания участников и свидетелей Кузнецкого восстания — это основной материал по данной проблеме, которым мы располагаем на текущий момент. Этот вид источника отличается известной долей субъективизма и требует сопоставления и дополнительного подтверждения документального характера. Поэтому следующим этапом в разработке темы Кузнецкого восстания 1919 г. будет документальное исследование этого факта. А на данный момент для создания более объективной картины мы сочли необходимым расширить круг используемых воспоминаний и разделить их на три сопоставимые друг

с другом группы: 1) солдаты — участники восстания; 2) «политический руководитель» восстания; 3) «сторонние наблюдатели».

В группу участников восстания включены воспоминания солдат местной команды, а также 10-й и 11-й рот 62-го Бийского батальона, три роты которого находились в то время в Кузнецке. Степень участия тех или иных солдат в восстании была неодинаковой. В группу вошли воспоминания организаторов переворота (А. П. Михайлова, П. В. Потопаева), а также рядовых участников восстания (И. М. Фадеева, В. К. Попугаева, П. В. Коновалова, П. Г. Маслакова, Н. Г. и А. П. Петровых, Е. Л. Куртукова). По социальному составу первая группа также неоднородна. Если организаторы восстания имели рабоче-крестьянское происхождение, то среди рядовых участников встречались не только выходцы из крестьянских и рабочих семей (П. Г. Маслаков, Е. Л. Куртуков), но и из семей мещан (В. К. Попугаев, П. В. Коновалов, Н. Г. и А. П. Петровы) и мелких служащих (И. М. Фадеев). Подавляющее большинство солдат было мобилизовано в колчаковскую армию в августе-сентябре 1919 г. и служило в музыкальной команде местной команды, а трое солдат (Н. Г. и А. П. Петровы, Е. Л. Куртуков) призваны на службу в 10-ю и 11-ю роты 62-го Бийского батальона. Ко второй группе относится воспоминание так называемого «политического руководителя» восстания Р. Т. Тагаева, который был выходцем из бедной крестьянской семьи и являлся активным участником большевистского подполья. Третья группа включает в себя воспоминания так называемых сторонних наблюдателей. Если проанализировать социальный состав группы, то можно сделать вывод о том, что большинство очевидцев Кузнецкого восстания относились к мещанам и служащим (И. В. Попов, О. П. Николаева, И. Ф. Вилисов, П. Р. Дружинин, М. Г. Хомутова, А. П. Попова, М. Г. Новосельская, Н. А. Островский, Г. К. Ушаков, С. Д. Беляева, Н. Г. Винтовкина, В. С. Щуков, М. Г. Будкеев, Е. Г. Серебрякова, А. Н. Кропотова, С. В. Зеленчук).

Привлекая воспоминания участников и свидетелей Кузнецкого восстания, необходимо учитывать и то обстоятельство, что воспоминания непосредственных участников переворота имеют ряд особенностей. С одной стороны, в них более подробно излагается ход восстания кузнецкого гарнизона, с другой стороны, они содержат ряд существенных несовпадений. Р. Т. Тагаев же в своих воспоминаниях претендовал на руководящую роль в восстании и подчас преувеличивал свое направляющее значение. Объединяющей основой воспоминаний «сторонних наблюдателей» служит тот факт, что они сами непосредственного участия в восстании не принимали, но в той или иной степени являлись очевидцами переворота. Для воспоминаний этой группы характерно изложение событий ночи с 1 на 2 декабря 1919 г. либо выборочно, либо

в общих чертах, что зависело от степени осведомленности кузнечан о восстании в их городе.

В Кузнецке на территории от винного завода в сторону крепостной горы размещалась кузнецкая местная воинская команда. Это был постоянный воинский гарнизон города. В то время местная команда несла караульную службу по охране кузнецкой тюрьмы, винного завода, кузнецкого казначейства и других объектов. Часть солдат выделялась на пост у ворот местной команды, а также на дежурство в казарме и по кухне. В местной команде числилось по разным источникам от 127 до 150 человек, и состояла она как из мобилизованных, так и из добровольцев. Призывались в нее в основном жители Кузнецка и окрестных поселений. Многие рассматривали службу в кузнецкой воинской команде как возможность избежать отправления на фронт. Поэтому служили там не только сыновья крестьян, мелких ремесленников и служащих, но и вполне зажиточных горожан. Включала в себя местная команда четыре взвода (по четыре отделения в каждом) и созданную осенью 1918 г. отдельную музыкальную команду численностью по разным данным от 16 до 18 человек. Командиром кузнецкой воинской команды был поручик Ковригин Александр, а взводами командовали унтер-офицеры. Музыкантами сначала управлял Шукшин Петр Гаврилович (начальник пожарной команды), а через два месяца капельмейстером становится Лев Вальдемарович Кох (из австрийских военнопленных). В местной команде, как и в команде музыкальной, в плане дисциплины солдаты пользовались некоторыми вольностями: после вечерней проверки многие уходили в город самовольно, а музыканты совсем почти не притеснялись. Коллектив местной команды был крепко спаян, дружен, в обиду друг друга не давали. В команде откровенно обсуждались колчаковские порядки. Опасались только добровольцев из местных жителей: Владимира Попугаева, Павла Маслакова и Михаила Брикатнина. В случае их доноса у начальства сразу же появлялся повод для расправы над вольнодумцами¹.

В музыкальной команде А. П. Михайлов познакомился с П. В. Потопаевым. Неприятие власти Колчака и «тяготение» к власти Советской превратило их в единомышленников. Вскоре к ним присоединились солдат первого взвода Тагаев Филипп, повар местной команды Федоров Тимофей и унтер-офицер И. В. Суховольский. В свободное время единомышленники уходили на гору или на кладбище, где обменивались мнениями об услышанном за пределами казармы. Говорили о боях Красной армии, об обстановке в казарме, узнавали, кто из солдат «тянется» к советской власти, а кто не приемлет ее. На одну из таких встреч Филипп Тагаев пригласил своего брата Романа Тимофеевича Тагаева. На политически неграмотных подпольщиков Р. Т. Тагаев произвел огромное впечатление своими знаниями о внешнеполитической

и внутриполитической обстановке. Роман Тимофеевич рассказал о партии большевиков, о том, что такая советская власть, одобрил создание в местной команде «подпольной организации по борьбе с контрреволюцией». Кроме того, он поставил перед ней задачу выявить лояльных к советской власти солдат, чтобы в нужный момент можно было на них опереться. И хотя, по признанию самих подпольщиков, они не были большевиками, но считали себя сторонниками советской власти и готовы были «отдать за нее жизнь». Теперь в беседах с солдатами подпольщики всегда старались подвести под разговор политическую платформу. В таких беседах ненавязчиво и выяснялось отношение собеседников к той или иной власти. Причем существует интересный факт, что подпольщики, пытаясь разъяснить солдатам, чем же предпочтительней советская власть, сами не понимали, существует ли разница между большевиками и коммунистами, и не знали, за какую власть выступали последние². Это говорило о том, что заговорщиков, как и солдат гарнизона, в идеях большевиков привлекала не столько их политическая основа, сколько те понятные и близкие их чаяниям лозунги, при помощи которых большевики в результате и обеспечили себе победу над политическими противниками.

К маю 1919 г. в Кузнецке произошли перемены в связи с появлением партизанских отрядов и враждебно настроенных к колчаковской власти рабочих и крестьян. В город, видимо не надеясь только на силу местной команды, командование кузнецкого гарнизона ввело часть 62-го Бийского батальона из 10-й, 11-й и 12-й рот. Командовал батальоном капитан Скурат, чех по национальности. Подразделения батальона разместились в центре Кузнецка, в зданиях вокруг Базарной площади. Из трех рот 11-я рота была в полном составе и считалась карательной, призывали в ее в основном сыновей купцов, чиновников, многие из них были добровольцами. Командовал ротой поручик Миловидов. Поскольку 11-я рота рассматривалась как оплот колчаковской власти в Кузнецке, обмундирование и вооружение в ней было лучше. Обмундирование солдат и унтер-офицеров состояло из френчей английского сукна, вооружены они были трехлинейными винтовками, имелись в роте также два пулемета «Кольт» и «Максим». Самой неблагонадежной в батальоне считалась 10-я рота численностью в 60 человек под командованием поручика Замащикова. Пополнялась рота из дезертиров колчаковской армии, из выздоравливающих солдат, прибывших ранее с фронтов Первой мировой войны. Солдатам этой роты выдали однозарядные винтовки старого образца, а одеты они были в старое обмундирование цвета «хаки».

Резко усложнилась обстановка в Кузнецке в ноябре 1919 г. Из-за Урала части Красной армии, сломив сопротивление колчаковских войск, продвигались в Сибирь. В середине ноября 1919 г. пала столица Колчака —

город Омск. Слухи об этом доносились до жителей Кузнецка и солдат гарнизона. К этому времени Потопаев, Михайлов, Ф. Тагаев, Федоров и Суховольский уже наладили связь с единомышленниками из 62-го батальона. Ими стали старший пекарь батальона Василий Терских и помощник пекаря Яков Афонин, Григорий Губанов (10-я рота), кубогрей чая для батальона Кузнецов, Зенов и Цветков (12-я рота), а также унтер-офицер Василий Аржаных (11-я рота), тесно сотрудничавший с подпольщиками из 10-й роты. Встречи подпольщиков проходили на территории местной команды в пекарне батальона³.

К середине ноября кузнецкие военные власти приняли решение отходить всем гарнизоном из Кузнецка на восток, к атаману Семенову. Планировалось идти через Хакасию и Монголию. По этому случаю по приказу поручика Ковригина командиры взводов выстроили солдат местной команды, и Ковригин объявил об отходе из города. В связи с такой натянутой обстановкой в пекарне батальона собрались подпольщики местной команды и трех рот. Речь шла о плане действий в случае отхода из города. Дело в том, что почти все солдаты местной команды и батальона, будучи жителями Кузнецкого уезда и Алтайской губернии, отказывались покидать родные места и идти на соединение с главными силами колчаковской армии. В итоге на совещании было высказано предложение выступить против офицеров, но от него отказались, поскольку не было разработано четкого плана действий, не было и повода к восстанию. Повод к выступлению был дан 1 декабря 1919 г. В этот день офицеры штаба гарнизона, собравшись в комендантском управлении в доме Панова по ул. Грибоедова, обсуждали вопрос отхода из Кузнецка. Было принято решение завтра, 2 декабря поднять кузнецкий гарнизон и увести его через Хакасию и Монголию на соединение с колчаковской армией. Вследствие этого, был поставлен вопрос о судьбе политических арестованных кузнецкой тюрьмы (членов совдепов, партизан, участников крестьянских восстаний). По предложению капитана Скурата их предполагалось расстрелять в 2—3 часа ночи 2 декабря, исполнителем был назначен командир 11-й роты поручик Миловидов. Невольным свидетелем этого совещания стал стоявший на посту в комендантском управлении часовой Кузнецов из 12-й роты. Освободившись, он передал услышанный разговор сначала своим сослуживцам в 12-й роте, а затем повару местной команды Федорову. Вскоре о случившемся была осведомлена и 10-я рота. Принято решение собраться на квартире у Суховольского. На кратком совещании было принято решение о незамедлительном проведении восстания объединенными силами местной команды и 10-й роты и спасении обреченных на расстрел. Для выработки общего плана действий были выбраны представители от каждой подпольной группы. От 10-й и 12-й рот Аржаных и Цветков, от местной команды Потопаев, но, поскольку

до 11 часов вечера он находился в самоволке, вместо него был послан Михайлов. Было решено начать восстание с местной команды, а затем распространить его на 10-ю роту. Потом объединенные силы восставших окружают 11-ю и 12-ю роту, воинское управление и освобождают политических заключенных из тюрьмы⁴.

В ночь на 2 декабря дежурным по казарме местной команды был назначен И. В. Суховольский, который должен был обеспечить беспрепятственный доступ в казарму солдатам из 10-й роты. Около 12 часов ночи в казарму местной команды вошли три солдата из 10-й роты (Терских, Афонин, Губанов). Они сразу же произвели, по разным версиям, от одного до трех выстрелов в потолок либо по канцелярии писаря, где в ночное время дежурил офицер. После того, как паника улеглась, солдаты молча быстро оделись и вышли на улицу. По дороге часть солдат отсеялась (попросту решив уйти домой), а некоторые приверженцы колчаковской власти еще раньше укрылись в здании Кузнецкого уездного воинского управления. Дорога восставшей команды проходила по направлению к Базарной площади к казарме 10-й роты. В это время капитан Скурат вывел солдат 11-й и 12-й рот на площадь и велел им расположиться в цепь. Около каждой роты было установлено по пулемету. Михайлов, прибежав окольным путем на набережную к 10-й роте, сообщил о плане колчаковских офицеров. После короткого совещания с учетом того, что первоначальный план восстания провалился, было принято новое решение. Часть солдат пойдет в обход и зайдет с тыла к залегшим на площади 11-й и 12-й ротам, вторая группа отрежет колчаковским солдатам пути отступления. Оставшиеся солдаты залягут в ограде домов купцов Окулова и Шутова как раз напротив цепи противника с целью отвлечь внимание 11-й и 12-й рот. Оценивая сложившуюся тогда ситуацию, организаторы восстания отмечали, что восставшие были вооружены гораздо слабее противника. Поэтому залогом победы в восстании, прежде всего, служило так называемое «психологическое превосходство» повстанцев над противниками. Со стороны здания училища раздалось три выстрела, в результате которых капитан Скурат был ранен и быстро скрылся в одном из переулков. Таким образом, роты остались без командира. В этот момент с тыла восставшие солдаты стали кричать, что офицеры разбежались, а мобилизованные солдаты присоединились к восставшим, и если солдаты 11-й и 12-й рот сдадутся, то никакой стрельбы больше не будет. Началось братание солдат, после которого трофейное оружие было собрано и отправлено в помещение 10-й роты. Затем восставшие разделились на три группы, первая из которых отправилась в тюрьму освобождать заключенных, а вторая к Кузнецкому воинскому управлению арестовывать колчаковских офицеров. Третья группа пошла по направлению к зданиям контрразведки и уездного

управления милиции⁵. После ареста начальника воинского управления Зволинского на Базарной площади был организован митинг, на котором присутствовали солдаты и освобожденные заключенные. Политический заключенный рабочий из Прокопьевска Афанасий Иванов обратился к присутствующим, говоря о необходимости создания нового органа власти — Ревкома. Оставшееся до рассвета время и все утро солдаты потратили на прочесывание города с целью ареста колчаковцев (в том числе генерала Путилова) и сбора оружия у населения. Всех арестованных колчаковцев днем 2 декабря доставили в кузнецкую тюрьму.

В заключение хотелось бы сказать о реакции местных жителей на события ночи с 1 на 2 декабря. Несмотря на то, что в городе было достаточно зажиточного населения, большинство кузнечан восприняли переворот спокойно, не высказав протеста против вновь установленной советской власти. Многие узнали о восстании лишь на утро 2 декабря, отправившись по своим каждодневным делам. Те же жители, чьи дома располагались недалеко от Базарной площади, разбуженные множеством выкриков солдат и выстрелами, пережили ночь в страхе, так и не заснув до утра⁶.

Таким образом, проанализировав имеющийся в фондах Новокузнецкого краеведческого музея комплекс воспоминаний по Кузнецкому восстанию, на его основании можно сделать ряд выводов. В организации восстания существенную роль сыграла увлеченность солдат местной команды большевистскими идеями. Но это вовсе не означало, что в команде среди солдат был высокий уровень политической грамотности и кто-то из них являлся членом большевистской партии. Руководители переворота, как и большинство их сослуживцев, попали в армию Колчака во время мобилизации 1918 г. Такие мобилизованные солдаты были недовольны сложившейся ситуацией: их тяготила служба, они не хотели больше воевать и все чаще выражали желание вернуться домой. По большей части в этом и заключалась основная причина их неприятия колчаковской власти и готовность пойти за властью советской, обещая она прекращение войны и избавление от службы в колчаковской армии. Поэтому на данном этапе определенная роль большевистских идей заключалась в том, что они отражали стремления и чаяния значительной части солдат. Восстание кузнецкого гарнизона, вызванное скорым его отступлением в Монголию и расстрелом политзаключенных, началось неожиданно и развивалось стремительно. При этом военное превосходство противника над восставшими компенсировалось «психологическим» превосходством последних. Ликвидация колчаковских офицеров позволила «дезорганизовать» рядовой состав колчаковских рот и способствовала их переходу на сторону повстанцев. В Кузнецке власть Колчака даже в последние месяцы существования его режима имела определенную поддержку в силу специфики социального

состава жителей (значительной процент купцов и зажиточных мещан). Но восставшим не было оказано практически никакого сопротивления ни со стороны колчаковских рот (где были кузнечане-добровольцы), ни со стороны горожан, что говорит об известной аполитичности их взглядов. Итак, частный пример Кузнецкого восстания 1919 г. помогает восстановить общую картину Гражданской войны в Сибири. Проведение Колчаком насилиственной мобилизации создавало основу для открытого выступления против его режима. Во главе протеста становились солдаты гарнизонов, увлеченные идеями большевиков. Причем привлекало их в большевизме не его политическая основа, а отражение коммунистами в своих лозунгах основных требований солдат о прекращении войны и военной службы. Хотя, что немаловажно, солдат (которые в большинстве своем до призыва занимались сельским хозяйством) подкупало требование большевиков о передаче крестьянам земли и права свободного труда на ней. Сравнительная легкость проведения восстания против колчаковского режима и дальнейшее сохранение власти в руках большевиков объяснялось, в том числе, и аполитичностью взглядов как большинства городских жителей, так и солдат колчаковской армии.

Примечания

1. НКМ. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 21. Оп. 1. Р. 3. Д. 32.
2. НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 32.
3. НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 19. Л. 1.
4. НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 32.
5. НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 31.
6. НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 37. Л. 170, 217.

Народное просвещение в Кузнецком уезде в годы Гражданской войны

Истории Кузбасса этого периода посвящено немало работ историков и краеведов. Однако до сих пор мало что известно об учреждениях народного просвещения на его территории, их кадровом потенциале и функционировании. Выявление и работа с архивными материалами и газетными публикациями тех лет позволяют пока лишь фрагментарно представить себе эту проблему.

Первая мировая война, революция 1917 г. и Гражданская война пагубно сказались на состоянии народного просвещения. С 17 июня по 24 июля 1918 г. в поездке по Кузнецкому уезду находился инструктор Томской губернской земской управы А. Потоцкий. Из его отчета можно узнать, что на 4 263 хозяйства, насчитывавших 22 220 человек, приходилось три жалких, по его выражению, церковно-приходских школы. Их посещала лишь пятая часть детей школьного возраста¹.

В начале октября 1918 г. на вопросы редакции популярной томской газеты «Сибирская жизнь» ответил ее корреспондент из села Верх-Чумышское Романовской волости Кузнецкого уезда П. Зыков. Он писал о том, что население очень нуждается в развитии народного образования. В селе не было школы, поэтому детей учили по домам. В зиму 1917—1918 гг. в церковной сторожке было собрано 50 учеников, однако все они простудились. Детей перевели в свободный дом, где каждый день они стали болеть от печного дыма и вскоре разошлись по домам².

Кузнецкое земство пыталось, в пределах своей компетенции, исправить ситуацию. Во-первых, это касалось выделения земельных участков или помещений под учебные заведения. В начале 1919 г. в городе стала воплощаться идея о создании гимназии. 21 января на заседании Кузнецкой городской думы было принято решение об отводе под гимназию квартала № 14 в Форштадте общей площадью 1500 кв. сажен³.

До тех пор, пока не будет построено здание гимназии, занятия должны были проходить в приспособленных помещениях. В частности, на заседании городской думы 4 июня 1919 г. ее гласные постановили временно разместить смешанную гимназию в помещении Высшего начального смешанного училища⁴.

Земцы были озабочены и подготовкой рабочих ремесленников. 13 февраля 1919 г. городская дума единогласно «нашла необходимым» открыть в городе ремесленное училище с кузнечно-слесарным и сто-

П. С. Малешевский

получать 2100 руб. в год и дополнительно 600 руб. «квартирных». Были повышены выплаты за выслугу лет. Однако этого было недостаточно⁶. На заседании Кузнецкой городской думы от 8 октября 1918 г. было решено увеличить на 50 руб. жалование учителям городских низших начальных училищ⁷.

Земство пыталось заполнить вакансии педагогов. В сентябре 1919 г. в томской газете появилось объявление о том, что в Кузнецком женском высшем начальном училище есть свободные места преподавателей. Уполномоченный министерства народного просвещения В. П. Брюханов предложил эвакуированным из Центральной России педагогам «прикомандироваться» для службы в этом учебном заведении⁸.

Органы местного самоуправления старались влиять на процесс образования и воспитания. 9 сентября 1918 г. на заседании Кузнецкой городской думы были выбраны представители в педагогический совет местной гимназии. Ими стали член городской управы Ф. Н. Рожков и В. Е. Котельников⁹. Наиболее важные вопросы деятельности образовательных учреждений предполагалось обсудить на Томском губернском съезде деятелей «по народному образованию». Его открытие было намечено на 5 марта 1919 г.¹⁰

Даже в условиях Гражданской войны земство старалось оградить педагогов от произвола карательных отрядов. Однако не всегда это получалось. В начале июня 1919 г. Томская губернская земская управа

лярным классами. Участок земли гласные выделили бесплатно. Под учебные помещения было решено на 5 лет и бесплатно отвести здание, занятое земской лечебницей. Однако оно было без отопления и требовало хотя бы текущего ремонта. Принять на себя расходы по обновлению здания городская управа не могла⁵.

Органы государственной власти и местного самоуправления старались решить и кадровые проблемы образования. Для того, чтобы материально поддержать учителей в условиях непрекращающейся инфляции, постановлением Совета министров от 27 июля 1918 г. были повышенны ставки учителям. Так, учитель низшего начального училища стал

заслушала доклад председателя школьного совета об истязании и расстреле в селе Крапивино Кузнецкого уезда учителей П. А. Пятаковича и С. З. Тихонова правительственным отрядом капитана Альдмановича. Управа поручила административному отделу ходатайствовать перед военными властями о принятии мер к виновным¹¹.

Исследователям еще предстоит выявить имена тех, кто в невероятно трудных условиях осуществлял педагогическую деятельность. Однако одно из имен уже известно. Это — Петр Станиславович Малешевский (1877, Томск — 14 марта 1938, Бийск). В начале 1919 г. он был не только председателем Кузнецкой городской думы, но и директором смешанной гимназии¹².

Выпускник Томской гимназии, он сначала поступил в Казанский университет. Затем Петр Станиславович перевелся на физико-математический факультет Варшавского университета. В 1901 г. он окончил вуз со званием действительного студента.

В 1901—1907 гг. П. С. Малешевский преподавал математику в Барнаульском реальном училище, а в 1907—1910 гг. в Бийской женской гимназии. В 1908 г. он вступил в партию социалистов-революционеров¹³. В 1910 г. он был назначен директором только что открытой Бийской мужской гимназии. В 1912 г. «за выслугу лет и бесспорочную службу» Петр Станиславович был пожалован в статские советники¹⁴.

Вскоре в судьбе Петра Станиславовича произошел крутой поворот. 1 сентября 1912 г. он стал преподавателем Петропавловского реального училища. Как считает В. Ф. Гришаев. П. С. Малешевский не поладил с бийским начальством¹⁵.

В Петропавловске П. С. Малешевский в 1917 г. открыл и возглавил 4-классную смешанную гимназию. Затем последовал, видимо, непродолжительный кузнецкий период, т. к. уже в марте 1920 г. Петр Станиславович вернулся в Бийск. Здесь он служил инструктором уездного отдела народного образования, затем преподавал математику в школе № 7. В 1926 г. он был избран депутатом Бийского городского совета депутатов трудящихся.

1 февраля 1938 г. П. С. Малешевский был арестован НКВД. 18 февраля он подписал протокол с «признательными показаниями» о подготовке им вооруженного восстания с целью свержения советской власти¹⁶.

Тройкой при УНКВД по Алтайскому краю 5 марта 1938 г. П. С. Малешевский был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 14 марта. 29 января 1959 г. постановлением Алтайского краевого суда Петр Станиславович был реабилитирован, т. к. его дело было прекращено за отсутствием состава преступления¹⁷.

Хочется выразить надежду, что дальнейшие поиски в архивах, библиотеках, музеях позволят полнее представить развитие образовательной сферы в Кузнецком уезде в годы Гражданской войны.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1561. Оп-1. Д.375. Л. 19.
2. Народная газета (Томск). 1918. 4 окт.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. 1362. Оп.1. Д.429. Л.7.
4. ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп.1. Д.428. Л.27 об.
5. Там же. Л.8—10.
6. Звено (Мариинск). 1918. 4 окт.
7. ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп.1. Д. 427. Л. 17.
8. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 17 сент.6
9. ГАТО. Ф. Р. 1362, On. 1. Д. 427. Л, 10.
10. Сибирская жизнь. 1919. 8 марта.
11. Там же. 1919. 3 июня.
12. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф.179. Оп.1 Д.426. Л.5; Д.398. Л. 16..
13. Гришаев В. Дважды убитые, К истории сталинских репрессий в Бийске. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 149—150.
14. ЦХАФАК. Ф.179. Оп.1. Д. 156. Л. 3; Гришаев В. Указ. соч. С. 149—150.
15. Гришаев В. Указ. соч. С. 150.
16. Там же. С. 150—152.
17. Жертвы политического террора в СССР. Изд-е 3-е, передел, и доп. Диск № 1, М.: Звенья, 2004.

М. В. Белозерова,
канд. ист. наук, ст. преподаватель КемГУ; с. н. с.
лаборатории этносоциальной и этноэкологической
геоинформатики ИУУ СО РАН—КемГУ.

К истории переселенческой политики в Горной Шории

В течение долгого времени переселенческой политике на территории Кузбасса, в том числе и в Горной Шории, не уделялось должного внимания в отличие от сибирского региона в целом. Детально эта проблема в рамках Сибири была исследована Н. И. Платуновым (6). Почему же сложилась такая ситуация в нашем регионе? Тем более если учитывать тот факт, что проблемы массового переселения жителей из европейской части России, в том числе и на территорию Горной Шории, в 20—30-е гг. XX в. тесно были связаны с проблемами коллективизации, в достаточной степени изученной в советской историографии.

По всей видимости, такая ситуация сложилась потому, что переселенческая политика на территорию Горной Шории в начальный период советской власти интересовала исследователей лишь с точки зрения развития промышленности (9). В частности, в связи со строительством Тельбесского железоделательного завода, с формированием рабочих кадров и созданием продовольственной базы для завода. Такие проблемы, как проведение нового землеустройства у шорцев и переселенцев, изменение хозяйственной ориентации, изменение этнического состава населения, столкновение интересов шорцев и переселенцев с их различными по типу формами ведения хозяйства, усиление социального расслоения в результате переселения на территорию Горной Шории, роль индустриализации в изменении хозяйственной ориентации шорцев остались без внимания исследователей. Это первое.

Второе. Это связано с тем, что подобными проблемами в национальном регионе занимались в основном этнографы. Вышеперечисленные вопросы не являлись при этом объектом специального исследования. К данной ситуации привело и ограниченное использование этнографами архивных документов. Именно архивные документы, ранее не использованные исследователями, позволяют заполнить недостающие страницы, в том числе и по истории переселенческой политики.

Вплоть до конца XIX в. земли Шории не привлекали к себе внимания русских в связи с их географическим положением и климатическими условиями. Горно-таежная Шория не была пригодна для земледелия и скотоводства. Еще в 1906 г. здесь не насчитывалось и десяти русских деревень (8, с. 224). На эти земли правительство обратило внимание

VI-я землеустроительная партия Алтайского горного округа. 1911—1913 (из фондов Алтайского краеведческого музея)

лишь в 1906 г. Был издан Высочайший Указ о передаче на арендных условиях всех свободных и могущих быть свободными земель Алтайского горного округа в казну для переселенческого фонда. Это было связано с революционными событиями 1905 г., и тем самым правительство пыталось смягчить назревшие противоречия в аграрной сфере. Переселение в Горную Шорию началось с 1910 г. по долинам р. Кондомы в район Кондомской и Кузедеевской волостей и приостановилось лишь во время Первой мировой войны в 1914—1915 гг. Переселение было тесно связано с проблемой землеустройства как пришедшего, так и местного населения (8; 10; 11).

Процесс землеустройства должен был быть завершен в течение 1913 г., однако отдельные работы проводились и в 1914 г. Землеустройство предполагалось проводить вначале в северной части Шории, так как считалось, что ее население было в большей степени подготовлено к проведению реформы, и во вторую очередь — в южной части Шории. Учитывая дисперсный характер расселения, разбросанность сельскохозяйственных угодий и их незначительную площадь, землеустроители выделяли надел для нескольких улусов в одном отрубе. При этом жители нескольких улусов (от 5 до 9 улусов) ссылались в один населенный пункт. Это приводило к изменению поземельных связей и образованию новых общин. То есть одной из сторон Столыпинской аграрной реформы было проведение землеустройства — отвод земли под хутора

На переднем плане — Иванов, начальник VI-й землеустроительной партии Алтайского горного округа с местными жителями. 1911—1913 (из фондов Алтайского краеведческого музея)

и переселенческие участки, которые создавались в наиболее удобных для земледелия местах. Естественно, что часть земель, находившихся в пользовании коренного населения, отводилась в колонизационный фонд под хутора. Тем самым у коренного населения изымалась часть промысловых угодий. Коренное же население с выделенных переселенцам мест выселялось. С проведением землеустройства промыслы, в том числе сбор кедрового ореха и охота, были разрешены только после уплаты пошлины (до 1913 г. промысловыми участками можно было пользоваться беспошлинно). Все это: выселение шорцев, изъятие угодий, введение пошлины на промыслы — ограничивало развитие традиционной системы жизнеобеспечения. Здесь же следует отметить, что выделяемые наделы окружались так называемым арендным фондом Кабинета. В него отчуждались участки, где проводилась охота, и кедровники.

Но курс на создание зажиточных крестьян-собственников до конца не был осуществлен, и заселить созданные переселенческие участки полностью не удалось. Это было связано с тем, что на переселенческих участках не было проведено внутреннего межевания, этот район был малоперспективен для развития земледелия и животноводства и традиционный земледельческий опыт русского крестьянства в условиях Горной Шории оказался бесполезным. Вплоть до революции там в основном проживало коренное население, и в то же время от-

*Население Горной Шории при проведении землеустроительных работ.
1910-е (из фондов Алтайского краеведческого музея)*

мечалась тенденция потери шорцами земли, отведенной под хутора (11, с. 166).

Переселенческая политика имела и другую сторону. В связи с тем, что этот район был малоперспективен в сельскохозяйственном плане из-за климатических и ландшафтных условий и больших финансовых затрат при очистке земель от леса для пашни и сенокосов, переселенцы обратили свое внимание на промысловые угодья. Именно охота и сбор кедрового ореха давали промысловикам доход. То есть промысловые угодья оказались в сфере экономического интереса коренного населения и переселенцев (10, с. 127).

Таким образом, процесс землеустройства на территории Горной Шории, протекавший в 1912—1913 гг., проводился не в интересах коренного населения — шорцев. Уже в предреволюционные годы началась переориентация их на ведение сельского хозяйства, шорцы перевелись в категорию «оседлого» населения. Вместо ясака они должны были платить подушную и оброчную подати. А объектом обложения становился надел, т. е. в этот период происходил переход от подушного обложения к поземельному.

После Октябрьской революции 1917 г. в первые годы советской власти, в период Гражданской войны и в результате голода в европейской части России в 1921 г. возобновилось переселение из центральных областей России в Сибирь, в том числе и в Горную Шорию. В этот период оно приобрело массовый характер. Именно в это время Постановлением

ВЦИК от 25 июля 1921 г. было разрешено свободное переселение из районов, пораженных голодом (6).

Под нажимом ряда земельных отделов западных губерний (например, Витебской, Гомельской и др.) в 1922 г. был основан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт (с 1925 г. Институт землеустройства и переселения). Перед ним была поставлена задача изучения вопроса о возможности открытия планового переселения и формах его проведения. В результате проделанной работы вышло Постановление Совета труда и обороны от 17 октября 1924 г. «О ближайших задачах колонизации и переселения» (6, с. 66, 67). В Постановлении были сформулированы основные положения и главные задачи, которые сводились к следующему:

- основной задачей переселения было вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции;
- переселенческие мероприятия должны были проводиться в следующем порядке: землеустройство туземного кочевого и неоседлого населения, землеустройство пришлого населения, самовольно захватившего земли в колонизируемых районах, заселение остающихся свободными земель колонизируемых районов путем переселения;
- в первую очередь должны были заселяться те районы, которые можно было бы освоить в кратчайший срок с наименьшей затратой государственных средств;
- переселение и колонизацию можно было проводить только после завершения землеустройства местного населения или одновременно с ним.

В 1925—1926 гг. для упорядочения этого процесса было запланировано создание переселенческих управлений Сибири. Однако их работа протекала в неблагоприятных условиях, что отмечалось В. И. Рубинским, представителем Наркомзема, отправленным в Сибирь и на Дальний Восток для ознакомления с постановкой переселенческого дела. Причину неудовлетворительной работы переселенческих управлений он видел в том, что «под напором крестьянских масс из перенаселенных районов СССР переселение было открыто за год до открытия переселенческих управлений» (9, с. 13), т. е. массовое переселение началось в 1924 г. Поэтому перед местными переселенческими пунктами были сформулированы следующие задачи (9, с. 13, 19):

- подготовить земельный фонд для переселенцев, уже осевших в 1924—1925 гг. еще на не подготовленных участках;
- подготовить фонд для переселенцев, прибывших в 1925—1926 гг., по сути дела, в год открытия работ по переселению;
- подготовить фонд для переселенцев, ожидаемых в 1927—1928 гг.;

- подготовить переселенческие участки для ведения на них хозяйства, чтобы каждый переселенец в короткий срок мог прикрепиться к земле, организовать первоначальное небольшое хозяйство и в дальнейшем расширять его.

В этот период происходил самовольный захват земель. На территории Сибири заселение в основном шло в обжитых и полуобжитых районах. Перед переселенческими управлениями была поставлена задача по подготовке необжитых районов к переселению. К таким районам, по мнению В.И. Рубинского, относился Кондомский район на юге Кузнецкого округа — это район строящегося Тельбесского железоделательного завода. В отношении этого района была поставлена задача «...плотного заселения... в целях создания продовольственной базы для завода и создания местных рабочих кадров...» (9, с. 17—18). В результате такой политики на территории Горной Шории уже к 1926 г. переселенцев, по данным Горно-Шорского райкома партии, насчитывалось около 16 208 человек, т. е. около 66 % от общего количества населения (13, с. 156; ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 35. Л. 10).

Стихийную переселенческую волну местные власти стали прекращать в 1925 г. и вводить ее в русло планового переселения (13, с. 156). И уже с 1926 г. администрацией Горно-Шорского национального района был введен план по переселению в Горную Шорию.

Для проведения землеустроительных работ на территорию Горной Шории была в 1926—1927 гг. направлена Томская колонизационно-переселенческая партия. Она проводила работы в районе рек Мрассу и Кондома. Характер работы партии заключался в следующем: обследование переселенческих участков прежних владельцев, обследование лесных дач (Мрассо-Кондомской, Лево-Кондомской), переформирование участков, ограничение земельных излишков, топографическая съемка (12, с. 127; 13, с. 157; ГАКО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 93. Лл. 5 об-6). Рассмотрим более подробно результаты работ.

Так, в Мрасском районе надо было обследовать 700 000 га земель; фактически же было обследовано 1 070 000 га. В результате этого обследования был выявлен фонд для заселения в южной части площадью примерно в 350 000 га и в районе водораздельного плато между реками Мрассу и Кондомой в системе вершины Таза и Большой речки площадью примерно 40 000 га. Территорию этого района заселяли в основном шорцы, в хозяйстве которых большое место уделялось кедровому промыслу и охоте. Сельское хозяйство было развито слабо. По окончании работ Томской переселенческой партией даны были рекомендации и о хозяйственной ориентации данного района. Основой должно было стать скотоводческо-зерновое хозяйство, при этом зерновое хозяйство должно было быть весьма ограничено. Оно должно было развиваться

исключительно для удовлетворения своих хозяйственных потребностей (13, с. 156).

Кондомский район, как уже отмечалось, привлекал переселенцев для развития какого-либо вида хозяйства (пасечничества, промысла, полеводства) с 1910—1912 гг. Начиная с 1923—1924 гг., в результате гибели хвойных лесов (район Лево-Кондомской дачи) возможности развития полеводства, по мнению местных властей, несколько расширились. Район был заселен на 40—50 %, из-за горного характера местности освоение земель шло не далее 1—1,5 км от поселков. К 1928 г. здесь насчитывалось всего 78 хозяйств с населением 374 человек. Посевная площадь была незначительна и составляла примерно 120 га, под огородами находилось чуть более 13 га, под сенокосами — 209 га. Сельским хозяйством занималось, как правило, пришлое население. Шорцы же, которые составляли 50 % населения, в основном были ориентированы на промыслы (13, с. 156—157).

Вновь прибывающие переселенцы не использовали так называемые «дальние» (т. е. отдаленные от имеющихся поселков) земли, а самовольно селились на уже занятых участках. Результатом этого были споры и конфликты между шорцами и переселенцами. Поэтому при обследовании Кондомского района в качестве первоочередной была поставлена задача переформирования переселенческих участков.

Для выполнения поставленных задач на территории Горно-Шорского района Томской переселенческой партией и сельскими советами было обследовано 43 переселенческих участка (5, с. 55; ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 35; Р-64. Оп. 2. Д. 16. Л. 3). Их емкость в земельных долях составляла 8 032 души, здесь проживало 3343 души (или 586 семей), свободный фонд составлял 4 689 долей (или душ). Именно на этот свободный фонд с 01.10.1926 г. по 01.09.1928 г. и зачислялись переселенцы. За указанный период всего было зачислено и плановых переселенцев и «самовольцев» 2 984 души (или 521 семья), что составило примерно 63,7 % от всего свободного земельного фонда. Из них плановых переселенцев было примерно 77,7 % (по архивным данным 87,26 %), «самовольцев» — примерно 22,3 % (по архивным данным 12,34 %). Кроме того, происходило «водворение» переселенцев. За этот же период было «водворено» 1 063 души (256 семей), что составило примерно 22,7 % всего свободного земельного фонда. Из них плановых переселенцев было примерно 66,9 % (по архивным данным 67,7 %), «самовольцев» — примерно 33,1 % (по архивным данным — 32,4 %). Как видим по архивным данным, а это отчетные документы Горно-Шорского райисполкома, наблюдается или небольшое завышение, или занижение процентного соотношения зачисленных и «водворенных» переселенцев.

Наибольший наплыв переселенцев в Горную Шорию начинается с 1927 г. (ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 36), что было связано с промыш-

ленным строительством. Причем в этот период переселенцы были в основном из Сибирских регионов – Каменского, Барабинского, Славгородского и Новосибирского районов. Так, только за февраль-март 1927 г. было зарегистрировано «самовольцев» 1350 душ, кроме них надо было зачислить еще 950 душ плановых переселенцев прошлых лет. Дело усугублялось тем, что представители новой волны переселенцев продолжали самовольно захватывать земельные участки и селиться на них.

Примерно с 1927 г. начинается процесс возвращения переселенцев на родину, в европейскую часть России. Уходили в основном середняки, которые имели на родине землю в 10-12 десятин и не проданные постройки, беднота же уходила в рабочие районы Кузнецкого округа. Так, в 1926-1927 гг. на родину ушло 54 семьи (326 едоков) или примерно 5,4 %, в 1927—1928 гг. — 29 семей (198 душ), что составило примерно 5,6 % (по архивным данным 6,63 %) от общего числа заселенных. Причинами отказа от «водворения» была и неполная информация ходоков своим доверителям о местонахождении зачисленного за ними участка, условиях организации нового участка и недостаток материальных средств. В отчете Томской переселенческой партии отмечалось, что в 1927 г., например, колонизационный фонд состоял из участков таежного характера с незначительным количеством полян и гарей. Участки не были обеспечены водой и дорогами. Такие условия, конечно же, отпугивали переселенцев. Однако в целом водворение переселенцев проводилось на участках, расположенных в обжитой полосе.

По национальности переселенцев местные органы власти разделяли на великороссов, малороссов, белорусов, мордву, чувашей, вотяков, татар, зырян. Точного учета количества каждой национальности не велось. В отчетных документах Горно-Шорского райисполкома отмечалось, что среди переселенцев, особенно у национальных меньшинств, существовало стремление к национальному объединению.

В Горно-Шорском районе норма наделения землей была следующей (ГАКО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 93. Л. 11):

- для земельных участков, выделенных из того или иного земельного общества как излишки, устанавливалась норма надела на душу, аналогичная с нормой данного земельного общества;
- на переселенческих так называемых участках «нового образования», т. е. вновь образованных, душевая норма исчислялась в 5 га удобных для сельскохозяйственного использования земель на одного едока;
- на переформированных участках норма была аналогичной со смежными наделами старожильческого населения, ведущего один тип хозяйства при равных экономических условиях, но не более 6 га на душу;

- при определении колонизационной емкости надел должен был составлять по 7 га удобных и неудобных для сельскохозяйственных работ земель на душу населения.

Из-за недостатка «готового» земельного фонда переселенцы очень плохо обеспечивались посевной площадью. Чтобы расширить ее, необходимо было вести работы по раскорчевке леса. По данным Томской переселенческой партии на территории Горной Шории за лето 1928 г. каждое хозяйство должно было провести раскорчевку участков, равных 1,53 га (ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 36). Эти работы проводились силами самих переселенцев, работа двигалась очень медленно. Главным занятием переселенцев было земледелие и животноводство, частично пчеловодство.

На хозяйственное устройство переселенцам выдавались кредит и домохозяйственная ссуда (9, с. 23). Средний размер кредита для районов Сибири составлял 300 рублей на одно переселенческое хозяйство. Кроме того, переселенческим организациям выделялась ссуда в размере 10 % максимальных ссуд. Эта ссуда выделялась на приобретение оборудования и сооружение кооперативных предприятий, кустарно-промышленных мастерских, сооружение мельниц и т.д. Она выдавалась сроком до 10 лет с рассрочкой платежа через 5 лет в течение следующих льготных лет равными частями. Домохозяйственная ссуда выдавалась переселенцам на хозяйственное устройство: на возведение построек, покупку лошадей, коров, плугов, семян. Так с 1.10.1926 г. по 1.09.1928 г. на территории Горной Шории домохозяйственная ссуда была выдана 161 хозяйству в размере 34 750 рублей. В среднем на одно хозяйство приходилось примерно по 215 руб. 80 коп. (ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 35).

Снабжение переселенцев сельскохозяйственным инвентарем и товарами широкого потребления производилось через систему сельхозсоюза и потребительской кооперации. С 1928 г. с увеличением числа переселенцев снабжение стало проводиться через систему кредитсоюза. Для этого составлялись списки необходимых товаров, сельскохозяйственного инвентаря, семян. На основе этих списков и происходило снабжение.

В результате такой переселенческой и земельной политики сложилась ситуация, когда шорцы, проживая не на оформленной земле, не знали, каким количеством земли они владели. Границы их землепользования были не определены. Все это вело к столкновению интересов переселенцев и коренного населения — шорцев и соответственно различных по типу хозяйственных форм: промысловой с небольшим развитием земледелия и скотоводства у коренных жителей и зерново-полеводческой пришлого населения (5, с. 55). Власти регистрировали факты прямого вытеснения шорцев из зон традиционного проживания

и межнациональные конфликты. Так, в связи с переселением русскоязычного населения в течение 1931 г. только в Чилису-Анзасском сельсовете шорцы покинули три улуса (Шурчак, Онзас, Большой Пвижок), сократилось число семей в улусе Чилису, отмечался уход шорского населения вглубь тайги (13, с. 157). С другой стороны, существовала неравномерность распределения земельных угодий между различными социальными группами — эксплуататоров в лице баев и эксплуатируемых. Как отмечается в архивных документах, земельные отношения еще в этот период продолжали развиваться на принципах «захватно-родовых, выгодных только баям...», они задерживали «развитие производительных сил сельского хозяйства, служили основой патриархально-родовых пережитков и создавали почву для национальных трений...» (ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 10; Д. 31. Л. 4, 24). Поэтому решение земельного вопроса являлось основной предпосылкой для социалистического переустройства улуса. И на первый план перед местными партийными и советскими органами власти выдвигались следующие задачи (ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 10; Д. 31. Л. 24, 46; Д. 35. Л. 10):

- разработка плана и проведение землеустройства в национальных районах. При этом необходимо было провести, прежде всего, внутриулусное землеустройство с целью изменения старых социально-экономических отношений внутри улуса, «подрывающих межнациональную рознь». Для этого необходимо было ликвидировать родовые пережитки в землепользовании, лишить земельных привилегий байство и кулачество;
- проведение переселенческой политики с учетом интересов коренных жителей национальных районов. Так, например, на территории Горной Шории следовало учитывать тот факт, что шорцы не любили жить совместно с русскими, и при переселении русских на их земли шорцы уходили в Абаканский край или вглубь тайги. Поэтому необходимо было оградить коренное население от захвата их земель, для чего низовым органам власти было запрещено приписывать пришлое население;
- выделение территории для заселения спецпереселенцами. На этих участках планировалось вести лесозаготовительные работы;
- выделение необходимого количества земельно-технических работников для проведения землестроительных работ;
- ходатайство о понижении платы за проведение землеустройства в национальных районах и об освобождении уплаты за проведение землестроительных работ с малоимущей части населения.
- проведение кооперирования и коллективизации среди основных слоев мелких и средних хозяев;
- реорганизация животноводческого хозяйства как основы экономики национальных районов. Непосредственно для районов Горной Шории решением бюро Западно-Сибирского крайкома от 16.11.1930 г. ставились задачи: социалистическая реконструкция промыслового

хозяйства как основы колхозов, развитие животноводства, создание простейших производственных объединений – животноводческих, пчеловодных, охотниче-рыбацких артелей, создание простейших видов колхозов — молочно-животноводческих товариществ типа ТОЗов, пчеловодческих и звероводческих колхозов и др. задачи.

Землеустроительные работы на территории Горной Шории должны были быть завершены в 1931 г. (ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 31. Л. 46). При сельских советах создавались комиссии по землеустройству. В них входили специалист-землемер, представители колхозников и единоличников. Комиссии работали под контролем районного земельного отдела (райзо). Однако в отчете райзо Горно-Шорского района за 1929 г. отмечалось, что эта организация неправлялась со своей работой из-за текучести кадров и неукомплектованности штата.

В отчетных документах Горно-Шорского райисполкома отмечалось, что наиболее подготовленным к проведению землеустроительных работ было население северо-западной части района (ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 34, 39 об.). Однако из-за отсутствия технического персонала, в том числе и в районном земельном отделе, удовлетворить требования по землеустройству на 100 % не представлялось возможным, поэтому землеустроительные работы первоначально проводились только в двух сельсоветах — Шушталепском и Абашевском. Но в 1928 г. эти работы все же начались и в других сельсоветах (Кузедеевском, Тайлепском, Кандалепском и др.), расположенных на северо-западе Горно-Шорского района в долинах рек Томь и Кондомы. Исключение составили те населенные пункты, которые находились на землях Тельбесстроя. Землеустроительные работы здесь закончились уже к началу 30-х годов XX в.

Проблема землеустройства переселенцев и местного населения была достаточно острой. Землеустроительные партии предлагали переселенцев из европейской части России доселять в шорские улусы (12, с. 127). Однако администрация района отмечала, что шорцы отрицательно относились к такому решению вопроса, они вынуждены были бросать свое местожительство и уходить вглубь тайги (ГАКО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 195. Л. 38). Поэтому искали и другие пути решения вопроса хотя бы с частичным учетом этнических интересов (12, с. 128). Например, объединить несколько шорских улусов в одно земельное общество. Такое решение вопроса не вызывало бы возражений со стороны шорцев, но возникали трудности у администрации района. В связи с тем, что шорские улусы были мелкие и разбросаны друг от друга на большой территории, возникли бы трудности при коллективизации хозяйств. Еще один путь землеустройства предусматривал объединение нескольких шорских улусов в один с количеством дворов не менее 15. Однако и здесь имелись трудности для реализации, так как требовалась субсидии из госфонда.

Четвертый путь землеустройства предусматривал переселение шорцев, живущих в Усть-Селезском, Спасском, Байгазенгольском сельских советах, в южную часть района в верховья рек Мрассу и Кондомы, на территорию Челису-Анзасского, Усть-Колзасского, Тугунского, Усть-Кезесского и Кабырзинского сельсоветов. Населенные пункты должны были создаваться с количеством дворов не менее 15. На освободившиеся места должны были быть водворены переселенцы, прибывшие из европейской части России (КАКО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 195. Л. 38). Эти планы были вынесены на широкое обсуждение среди населения.

Но комиссии по землеустройству и райзо не справились со своей работой в целом по району. Поэтому в связи с большим потоком «самовольцев», обострением национального вопроса (шорцы оттеснялись переселенцами вглубь района), нерешенностью вопросов землепользования, отсутствием компактных селений на юге Шории (здесь до 75 % селений оставалось с числом дворов от 1 до 10) Горно-Шорский райзо обратился с просьбой к Западно-Сибирскому краевому земельному отделу о включении Горно-Шорского района в план работ по землеустройству на 1931 г. Теперь суть работ заключалась в следующем (Архив МАЭ... Ф. 3. Оп. 1. № 3. Л. 21): в пересмотре всего состава пришлого населения, в выявлении усадебных центров с лучшими землями, наиболее выгодно связанных с дорогами, в создании крупных шорских селений. При наделении землей рекомендовалось строго соблюдать классовый принцип. Теперь работой охватывался весь юг Горной Шории, так как там не было «земельной революции». Поэтому основная работа здесь заключалась в проведении массового передела сенокосов и земельных угодий. В целом эти работы соответствовали новым задачам советского правительства в экономической политике в 30-е гг. XX в. — коллективизации.

С коллективизацией и ликвидацией кулачества идет новая волна переселенцев в Горную Шорию. Именно в 1930—1931 гг., как отмечали местные жители в протоколах бедняцко-батрацких собраний, Горно-Шорский район стал «убежищем для... всех кулаков Сибирского края...», отмечался их «массовый наплыв под видом переселенцев...» (ГАКО Ф. П-3. Оп. 1. Д. 97. Л. 1). Основным средством борьбы с такими «переселенцами» стало их раскулачивание, изоляция из района.

Таким образом, переселенческая политика и сопутствующая ей землестроительная политика, проводимая в 20-е гг. XX в., не имела принципиальных отличий от практиковавшейся в предреволюционные годы и объективно способствовала распаду традиционной системы жизнеобеспечения. Отличия — в целях, которые она преследовала, и в темпах, которыми она проводилась. До революции переселенческая политика и землеустройство были направлены на создание собственников. После революции 1917 г. — на полную ликвидацию института

частной земельной собственности посредством индустриализации и коллективизации. Да и темпы переселения были более интенсивными и менее щадящими. В то же время необходимо отметить, что в процессе решения вопроса о продолжении колонизации имели место и другие планы: например, о выделении этнических территорий, закрытых для переселения русских. Так, комитетом Севера и Сибохотсоюзом в 20-е гг. XX в. рассматривался вопрос о разграничении промысловых участков по этническому признаку и об организации в пределах Горной Шории «Большого шорского охотничьего хозяйства» (13, с. 158). Однако вопрос был снят при организации Горно-Шорского национального района.

Примечания

1. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Ф. 3. Личный фонд Н. П. Дыренковой. Оп. 1. № 3.
2. ГАКО. Ф. П-3. Горно-Шорский райком ВКП(б). Оп. 1. Д. 7,31, 35, 76, 97.
3. ГАКО. Ф. Р-22. Кузнецкий окрискполком. Оп. 1. Д. 93, 195.
4. ГАКО. Ф. Р-64. Исполнительный комитет Горно-Шорского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Исполнительный комитет Горно-Шорского районного Совета депутатов трудящихся. Оп. 2. Д. 1 «б».
5. Белозерова М. В. Политика коллективизации в национальных районах (на примере Горной Шории) // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск. Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000.
6. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Томского университета, 1976.
7. Потапов Л. П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933.
8. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
9. Рубинский В. И. Переселение в Сибири и на Дальнем Востоке // Северная Азия. 1928. Кн. 2.
10. Садовой А. Н. Землеустройство и принципы национальной политики (Горная Шория. XIX – 30-е годы XX в.) // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово, 1993.
11. Садовой А. Н. ТERRITORIALНАЯ община Горного Алтая и Шории (конец XIX - начало XX вв.). Кемерово, 1992.
12. Садовой А. Н., Белозерова М. В. Проблемы интеграции «малых» этносов в индустриальное общество // Центральная Азия: проблемы современного социокультурного развития. Новосибирск, 2003.
13. Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы. Кемерово, 2003.

Р. Ю. Алексеева,
научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея

Новый памятник — новые традиции

Одним из видов моей работы и работы наших сотрудников является проведение экскурсий по городу Кемерово. История города связана с памятниками, которые становятся символами Кемерова и области в целом. В 2003 году в Кемерове открылось несколько памятников, бюст космонавту А. А. Леонову, автор Лев Кербель, памятник «Память шахтерам Кузбасса», автор Эрнст Неизвестный, и мемориал кузбассовцам, погибшим в локальных войнах и вооруженных конфликтах, скульптор Валерий Треска. Наибольшее внимание в прессе и в целом в жизни города привлек памятник «Память шахтерам Кузбасса», открытие которого состоялось на День шахтера 28 августа 2003 года. В своей статье я попыталась собрать и обобщить весь материал, посвященный этому событию.

Эрнст Неизвестный родился в Екатеринбурге в 1925 году. До 1942 года посещает в Свердловске школу для художественно одаренных детей. В 1943 году уходит добровольцем на фронт. Тяжело ранен в Австрии 22 апреля 1945 года, объявлен мертвым и посмертно награжден орденом Красной Звезды. В 1945—1946 гг. преподает рисование в Суворовском училище в Свердловске. В 1946—1947 гг. обучается в Академии Художеств в Риге; затем в 1947—1954 гг. — в Суриковском институте и на философском факультете Московского государственного университета. В 1954—1962 гг. участвует в молодежных, республиканских и всесоюзных выставках в Москве. В 1955—1976 гг. — член секции скульпторов Московского отделения Союза художников СССР. В 1956 году начинает работу над архитектурным монументом человеческому творчеству в искусстве, науке и технике — проектом «Древо жизни». В 1957 году получает две премии на IV Международном фестивале молодежи и студентов в Москве. В 1959 году становится победителем всесоюзного конкурса на создание монумента Победы в Великой Отечественной войне. В 1962 году участвует в выставке в Манеже и спорит об искусстве с Н. С. Хрущевым. В 1963 году начинает работу над серией рисунков и гравюр к произведениям Ф. М. Достоевского. С 1965 года неоднократный участник художественных выставок на Западе. В 1970 году выходит роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» с иллюстрациями Э. Неизвестного. В 1976 году эмигрирует на Запад и поселяется в Цюрихе, откуда в 1977 году переезжает в Нью-Йорк. Начинает читать лекции по искусству и философии в университетах США. В 1983 году избирается профессором гуманитарных наук

Орегонского университета (США). Читает лекции по искусству и философии в Колумбийском и Гарвардском университетах. В 1986 году избирается в Шведскую Королевскую академию наук и Нью-Йоркскую академию искусств и наук. В 1987 году в шведском городе Уттерсберге открывается музей «Древо жизни», посвященный работам Э. Неизвестного. В 1989 году читает лекции по культуре в МГУ. Приглашен оформить монумент жертвам Холокоста в Риге и памятник жертвам сталинизма в Магадане, Воркуте и Екатеринбурге.

И вот теперь его скульптура есть и в нашем городе.

В 1969 году по предложению Кемеровского облисполкома было принято решение Совета министров РСФСР о сооружении монумента «Шахтерская слава» в городе Кемерово.

Но только в 2003 году эта идея нашла воплощение в памятнике знаменитого скульптора. Памятник представляет собой фигуру шахтера, который одной рукой опирается на отбойный молоток, другую держит возле горящего сердца. На пьедестале у его подножия «маски скорби». Скульптура сделана в бронзе, пьедестал из черного гранита, высота самой скульптуры — семь метров, высота пьедестала — четыре с половиной, вес 5 тонн. Для работы над монументом из Кемеровского областного краеведческого музея были присланы фотографии шахтеров во время забастовок 1989 года, также в Америку были высланы шахтерская каска, лампа, а также фотографии возможных мест установления памятника. В ноябре 2002 года на заседании градостроительного совета обсуждались два варианта расположения монумента. Либо возле музея «Красная горка», либо на месте обелиска на самой вершине Красной горки. Выбранное место скульптору очень понравилось, прямо с трапа самолета он поехал осматривать свой монумент. Ему понравилась пространственная разработка, привязка к местности, дизайн элементов (фонари, лампы). Он сказал в интервью журналистам: «Существует декоративная скульптура, но существует и скульптура, которая претендует на некоторую форму ритуальности. Она должна быть выведена из повседневности и поставлена так, чтобы

Монумент шахтерской славы.
Автор Э. Неизвестный

организовать пространство, которое могло бы создавать обособленность и ритуальность. На эту гору надо подниматься, надо переживать не только искусство, но и само физиологическое движение к нему. Поставить такую скульптуру у театра будет неправильно — пространство должно быть просторным, пейзаж вокруг создает ту претензию, которая была заложена в первооснове»¹.

По мнению Неизвестного, с эстетической точки зрения монумент является попыткой синтеза прошлого и настоящего. В нем соединен некий исторический период, например, период войны с ее героикой, с представлениями автора об искусстве XX века. Эрнст Неизвестный в своем интервью говорил о том, что он боялся, что от него будут требовать некоторой формы апологетики. И он не сможет взяться за этот проект. Но когда Неизвестный встретился с губернатором Тулеевым и был начат разговор на эту тему, Тулеев вдруг прервал его и сказал: «Эрнст, я прошу вас запомнить, что в каждой лампочке, которая горит, находится капля крови шахтера»². И это сразу решило проблему, потому что у скульптора моментально родилась идея, ключ идейный и эстетический. Поэтому он с большим удовольствием работал. Работа, по мнению автора, была сделана быстро, над монументами жертв сталинизма он работал с 1953 года.

Гонорар автор не взял: это его подарок всем кузбассовцам. Все остальные работы по отливке, транспортировке и т.д. оцениваются в российской прессе примерно в 750 тысяч долларов³. Путешествие памятника из Нью-Йорка в Кемерово продолжалось 1,5 месяца. 7 июля 2003 года скульптура отбыла морем из Америки и прибыла в Петербург 6 августа, по дороге морской транспорт дважды ломался и становился на ремонт в портах Амстердама и Риги. Из Санкт-Петербурга до Кемерова памятник добирался автотранспортом. На монтаж памятника ушла неделя. Территория возле монумента заасфальтирована, организован постоянный пост милиции, оборудованы места для отдыха, проведен свет и сам монумент освещен специальной подсветкой. А также сделана остановка городского автотранспорта. Работы выполняли кемеровские и югославские рабочие.

Памятник «Память шахтерам Кузбасса» всего за год стал излюбленным местом горожан и гостей нашего города. Уже сформировалась традиция привозить гостей города и области на Красную горку, возлагать цветы, молодожены в день свадьбы посещают монумент, школьники совершают экскурсии. За такое короткое время он уже полюбился горожанам. «Шахтерский ангел», так его назвал Неизвестный, органично вписался в живописный ландшафт, находясь на самой вершине Красной горки, светя своим огненным сердцем.

Символично, что на другой стороне от коммунального моста через Томь находится православный крест на горе. В 2000 году паломни-

ками был установлен деревянный крест. Но этой весной крест был срублен. Восстановление креста длилось несколько недель. Сейчас крест металлический, и он покрашен специальной, светоотражающей краской. Крест зеленого цвета. По мнению священнослужителей, крест прекрасно гармонирует с буйной зеленью, растущей вокруг. К тому же, зеленый — церковный цвет, он связан с символами жизни. На Троицу церковное убранство именно такого цвета.

Так новые памятники меняют облик нашего города, вносят свой колорит и формируют новые добрые традиции.

Примечания

1. Неизвестный Э. Я сделал шахтерского ангела // Кузбасс. 2003. 6 сентября. С. 8—9.
2. Там же.
3. Кларисс М. Шахтерский ангел // Российская газета. 2003. 29 августа. С.6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКМ — Анжеро-Судженский краеведческий музей
Архив НИЦ СПб. «Мемориал» — Архив научно-исследовательского центра СПб.
ГАКО — Государственный архив Кемеровской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
КОКМ — Кемеровский областной краеведческий музей
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей
НФ ГАКО — Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
ТФ ГАТО — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
д. ж. п. — душ женского пола
д. м. п. — душ мужского пола
нв — научно-вспомогательный фонд
оф — основной фонд
ЦАМО СССР — Центральный архив Министерства обороны СССР

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. П. Кравцова</i> «Времена не выбирают»	3
<i>Л. Ю. Китова</i> К истории Кемеровского краеведческого музея.....	7
<i>Д. И. Балибалова</i> Музей в жизни нашей семьи	12

КОЛЛЕКЦИИ РАССКАЗЫВАЮТ

<i>Е. В. Лежнёва</i> Русские монеты XVI—первой половины XVII веков в фондах Кемеровского областного краеведческого музея	17
<i>А. В. Добжанская</i> Энциклопедии и словари в фонде «Редкая книга» Кемеровского областного краеведческого музея	19
<i>Т. И. Бабакова</i> Архив А. И. Федоровой в фондах Новокузнецкого краеведческого музея.....	28
<i>В. И. Шефер</i> Архив П. С. Шпиня в фондах Новокузнецкого краеведческого музея	33
<i>О. Н. Владимирова</i> Листая пожелтевшие страницы.....	40
<i>С. Н. Фиц</i> Материалы, посвященные М. В. Тронову в фондах Новокузнецкого краеведческого музея	47
<i>Л. Г. Шураева</i> Начало сказочной коллекции.....	53
<i>Г. И. Рогов</i> Рассказывают талоны-карточки	58

ЗЕМЛЯКИ

<i>Г. П. Калишева</i> «Котик Тузик шлет привет...».....	63
<i>А. О. Кауфман</i> Генерал П. Н. Путилов и Кузнецк	69
<i>А. А. Лопатин</i> Судьба поэта Усмана Насырова.....	76
<i>Р. Ф. Павловская</i> Илларион Васильев.....	87
<i>Н. П. Орешкина</i> Еще одна страница истории	94
<i>И. М. Чеканникова</i> Сибирь в произведениях Валентина Распутина глазами американских критиков	98
<i>И. Д. Касицкая</i> Из истории семьи мастера вышивки Т. П. Миньковой	103
<i>О. Н. Белоусова</i> Исторический аспект в повести Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома»	108

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ

<i>Л. П. Смокотина</i> Нас позвал Айрекс.....	112
<i>Л. Ф. Кузнецова</i> О создании выставки «Герои войн начала ХХ века»	122
<i>Т. Д. Чернова</i> Новый общественный городской медицинский музей.....	128
<i>Т. И. Кимеева</i> Проблемы комплектования, хранения и экспонирования коллекций музея физкультуры и спорта Кузбасса.....	131

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>И. Ю. Усков</i> Новый документ по истории старинного села.....	134
<i>А. М. Адаменко</i> Из истории прихода Сосновского острога.....	142
<i>М. А. Пермина</i> Четыреста десятин от царского двора.....	148
<i>Г. В. Славнова</i> Из истории создания Судженских копей (конец XIX—начало XX вв.) ..	155
<i>Ю. П. Горелов</i> Сибирские священники в Русско-японской войне (1904—1905 гг.)	158
<i>С. Н. Куирюшкин</i> О праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. в Томской губернии	161
<i>М. А. Шелковников</i> Фотографы Томской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.)	168
<i>М. В. Цыпкайкина</i> Из истории православия на территориях, прилегающих к городу Березовский (бывших Арсениевской, Барзасской и Подонинской волостей).....	177
<i>Н. П. Шуранов</i> Установление власти Советов в Кузбассе	182
<i>А. А. Лыкова</i> К вопросу о Кузнецком восстании 1919 г.	191
<i>С. П. Звягин</i> Народное просвещение в Кузнецком уезде в годы Гражданской войны	199
<i>М. В. Белозерова</i> К истории переселенческой политики в Горной Шории	203
<i>Р. Ю. Алексеева</i> Новый памятник — новые традиции	216

Разыскания
Историко-краеведческий альманах

Научно-популярное издание

Редактор *A. B. Правда*
Инженер компьютерной верстки *C. A. Скобликов*
Корректор *I. B. Шатерник*

Подписано в печать 27.09.2004. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Warnock Pro.
Усл. печ. л. 14. Тираж 1000 экз. Заказ 1401.

ФГУИПП «Кузбасс»
650066, Кемерово, пр-т Октябрьский, 28
тел. (384-2) 52-68-11, факс (384-2) 52-78-88

